
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Единственный выход из либерального тупика	3
Нина ТИХОМИРОВА. Московская битва	110
Елена КИРЯКОВА. Тря дня в августе, или Торжество беззакония	156
Людмила РЯБИЧЕНКО. «Служебный человек» как образ будущего	164
Евгений ОЛЕШУК. Основной вопрос эволюции	199

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Лестница. Роман. Окончание	21
Нина БОЙКО. Рассказы	127
Владимир ПРОНСКИЙ. Рассказы	170

ПОЭЗИЯ

Алексей ПРАСОЛОВ. Просветлённость глубины. Стихи .	101
Валерий ХАТЮШИН. Отраженье. Стихи	148
Наталья ЕГОРОВА. Очищающий свет. Стихи	191
Светлана СУПРУНОВА. Суетно, суетно в мире... Стихи	209
Николай КОНОВСКОЙ. Исповедь. Стихи	216

РУССКИЙ ВОПРОС

Александр САГАЛАЕВ. Неопределённость положения русских в России	221
Григорий МИРОНОВ. Как украинизировали Донбасс	231

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Станислав ЗОТОВ. Он служил России	235
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир ЛЕПЁХИН. Бандерофашизм — идеология убогих	246
Наталья БОРОВИКОВА. Ювенальный блицкриг состоялся	250

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	254
Содержание журнала за 2016 год	285

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, академик РАЕН, профессор

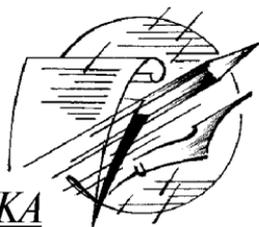
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД ИЗ ЛИБЕРАЛЬНОГО ТУПИКА

Исполнилось 25 трагических лет со времени преступного разрушения динамично развивающегося Советского Союза. Основами этого развития служили советская власть и общественная собственность на средства производства. Целью развития общества в лице государства было развитие экономики, образования, здравоохранения, науки, искусства, физкультуры и спорта, то есть обеспечение справедливого благосостояния всех граждан страны.

Механизмом реализации этой цели служила организация централизованного планирования производства и социальной сферы в масштабах народного хозяйства в целом, его отдельных отраслей, предприятий и организаций. Имеет смысл рассмотреть практику планирования и управления страной по отдельным историческим этапам.

Послереволюционный и предвоенный период

Ещё не завершилась Гражданская война, а уже перед страной встала слож-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нейшая, неотложная задача восстановления практически полностью разрушенного хозяйства. По данным известного статистика профессора В.М. Симчеры, валовой объём промышленного производства России в ценах 2000 года в 1916 году составлял 37,6 млрд. рублей, а к началу 1921 года он упал до 4,5 млрд. рублей, то есть в 8 раз!¹¹

В феврале 1921 года была учреждена Государственная плановая комиссия при Совете Министров СССР (Госплан), главной задачей которого была разработка первого государственного перспективного плана сроком на 10—15 лет (ГОЭЛРО). Для её выполнения была создана специальная государственная комиссия по электрификации России, которая приступила к обоснованию **коренной реконструкции народного хозяйства** на основе широкого использования электрической энергии. Для её практической реализации было решено построить 30 (!) крупных электростанций, в том числе 10 ГЭС общей мощностью 1,75 млн. кВт.

Уникальный план, в основных его параметрах, был выполнен досрочно — к 1931 году. В результате произведённой реконструкции народного хозяйства, наряду с форсированным развитием электроэнергетики, были восстановлены и модернизированы предприятия, действовавшие в дореволюционной России, и построены сотни новых крупнейших заводов и фабрик, оснащённых самой совершенной на тот срок техникой.

За истекшие 10 лет (1921—1930 гг.) валовое промышленное производство России возросло в 16 раз (с 4,5 до 73,2 млрд. рублей). Таких темпов экономического роста не удавалось достичь ни одной из стран капиталистического мира, базирующих своё производство на частной собственности и рыночной идеологии.

Наряду с выполнением плана ГОЭЛРО, начиная с IV квартала 1928 года, Госплан приступил к разработке пятилетних планов экономического и социального развития СССР. Эти планы разрабатывались в среднесрочном (на 5 лет) и текущем (на 1 год) вариантах. Первый пятилетний план охватывал временной период с 1929 по 1933 г. Второй пятилетний план включал период с 1933 по 1937 г. Третий — 1938—1942 гг. Выполнение этого плана было прервано Великой Отечественной войной, навязанной нашей стране злейшим врагом человечества — германским фашизмом. Каждый из этих планов содержал определённые социально-экономические задачи, соответствующие своему времени с точки зрения достижений науки и техники и растущих материальных и культурных потребностей общества. **Но общей генеральной задачей развития страны была её ускоренная индустриализация.**

Первый пятилетний план имел ключевое политическое и стратегическое значение. Его подготовка и принятие к исполнению проходили в острой внутрипартийной борьбе. Значительная часть либерально настроенных партийных и государственных руководящих работников из так называемой ленинской гвардии во главе с Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Каменевым и другими были категорически против сталинской идеи индустриализации страны.

В декабре 1925 года в Москве состоялся XIV съезд ВКП(б), на котором обсуждался вопрос о предстоящей индустриализации страны. В работе съезда принимали участие 1306 делегатов. В своём политическом докладе съезду Сталин так обосновал необходимость **ускоренной** индустриализации: «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как её подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся главным образом на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны».

Доклад был враждебно встречен либеральной оппозицией. Зиновьев и Каменев в своих выступлениях потребовали смещения Сталина с поста генерального секретаря партии. Однако подавляющее большинство делегатов не только не поддержали, но признали критику необъективной и провозгласили курс на индустриализацию. Съезд поручил правительству и Госплану приступить к разработке Первого пятилетнего плана социально-экономического развития СССР.

При утверждении этого плана V съездом Советов в мае 1929 года Сталин особо подчеркнул чрезвычайно сложный характер предстоящей работы. «Мы отстаем от передовых стран на 50—100 лет, — заявил он. — Или мы пробежим это расстояние за 10 лет, или нас сомнут».

Решать эту сложную задачу приходилось посредством перераспределения средств из сельского хозяйства, лёгкой промышленности, жилищного и культурно-бытового строительства в пользу тяжёлой промышленности, способной обеспечить технологическую независимость от зарубежных государств и повышение уровня обороноспособности страны. Такая практика не позволяла серьёзно повышать уровень благосостояния народа. Ситуация осложнялась тем, что 1931 и 1932 гг. были засушливыми. В ряде регионов страны царил голод. Негативное воздействие на уровень жизни народа вносили также серьёзные ошибки в проведении коллективиза-

---

ции сельского хозяйства. Однако советский рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, осознавая важность решаемой задачи, самоотверженно и жертвенно трудились над её реализацией. Первый пятилетний план был выполнен досрочно к концу 1932 года.

Целенаправленное планирование народного хозяйства позволило за короткий исторический период (1929—1940 гг.) создать лучшую в мире систему образования, подготовить многомиллионную армию инженерно-технических кадров для промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, армии и флота. Их планомерным, общественным и бескорыстным трудом была создана мощная материально-техническая основа для победы в предстоящей войне, с очевидностью готовящейся против нашей страны.

Военный и послевоенный (восстановительный) период

Практически сразу после начала Великой Отечественной войны, а именно, 30 июня 1941 года был создан Государственный комитет обороны (ГКО), наделённый всеми властными полномочиями. Председателем был утверждён И. В. Сталин, его заместителем — В. М. Молотов, членами ГКО — К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия и председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский. Важнейшей задачей этого комитета была организация работы всех отраслей народного хозяйства в экстремальных условиях военного времени, когда все ограниченные материальные и трудовые ресурсы с максимально возможной интенсивностью использовались в первую очередь для снабжения армии и флота. Лозунг «Всё для фронта! Всё для победы!» определял стратегию и тактику жесточайшего планирования воспроизводства и эффективного расходования всех ресурсов.

Здесь автор не видит необходимости личных рассуждений и оценок. Интересующийся читатель может это узнать из великолепной книги Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», которая была издана в 1947 году и тогда же удостоена Сталинской премии I степени. Считаю, что было бы крайне полезным её переиздание в наши дни массовым тиражом для просвещения не только современных экономистов, но, в первую очередь, российского чиновничества всех ветвей власти, поражённого страшными недугами — агрессивным либерализмом и экономической безграмотностью.

Использование накопленного в 30-е годы опыта централизованного директивного планирования дало возможность

оперативно перестроить работу всех отраслей народного хозяйства на военный режим. Переместить сотни крупных промышленных предприятий с западных и центральных областей, подвергавшихся угрозе оккупации, в Сибирь и на Урал, и в короткие сроки запустить их в работу.

Недобросовестные российские либеральные историки и журналисты в своей ненависти к СССР, исторической и современной России сознательно искажают реальные события, предшествующие началу Великой Отечественной войны. Одни из них считают, что Сталин не сумел предвидеть возможность нападения фашистской Германии на СССР. Поэтому страна оказалась не готовой к войне и понесла огромные территориальные, материальные и людские потери в первые 4—5 месяцев после её начала. Другие же договариваются до такого абсурда, что виновником развязывания мировой войны наряду с Гитлером был Сталин, что и тот, и другой страдали манией величия и стремились поделить мир между собой.

В действительности СССР под руководством Сталина в 30-е годы принимал активные дипломатические усилия по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Однако Англия и Франция при поддержке США сорвали создание такой системы, более того, они активно содействовали ускоренной милитаризации Германии и своими инвестициями способствовали вооружению вермахта — надеялись на то, что с помощью Гитлера им удастся разгромить быстро развивающийся Советский Союз.

Эта враждебная политика стала обнажённо очевидной, когда западные страны не только не воспротивились, но даже одобрительно отнеслись к совершению Гитлером захвата Австрии 11—12 марта 1938 года. Учитывая нарастающую неизбежность нападения фашистской Германии на СССР, наша страна в плановом порядке активно готовилась к защите от коварного и сильного врага, возросшего на нацистской, агрессивной идеологии фашизма и финансово-промышленном потенциале практически всей Европы.

При этом огромное стратегическое значение имело решение Сталина, заключившего Пакт о ненападении с Германией в августе 1939 года. Это позволило оттянуть начало войны на год и десять месяцев. В этот трагический период для нашей страны был важен не только каждый месяц мирной созидательной жизни, но буквально каждый день, поскольку шла интенсивная реализация важнейшей задачи третьего пятилетнего плана по оснащению вооружённых сил СССР новейшей военной техникой. На подходе к завершению шли

конструктивные разработки и подготовка к массовому производству уникальных, не имеющих аналогов в мире технических образцов. Это:

мощные, скорострельные артиллерийские орудия В.Г. Грабина (1898—1990);

бронированный штурмовик Ил-2 С.В. Ильюшина (1894—1997);

реактивные мобильные артиллерийские установки («Катюша») А.Г. Костикова (1899—1950);

пистолет-пулемёт (ППШ) Г.С. Шпагина (1897—1952);

высоко маневренный танк (Т-34) М.И. Кошкина (1898—1940);

противоминная защита кораблей ВМФ И.В. Курчатова (1903—1960);

открытие и освоение Урало-Волжского месторождения нефти А.А. Трофимуком (1911—1999).

Наряду с перечисленными событиями осуществлялась интенсивная модернизация всех крупных предприятий в промышленности, на транспорте, в строительстве. Всё это позволило превзойти лучшие достижения промышленности не только фашистской Германии, но и других капиталистических стран, работавших на техническое оснащение агрессора.

Успешное решение сложнейших задач в области народного хозяйства и оборонного потенциала страны во многом определялось проводимой Сталиным кадровой политикой. На смену т.н. ленинской гвардии, изгнанной и ликвидированной в 1937—1940 гг., были призваны к руководству ключевыми отраслями экономики выдающиеся русские специалисты: Малышев Вячеслав Александрович (1902—1957) — нарком тяжёлой промышленности; Тевосян Иван Фёдорович (1902—1958) — нарком чёрной металлургии; Ванников Борис Львович (1897—1962) — нарком оборонной промышленности; Устинов Дмитрий Фёдорович (1908—1984) — нарком вооружений; Завенягин Авраамий Павлович (190—1956) — нарком тяжёлого машиностроения; Бенедиктов Иван Александрович (1902—1983) — нарком земледелия; Косыгин Алексей Николаевич (1904—1980) — нарком текстильной промышленности; Курчатова Игорь Васильевич (1903—1960) — руководитель работ по атомной науке и технике.

Все перечисленные лица были самого дееспособного возраста (около 40 лет), но уже обладали ценным опытом практической работы, возглавляли крупнейшие заводы, фабрики, шахты, стройки.

Без преувеличения можно утверждать, что централизованное перспективное и текущее планирование было реша-

---

Ющим условием великой победы СССР над злейшим врагом человечества.

Священная война советского народа за свободу и независимость нашей Родины сопровождалась огромными потерями. Страна потеряла 27 миллионов человеческих жизней и 30% национального богатства. Было разрушено 1700 городов и посёлков, более 50 тысяч сёл и деревень, десятки миллионов людей остались без крова над головой. На освобождённых от врага территориях с перебоями работали 10—13% промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Жизнь требовала безотлагательного восстановления разрушенного войной.

1 ноября 1945 года по инициативе Сталина было принято постановление Совнаркома СССР № 2722 «О неотложных мероприятиях по восстановлению 15 старейших русских городов». Среди них — Новгород, основанный в 859 году; Смоленск — в 862 году; Псков — в 903 году; Брянск — в 985 году; Курск — в 1032 году; Великие Луки — в 1166 году и другие. Эти города были не просто восстановлены, они приобрели новый великолепный архитектурный облик, который радует жителей и гостей до настоящего времени.

В марте 1946 года Верховный Совет СССР утвердил План восстановления народного хозяйства на 1946—1950 гг. В нем была поставлена задача в 1948 году достичь довоенного уровня экономики, а в 1950-м — превзойти этот уровень. Героическим трудом рабочего класса, крестьянства и интеллигенции эта историческая задача была успешно реализована. В 1950 году объём народного хозяйства превысил уровень 1940 года на 13%.

В последующие годы были успешно реализованы планы развития народного хозяйства до 1960 года включительно. Об этом свидетельствуют следующие данные.

Темпы роста экономики СССР в % (Госстатиздат, 1961 г., с.102)

Показатели	1950 г.	1955 г.	1960 г.
Совокупный общественный продукт	100	167	258
Продукция промышленности	100	185	304
Продукция сельского хозяйства	100	122	163

К началу 60-х годов экономика СССР существенно изменилась не только по её количественному масштабу, но и по её структуре. Появились новые отрасли хозяйства, новые технологии, возросла зависимость эффективности конечных результатов производства от оптимального распределения материальных и трудовых ресурсов с целью повышения уровня благосостояния общества. Возникла необходимость учёта этих изменений в практике планирования. Требовался переход от разработки балансов отдельных видов продукции к поиску путей оптимизации структуры народного хозяйства как единой целостной системы.

Решению этой задачи во многом способствовали достижения в области экономической науки, в частности, уникальные исследования выдающегося русского учёного, лауреата Нобелевской премии Леонтьева Василия Васильевича. Конкретно — его экономико-математической модели input-output (затраты — выпуск), которая положена в основу разработки межотраслевых балансов в нашей стране.

Именно эта методология была положена в основу возобновления разработки и составления межотраслевых балансов в 1960-е годы под руководством выдающегося экономиста и статистика академика Немчинова Василия Сергеевича (1894—1964).

Освоение и совершенствование модели Леонтьева в СССР

Справедливости ради следует отметить, что модели построения межотраслевых балансов возникли у В.В. Леонтьева не на пустом месте. У него были серьёзные предшественники. Среди них швейцарский экономист Леон Вальрас (1834—1910), который ещё в начале XX века построил математическую модель народного хозяйства с использованием **технологических коэффициентов** — прообразом **прямых затрат** в межотраслевом балансе (МОБ).

В практике централизованного планирования в СССР балансовые методы, представляющие механизм согласования ресурсов для развития экономики, широко использовались, начиная с 20-х годов XX века. Разрабатывались материальные, трудовые, финансовые балансы. Более того, начало разработке построения межотраслевых балансов было положено в 1924—1928 годах в ЦСУ СССР под руководством известного статистика П.И. Попова. В этих работах увязывались, в частности, процессы замещения одних частей общественного продукта другими, производимыми смежными отраслями экономики. В.В. Леонтьев, работавший в эти годы в

Институте мировой экономики в Германии, разумеется, не мог не знать о существовании этих разработок в ЦСУ СССР.

Другое дело, что они не получили широкого практического распространения. Причиной тому некоторые экономисты считают отсутствие совершенной вычислительной техники и недостаточное развитие математической науки. Однако это — поверхностное объяснение. Действительно, первые электронно-вычислительные машины (ЭВМ) появились только в середине 40-х годов XX века. Но были другие, хотя и не столь производительные, вычислительные средства. Что же касается «недостаточного развития математической науки», то с этим вообще невозможно согласиться. Достаточно вспомнить, что в это время работали великие учёные: Виноградов Иван Матвеевич (1891—1983), Жуковский Николай Егорович (1847—1921), Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900—1980), Немчинов Василий Сергеевич (1894—1964), Соболев Сергей Львович (1908—1989), Чупров Александр Александрович (1874—1926) и другие.

По моему убеждению, разработка МОБ была объективно задержана тем, что с 1927 по 1940 год в стране осуществлялась форсированная индустриализация народного хозяйства. Львиная доля всех ресурсов осознанно концентрировалась на развитии базовых отраслей промышленности и прежде всего производстве средств производства как основы создания мощного оборонного потенциала. В период Великой Отечественной войны тем более все материальные и трудовые ресурсы использовались для производства вооружений под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!». Понятно, что в эти годы не могла ставиться задача поиска оптимальной структуры народного хозяйства СССР.

Научная основа совершенствования методологии построения межотраслевых балансов была изложена в фундаментальном труде Василия Сергеевича Немчинова «Теоретические вопросы межотраслевого и межрегионального баланса производства и распределения продукции», где получила принципиальное развитие модель Василия Васильевича Лентьева «Затраты — выпуск» с учётом планового характера управления народным хозяйством СССР.

Автору этих строк довелось непосредственно участвовать в разработке построения первых межотраслевых балансов экономики СССР. В период с 1956 по 1969 г. я работал в Научно-исследовательском экономическом институте Госплана СССР, заведовал сектором межотраслевых связей сельского хозяйства и непосредственно принимал активное участие в разработке первых межотраслевых балансов: отчётного

за 1959 год и планового на 1970 год. Эти работы возглавлял директор института Анатолий Николаевич Ефимов (1908—1987). За его большой личный вклад в развитие этого нового направления в экономической науке он был избран в 1970 году академиком АН СССР.

Над решением поставленных задач плодотворно работал практически весь коллектив института, но ведущая роль в разработке методологических рекомендаций принадлежала сотрудникам института профессорам Берри Л.Я. и Коныусу А.А., а также молодым учёным, кандидатам экономических наук Анчишкину А.И., Барышникову Н.Н., Белому Р.А., Ершову Э.Б., Клоцвогу Ф.Н., Соловьёву Н.С., Шагалову Г.Л., Шаталину С.С., Швыркову Ю.М., Ярёмченко Ю.В., вместе с которыми трудился и я. Одновременно с указанными учёными над решением этих задач работал ряд специалистов из других учреждений, в частности, Баранов Э.Ф. (ЦЭМИ АН СССР), Коссов В.В. (Вычислительный центр Госплана СССР), Эйдельман М.Р. (ЦСУ СССР). Итоги этих работ были изложены в указанной выше монографии, которая получила высокую оценку научной общественности, свидетельством чему является тот факт, что в 1968 году часть из перечисленных учёных была удостоена Государственной премии СССР.

Конкретно совершенствование методологии, предложенной Леонтьевым, состояло в следующем: во-первых, был разработан механизм построения **плановых** межотраслевых балансов. Этот механизм предусматривал разработку перспективных научно обоснованных технологических карт для всех отраслей народного хозяйства, включаемых в МОБ. Эти карты разрабатывались отраслевыми научно-исследовательскими учреждениями (НИИ, КБ, лабораториями) с учётом достижений научно-технического прогресса. Во-вторых, в целях достижения наиболее полного отражения процесса расширенного воспроизводства была разработана динамическая модель межотраслевого баланса, в которой капитальные вложения были не автономной величиной, а находились по объёму и отраслевой структуре в зависимости от роста конечной продукции в плановом периоде.

Хочу отметить, что Василий Васильевич Леонтьев при встрече с советскими разработчиками плановых МОБ высоко ценил эти достижения. Более того, в 1970-е годы он использовал динамическую форму моделей МОБ при подготовке доклада «Будущее мировой экономики» на период с 1970 по 2000 г., выполненного по заданию Организации Объединённых Наций («Будущее мировой экономики»). Доклад

экспертов ООН во главе с В.В. Леонтьевым. М., Международные отношения, 1979).

Использование усовершенствованной модели построения межотраслевых балансов обеспечило высокие темпы развития советской экономики в течение всего периода «развитого социализма» (1961—1986 гг.) Последовательно повышался уровень благосостояния всех членов советского общества. Активно развивались наука, образование, здравоохранение, физкультура и спорт. Численность населения РСФСР (России в её нынешних границах) возросла со 120 млн. человек в 1961 г. до 145 млн. в 1985 г., то есть ежегодный прирост составлял 1 млн. человек.

Для этого периода было характерно состязание нашей страны в области экономического развития с США. По большинству видов промышленной продукции, определяющих материально-техническую базу развития экономики, СССР значительно опережал самую богатую страну капиталистического мира. В то же время по некоторым показателям, определяющим уровень благосостояния людей, СССР отставал от США. Это отставание намечалось преодолеть планом, разработанным на 1986—1990 гг., за счёт перестройки структуры народного хозяйства.

Международный финансово-промышленный капитал во главе с США поставил своей задачей разрушить динамичное развитие нашей страны, опираясь на враждебную деятельность «пятой колонны», занимавшей ключевые позиции в руководящих органах партии и правительства союзного и республиканского уровня. Эти враждебные силы выдвинули насквозь лживую версию о «застое» в росте и развитии российской экономики, преодолеть который якобы были призваны «перестройка» и «реформирование». В действительности никакого «застоя» не было. Об этом убедительно свидетельствуют показатели среднегодовых темпов прироста в народном хозяйстве.

Да, обобщающий экономический показатель, каким в данном случае выступает валовый национальный продукт, в 1986—1990 гг. замедлил темп прироста по сравнению с предыдущим пятилетием. Но это закономерная и отнюдь не отрицательная тенденция в развитии (подчеркиваю: не в росте, а в развитии) экономики. Закономерность эта обусловлена двумя факторами: во-первых, расчет темпа прироста осуществлялся от более высокого уровня базы по сравнению с 1981—1986 гг.; во-вторых, и это главное, изменились структура экономики, факторы ее роста. Так, в предыдущее пятилетие прирост валового национального продукта обеспечи-

вался в значительной мере за счет увеличения численности занятых в народном хозяйстве (0,7% среднегодовых), тогда как в 1986—1990 гг. прирост этого фактора составлял лишь 0,2% среднегодовых, то есть экономика развивалась **более интенсивным путем**.

Среднегодовые темпы прироста в % (Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., Финансы и статистика, 1991, с.8)

	1981—1986	1986—1990
Валовый национальный продукт	3,7	2,4
Национальный доход, используемый на потребление и накопление	2,9	2,7
Продукция промышленности	3,6	2,5
В том числе:		
группа «А»	3,6	1,9
группа «Б»	3,7	4,3
Капитальные вложения	3,7	6,1
Потребление населением материальных благ и услуг	2,7	3,4

Особое внимание надо обратить на тот факт, что впервые за многие годы и десятилетия в промышленности СССР группа «Б» (предметы потребления) стала развиваться быстрее, чем ее группа «А» (средства производства). Это не только не «застой», а серьезный **прорыв** вперед в направлении повышения социально-экономической эффективности производства. Неслучайно прирост потребления материальных благ и услуг увеличился за 1986—1990 гг. с 2,7 до 3,4% среднегодовых.

Подтверждением абсурдности и злонамеренности распространяемой лжи о «застое» служат сопоставительные данные о развитии экономики СССР и зарубежных стран за 1981—1990 гг.

Сопоставимые данные экономического роста СССР и зарубежных стран (Народное хозяйство СССР в 1990 г. М. Финансы и статистика, 1991, с.673)

Индекс валового национального продукта в 1990 г. (1980 г.=100%): СССР—135, Великобритания—125, Франция—125, ФРГ—124, США—131, Япония—152.

Индекс капитальных вложений в 1990 г. (1980 г.=1): СССР—1,5, Великобритания—1,4, Франция—1,1, ФРГ—1,1, США—1,4, Япония—1,5.

Построено квартир в 1990 г. в расчете на 10 тыс. населения: СССР—66, Великобритания—32, Франция—54, ФРГ—40, США—52, Япония—138.

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что экономика СССР и в конце 1980-х годов работала на преодоление отмеченного выше некоторого отставания от западных стран в области отраслей, работающих непосредственно на потребление.

Что касается прироста капитальных вложений с 3,7 до 6,1% среднегодовых, то его нельзя оценивать иначе как мощный задел на будущее устойчивое развитие экономики. Рост финансирования экономики страны во второй половине 1980-х годов был характерен не только для народного хозяйства в целом, но и для его важнейших социально-экономических составляющих — легкой и пищевой промышленности, агропромышленного комплекса, жилищного и дорожного строительства.

Именно эта тенденция развития экономики СССР была абсолютно неприемлема для международного финансового капитала во главе с США, имеющего целью **глобализацию**, то есть достижение мирового господства посредством разрушения экономики национальных государств.

Самый верный способ разрушения любой страны заключается в том, чтобы затормозить ее экономическое развитие, лишить экономической независимости, а затем превратить в колонию, в сырьевой придаток, разграбить накопленное богатство, оставить без инвестиций в основной капитал, без которых у государства просто не будет завтрашнего дня. Для достижения этих зловещих целей в отношении России была разработана и начала проводиться в жизнь стратегия *разгосударствления*, которая продолжается до наших дней.

Это и есть **главный механизм глобализации — современной версии неокOLONиализма**, без использования которого невозможно обеспечить изобильную жизнь «золотого миллиарда» и погрузить 6,0 млрд. землян в нищету, рабство и обречь их на вымирание. Именно такой механизм был опробован на России в конце XX — начале XXI века.

Данная стратегия легла в основу так называемых реформ, с помощью которых экономика и социальная жизнь страны подверглись невиданному разрушению. С помощью преступной приватизации национальное богатство России было разграблено. Произошел социальный разлом общества. На одном полюсе 10% граждан, владеющих 90% национального богатства страны, на другом — 40% населения, живущего в условиях нищеты, а между ними 50% малообеспеченных, ведущих отчаянную борьбу за выживание.

Россия утратила свой экономический суверенитет. Она живёт по указке мирового валютного фонда и её российских

исполнителей в лице правительства РФ, Центробанка, Министерства финансов и Минэкономразвития. Эти либеральные власти превратили страну в колонию, источником бюджета которой является распродажа природных ресурсов. Разрушены наука, образование, здравоохранение, машиностроение, дорожное и жилищное строительство. **С такой структурой народного хозяйства у России нет и не может быть будущего. Спасти Россию способно только восстановление централизованного государственного планирования и управления.**

Либеральные реформаторы активизируют деятельность по разрушению России

Однако либеральная власть руками партии «Единая Россия» всеми силами противится государственному управлению страной. Вот тому свежее подтверждение. Усилиями патриотически настроенных депутатов Госдумы 28 июня 2014 года был принят Закон № 172 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Закон, конечно, несовершенен. В положении о применении закона указывается, что участниками стратегического планирования на федеральном уровне являются:

1. Президент РФ;
2. Федеральное Собрание РФ (Совет Федерации и Государственная дума);
3. Правительство РФ;
4. Совет Безопасности РФ;
5. Счётная палата РФ;
6. Центральный банк РФ;
7. федеральные органы исполнительной власти.

Как говорится, у семи нянек дитя без глаза. Но всё-таки прецедент. Казалось, что «поезд» вот-вот может пойти. Но не тут-то было. Прошло два года. О реализации закона перечисленные «исполнители» и не подумали.

Напротив, 23 марта 2016 года Государственной думой принят в первом чтении внесённый правительством РФ проект Закона № 984261-6 «О внесении изменений в статью 47 Федерального Закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Этой статьёй предусматривалось до 1 января 2017 года разработать все необходимые документы стратегического планирования. Новым законом, принятым 23 марта 2016 года, предусмотрен перенос срока представления указанных документов на 2019 год.

Итак, начало практической работы по стратегическому планированию откладывается по желанию, а скорее, по тре-

---

бованию руководителей экономического блока РФ ещё на три года. Вместо начала планового руководства развитием страны события начали развиваться следующим образом. В своём выступлении 14 апреля 2016 года по прямой линии общения с гражданами России президент В.В. Путин заявил о намерении создания Центра стратегического планирования, руководство которым возложил на лучшего (по оценке западных экспертов) бывшего министра финансов РФ А. Кудрина. В настоящее время такой Центр уже функционирует.

26 мая 2016 года в Администрации президента РФ состоялось заседание Государственного экономического совета. Совету пришлось работать в условиях обострившегося системного политического и социально-экономического кризиса. Масштабы этого кризиса выглядят катастрофически. При расчёте ВВП по обменному курсу рубля к доллару его объём сократился с 2,1 трлн. долларов в 2013 году до 1,1 трлн. долларов в 2015 году.

Причина этого кризиса очевидна. Четверть века жизнь в стране происходила в условиях господства разрушительной неолиберальной идеологии. Эта враждебная идеология практически реализуется правительством РФ, Центробанком, Министерством финансов, Министерством экономического развития в тесном союзе с правящей партией «Единая Россия» и её фракцией в Государственной думе, имеющей там конституционное большинство.

Эти федеральные органы ведут активную борьбу против государства в интересах не только российской крупной олигархической буржуазии, но и международного транснационального капитала при полном игнорировании интересов 90% населения России. Итог этой борьбы трагичен. Практически экономика РФ превращена в донора американской экономики и, в частности, Пентагона и НАТО. В прошлом Великая Россия приобрела типичные черты колонии экономически развитых стран. Что это за черты? Это — отсталый технологический уклад с преобладанием сырьевого сектора и производства в нём продукции первого передела. Это — запредельный уровень социального и регионального неравенства. Это — деградация производственной и социально-бытовой инфраструктуры. Это — разрушение науки, образования и здравоохранения. И, наконец, самое главное, это — **отсутствие чётко сформулированной цели развития страны, её будущего образа.**

Главной задачей заседания Экономического совета был поиск путей выхода из кризиса. В дискуссии по этому вопросу участвовали две группы экспертов. Первую из них возглавляли руководитель Центра стратегического планирова-

---

ния А.Кудрин и министр экономразвития А.Улюкаев. Вторую группу представлял от имени Столыпинского клуба российских предпринимателей Б.Титов. В составе этой группы участвовал академик РАН С.Глазьев.

Каковы же позиции этих двух групп, изложенные на заседании Экономического совета? Кудрин как лидер либеральных реформаторов в своём выступлении ни о каких инновациях предпочёл не распространяться. Он просто предложил продолжать реализацию уже имеющегося **стратегического плана деградации России под неослабным контролем Всемирного валютного фонда** посредством трёх проверенных способов: приватизации, банкротства и «оптимизации». При этом реформаторы под «оптимизацией» умышленно, издевательски и оскорбительно для учёных имеют в виду не использование экономико-математических моделей для достижения наилучшего результата деятельности производственного объекта, а просто его уничтожение.

Таким образом, либеральные реформаторы предлагают выходить из системного кризиса нашей страны по известной формуле Збигнева Бжезинского **«против России, за счёт России и на обломках России»**. Посредством использования такой методологии Кудрин и его единомышленники обещают решить главную, по их мнению, задачу — понизить инфляцию в экономике РФ с 12 до 4%.

Отметим при этом, что «решением» этой задачи они занимаются уже два десятилетия с одним и тем же провальным результатом. Эти упражнения либералов обошлись Российскому государству **потерей экономического суверенитета, массовым обнищанием народа, превращением страны в колонию мирового финансово-промышленного капитала**. На указанном экономическом совещании у президента РФ инициаторы «реформ» А.Кудрин, А.Улюкаев, Э.Набиуллина о будущей своей разрушительной деятельности предпочли не распространяться.

За них это сделал «главнаучлиберал» (определение академика С.А. Кимельмана), бывший ельцинский министр Экономразвития (1994—1997), ныне научный руководитель Высшей экономической школы при Академии государственной службы при президенте РФ Е.Ясин. Этот почти библейский пророк опубликовал в «Российской газете» от 13.04.2016 г. свои рассуждения о семи чудесах в экономике мира и нашей страны. Седьмое из чудес касается России. О нём Ясин пишет: «Сможем ли мы явить миру седьмое чудо? Сможем. Если доведём реформы до конца. Сегодня страна живёт в обстановке кризиса. Тем не менее то, что мы сделали вместе с Гай-

---

даром, — залог нашего экономического чуда. Оно произойдёт, когда наша страна сможет провести второй этап либерализации и усилить роль частной собственности». Далее Ясин пишет: «В России построен капитализм, дружелюбный богатым, и теперь мы строим капитализм, дружелюбный бедным. Но это — долгий процесс, на 15—20—30 лет».

Итак, **агрессивные либералы намереваются окончательно добить Россию**. С ними всё ясно. Теперь поговорим о позиции других участников экономического совещания. Мнение, отличное от либеральных мудрецов, было высказано от имени Столыпинского клуба в сообщении Бориса Титова, который заявил, что ориентиром развития экономики страны принят её рост в 4% среднегодовых за счёт опережающего роста инвестиционной активности, финансируемого посредством целевой кредитной эмиссии.

Академик С.Ю. Глазьев в своих комментариях отметил: «В действительности возможности роста нашей экономики примерно вдвое превышают этот уровень. Производственные мощности загружены на 60% с учётом скрытой безработицы, потенциал выпуска продукции составляет около 20%, сырьевая база позволяет увеличить выпуск продукции десятикратно, научно-технический потенциал используется едва ли на четверть, судя по утечке умов и технологий. Вывоз около 50 млрд. долларов в год капитала в офшоры и эмиграция около 200 тыс. специалистов за последние три года свидетельствуют о неспособности действующей модели управления экономикой России обеспечить полное использование имеющихся в стране ресурсов. Объективно она могла бы расти до 10% в год в течение ближайшей пятилетки. А через десятилетие выйти на уровень передовых стран...» Соглашаясь с прогнозом Сергея Юрьевича, выскажу свой суждения о необходимых предпосылках реализации данного прогноза.

Первое. Представляется совершенно обязательным пересмотр вопроса о собственности. Либералы постоянно ссылаются на то, что частная собственность священна и неприкосновенна, что патриоты России по злому умыслу «хотят всё отнять у собственников и поделить между ничего не имеющими». В действительности всё не так.

Частная собственность олигархов в РФ, по оценке специалистов юриспруденции, не является таковой. **Выбранный реформаторами правовой формат приватизации не создал право частной собственности.** Залоговые аукционы не могли оформить право частной собственности. Юридически залог никогда не считался основанием для возникновения права частной собственности.

Из этого следует, что олигархам либеральной властью было предоставлено **право пользования** природными, материальными и другими производственными ресурсами. Новые «хозяева», вообразив себя собственниками, употребили это право пользования в интересах личного обогащения и в интересах враждебных России западных государств и их финансово-банковского капитала, что привело к обнищанию большинства российского народа. Поэтому речь должна идти не о национализации и конфискации, а о **возвращении** искусственно отчуждённых ресурсов российскому народу в лице его государства.

Второе. Признать ошибочной ориентацию развития экономики страны на так называемый малый бизнес — фермерские хозяйства, индивидуальные предприниматели, частные торговцы, врачи, учителя и т.п. Переход к шестому и седьмому технологическому укладу возможен только при условии эффективной работы крупных многофункциональных предприятий и организаций, базирующихся на новой технике, новых технологиях, на общественной собственности и коллективной форме организации труда. Правомерность такой ориентации подтверждается пока стихийной организацией так называемых **народных предприятий**.

Третье. Безотлагательное возвращение к государственно-му перспективному и текущему планированию, используя уникальный опыт сталинских пятилеток, о чём сказано в этой статье, а также непродолжительный (всего 8 месяцев), но высокоэффективный опыт преодоления кризисных явлений под руководством Е.М. Примакова и Ю.Д. Маслюкова. Естественно, реализация этого уникального опыта с учётом последних достижений в области информатики потребует воссоздания Государственного комитета по науке и технике и Государственной плановой комиссии (Госплана). **Полноценное государственное планирование и управление является эффективным механизмом избавления России от либерального тёрора и обеспечит социально-экономическое благополучие российского общества.**

ЛЕСТНИЦА

РОМАН

Глава 25

Когда Тепляков вернулся в свою палату, то увидел на соседней койке пожилого грузного мужчину с обширной круглой лысиной, окруженной редким седым волосом. Мужчина устремил на Теплякова любопытный взгляд своих маленьких и глубоко посаженных светлых глаз, губы его дрогнули в доброжелательной улыбке.

— Здравствуйте, — произнес Тепляков.

— Здравсте-здравсте, молодой человек! — откликнулся незнакомец весело. — Надеюсь, я не вашу койку занял? — то ли спросил он, то ли подтвердил свою догадку, то ли это была завязка для разговора.

— Нет, не мою, — ответил Тепляков и, пройдя по узкому проходу между койками, сел на свою. Разговаривать ему совсем не хотелось.

— Меня, между прочим, зовут Геннадием Артуровичем, — сообщил сосед после небольшой паузы. — А фамилия моя Дименский.

Окончание. Начало в №9 за 2016 г.

ПРОЗА

— А меня просто Юрием, — в тон ему ответил Тепляков. И добавил: — По фамилии Тепляков.

— А! Тепляков! Как же, как же — наслышан! Это вы отправили на тот свет Укутского?

— Должен вас огорчить: не я! Хотя и поспособствовал... на свою голову.

— Ну, так ли, эдак ли, а эта скотина свое получил. Поздравляю!

— Не вижу, с чем именно, — нахмурился Тепляков.

— Нет, Юрий, я вас отлично понимаю. Действительно, приятного мало. Тем более если иметь в виду место нашего с вами пребывания.

— Место как место, — пожал Тепляков плечами. И добавил: — Бывают и похуже.

— А вас, Юрий, уже арестовали или вы по подписке?

— Не понял, — подался Тепляков к Дименскому.

— Вы, что, не знаете, что эта палата специально отведена для подсудимых?

— Откуда же?

— Значит, впервые здесь, — констатировал Дименский. — Что ж, для порядочных людей самое подходящее по нынешним временам место. Кстати, вы женаты?

— Нет.

— Невеста?

— Невеста? Да, пожалуй. Правда, ей еще нет восемнадцати.

— А вам?

— Двадцать семь.

— Что ж, разница не столь уж велика, — со знанием дела заверил Дименский. Главное, чтобы умела ждать. Когда я шел расписываться, моей невесте едва перевалило за девятнадцать, а мне — за тридцать шесть. И ничего, живем.

— А вас, простите, за что? — спросил Тепляков, уходя от темы, в которой он и сам не мог еще разобраться, но которая явно заинтересовала соседа по палате.

— За взятки! — весело ответил Дименский. — Еще за злоупотребление служебным положением с целью личного обогащения. Еще — за коррупцию и создание на вверенной мне электротехнической кафедре преступного сообщества, разумеется, с теми же целями. А также — за подделку документов, за аморальный... Нет, аморального образа жизни, увы, мне, профессору, доктору технических наук, так и не всучили. А жаль. Был бы полный букет, — почти радостно закончил он перечисление и забулькал довольным смехом. Даже, похоже, прослезился.

Тепляков не знал, как ко всему этому относиться: он впервые сталкивался с коррупционером, тем более довольным своей преступной деятельностью. Разумеется, такие, которые держали в тайне подобную деятельность, наверняка ему попадались, но еще никто из них не требовал от него взятку, то есть не проявил своей коррупционности.

— Похоже, вы смущены, молодой человек? — перестав булькать, спросил Дименский, вытирая глаза смятым платком.

— Есть такое, — сознался Тепляков, решив, что у его соплатника явно не все дома.

— Не смущайтесь, Юра. Не смущайтесь. Наше переходное время от якобы социализма к якобы капитализму есть время полнейшей и безраздельной власти людей подобного типа. Правда, должен с прискорбием вам признаться, что из огромной массы коррупционеров, взяточников и прочих борцов за исключительно собственное преуспевание, ваш покорный слуга представляет небольшую группу отщепенцев из этого вполне добропорядочного племени.

«Точно, не все дома, — утвердился в своем решении Тепляков. — Или... — вдруг озарила его неожиданная мысль: — ...или подсадная утка». Он насторожился, решив дать этому псевдопрофессору достойный отпор.

А Дименский, между тем, продолжал:

— В двадцатые годы прошлого столетия, Юра, должен вам заметить, картина была примерно такая же. С одной стороны — невежественная власть, вызубрившая несколько прописных истин из Марксовой теории о ведущей роли пролетариата в мировой истории, с другой — огромная масса людей, утратившая всякие моральные скрепы в результате оборванного на середине переходного процесса от феодализма к капитализму. Вы, Юра, хотя бы на секундочку представьте себя в том времени! — воскликнул профессор, вскакивая на ноги. Он остановился напротив Теплякова. Глаза его, казалось, светились изнутри, лицо покраснелось, высокий лоб рассекли морщины, вся его фигура будто парила в воздухе: он был красив, несмотря на свою мешковатость, сутулость и шишковатость лица и головы. Тепляков залюбовался им, забыв о посетивших его подозрениях. А профессор, чуть склонившись к Теплякову, продолжал: — При этом захватите в прошлое и меня, грешного, и нынешнюю власть, и народ, тоже потерявший удерживающие его скрепы, и вы увидите, что все повторяется, только... я бы не сказал, что в виде фарса, но весьма от этого состояния близко.

Жестикулируя, он принялся выхаживать между койками. И Тепляков осознал: да, перед ним, скорее всего, действи-

---

тельно профессор, то есть человек образованный, умеющий складно выражать свои мысли. Он поковырялся в своей памяти и вспомнил разве что двух-трех других подобных людей в школе и в училище, которых хотелось слушать и которым хотелось верить. Но этот был значительно шире, глубже и убедительнее.

— Наконец, нельзя не учитывать так называемый промежуточный слой — интеллигенцию: интеллигенцию от искусства, техническую, военную, чиновничью. В двадцатые годы часть из них бежала на Запад, а та, что осталась, вынуждена была как-то обеспечивать существование себя и своих семей. То есть пошла служить новой власти не по каким-то идейным соображениям, а из соображений исключительно меркантильных — за кусок хлеба. При этом надобно иметь в виду, что отличительной особенностью всякой интеллигенции является ее способность увлекаться своим делом, забывая и о куске хлеба, и о времени, в котором она существует. А когда она впадает в это почти детское состояние, то готова пойти на любые ухищрения, чтобы продолжать свое увлечение. Это, мой юный друг, болезнь, которой пользуется всякая власть, если она способна хотя бы чуть-чуть рассуждать здраво. Ибо всякая власть может преуспевать исключительно в том случае, если она бережно и с пользой для себя и, как следствие, — заметьте это, — для общества использует эти разносторонние увлечения, если она умно и тактично направляет их в нужное руло. К таким интеллигентам относились известнейшие в то время русские историки, которых не без помощи господина Бухарина отправили валить лес на просторы Сибири. Ну и всякие там физики, химики и электротехники, которые относились к советской власти без всякой, мягко говоря, симпатии. И поэты с композиторами. Один из них в свое время написал слова к советскому гимну: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил», а в наше время те же свои стихи переиначил, добавив: «Хранимая богом родная земля». К подобным людям относились и авиаконструкторы, при этом каждый был занят своей идеей. За что многие и поплатились, потому что не внимали голосу власти, имеющей на все про все свое особое мнение. О том, что Королев чуть не сгнил в сибирских болотах, вы, думаю, знаете. Что Туполев, увлекшийся гигантизмом, возглавил «шарашку», которая была нацелена на самолеты дешевые и приспособленные для войны, известно тоже. При этом был ужасным сквернословом, иногда даже присутствие женщин не могло его остановить. Такова была и есть наша техническая интеллигенция. И сама власть. Кста-

---

ти сказать, Сталин тоже был порядочным сквернословом. Но он в конце концов уразумел, что без этих помешанных на своих идеях людей стране не обойтись. А ему, Сталину, не обойтись без знаний основ технического прогресса. Конечно, все это история, но именно оттуда растут наши ноги.

Дименский вдруг остановился, словно налетел на препятствие, постоял с минуту, молча глядя на разрисованное морозом окно, затем медленно повернулся к Теплякову: лицо его, минуту назад вдохновенное, потухло, светлые глаза смотрели виновато, и виноватая же улыбка медленно гасла на его губах.

— Мм-мда, — вымолвил он. — Извините меня, Юра: болезнь. Ничего не поделаешь. Иногда кажется: стоит лишь выйти на большую площадь, хотя бы даже на нашу площадь Свободы, не самую большую, но и не маленькую, и крикнуть... как-нибудь особенно громко, чтобы привлечь внимание, и сказать... ну, хотя бы то, что я начал говорить вам, — и все поймут, возьмутся за руки и пойдут... Но беда в том, что я и сам не знаю, куда надо идти. — Дименский помолчал, разглядывая Теплякова или, скорее всего, то, что видел вместо него, и закончил: — Ни Красная площадь, ни Манежная, ни Болотная, ни наша, бывшая Площадь Революции, ни многие другие площади для этого не годятся. А народ все-таки идет куда-то, но исключительно своим путем, может быть, тоже не понимая, куда именно, но всегда в правильном направлении. И никогда — обратите на это внимание! — никогда не идет за теми, кто глаголет на площадях, потому что всякая площадь — это не место для раздумий и взвешенных решений, а место дикой стихии... Вот вы, Юра, как относитесь ко всему этому? Из газет, в которых описывалось ваше поведение во время покушения на известную вам даму, мне известно лишь кое-что из вашей биографии: вы — солдат, человек присяги, верности долгу. Не знаю, как вас оценивают те же самые борзописцы теперь, после смерти вашего... э-э... тела, которое вы должны были охранять, но в сущности своей вы вряд ли изменились.

Дименский сел на соседнюю койку, колени к коленям Теплякова, и тот почувствовал себя на экзаменах, вытащившим билет, ответы на вопросы которого его преподаватели обходили стороной.

— Н-не знаю, — честно признался он. — Я так глубоко в нашу историю не вникал. Да и учебники... в одних — одно, в других — совсем другое. Кто прав, кто неправ, разобраться невозможно. В армии говорили так: есть страна, есть мы, призванные ее защищать, остальное не наше дело.

— В этом вся штука, — качнул лобастой головой профессор. — Хотя, если иметь в виду армию, то это вполне оправданная позиция. Какой бы страна ни была, кто бы ею и как бы ни правил, а защищать ее нужно, тем более что результирующая в исторической перспективе всегда будет выглядеть прямой линией... Мм-да. Я вас, Юра, похоже утомил своим многословием. Не сердитесь на меня. Мне, как художнику карандаш, а писателю ручка и бумага, нужны слушатели. Иначе я потеряю квалификацию, — забулькал Дименский смехом, и по лицу его разбежались добродушные морщинки.

Нет, такой человек не может быть подсадной уткой. И Тепляков осмелел.

— И все-таки, Геннадий Артурович, вас-то за что?

— Так вот же — за это самое, о чем я вам уже доложил. Понимаете, Юра, кафедра, которой я руководил, по своему оборудованию настолько отстала от современных требований, что мне стыдно читать лекции, пользуясь исключительно грифельной доской и куском мела. При этом расскалывающая студентам, что за границей имеются такие университеты, в которых существуют лаборатории, оснащенные тем-то, тем-то и тем-то. Конечно, мы писали и в Академию наук, и в Минобр, и в Думу, и еще черт знает куда, и ото всюду один ответ: нет средств. И точка. И мне, старому дураку, пришла в голову идея: везде берут взятки с кого только можно. У нас — со студентов, из которых никогда не получится ни ученых, ни даже приличных инженеров, поэтому ни один уважающий себя предприниматель не возьмет их на работу. Я даже не знаю, зачем им образование. Зато есть давно установившиеся таксы: зачет — столько-то, экзамен — столько-то. Ну, выпустим мы этого дурака в свет, повернется он там, покрутится, ничего не выкрутит и не вывертит и встанет за прилавок. И поделом. Зато можно за эти деньги... нет, не купить заграничное оборудование, а самим изобрести и заказать на заводе. Хотя бы на нашем электромоторном. И я стал брать. Но не со студентов, а с их отцов. В том числе и за то, чтобы зачислить на факультет вольным слушателем. Короче говоря, за все. Потому что не всех своих чад богатые жулики могут послать учиться в Оксфорд. И каждому доброму папаше внушал: чтобы ваш сын получил хорошее образование, надо то-то, то-то и то-то. Внесите, Христа ради, в фонд оснащения лабораторий. Ну, и вносили. Иногда довольно крупные суммы. И несколько самых необходимых приборов мы заказали. Заводчане нам их начали делать, но... но какой-то прохиндей донес — и я оказался здесь. Пока еще не на нарах, а только для того, чтобы подготовить мое сердце к радикаль-

---

ному изменению моего статуса. Такая вот, мой юный друг, история. Чем она закончится, пока не знаю. Да и знать, честно говоря, не хочется. А вы на какой стадии? Простите за назойливость...

Тепляков наморщил лоб, пытаясь найти ответ на заданный вопрос. Но в это время в дверь постучали.

— Входите! Открыто! — своим поставленным голосом откликнулся Дименский.

Дверь отворилась, и на пороге появился бывший следователь Данила Антонович Шарнов в накинута на милицейский мундир белом халате, с пакетом в опущенной руке.

— Разрешите?

— О! Шарнов! — воскликнул Дименский радостно. — Заходите, Данила Антонович! Милости просим!

Шарнов приложил к губам палец, и профессор, выставив вперед ладони, сделал несколько приглаживающих движений: мол, все понял, молчу-молчу-молчу!

Только сейчас Тепляков обратил внимание на руки Дименского, на ладони, покрытые бурыми нашлепками мозолей, с обожженными пальцами, еще не совсем зажившими царапинами и ссадинами, — они походили на руки слесаря, но никак не профессора.

Шарнов закрыл за собой дверь, приблизился, пожал каждому руку.

— А вы снова-здорова, профессор? — укоризненно покачал он головой.

— Так ведь, дорогой мой Данила Антонович, всё, знаете ли, как-то не так. Странные людишки нас окружают, новая формация — никак не привыкну.

— А я к Теплякову, — сообщил Шарнов. — Вот и пришлось вырядиться. Так что вы меня не выдавайте.

— Ни-ни-ни-ни! — замахал руками Дименский. — А вы, стало быть, знакомы... Оч-чень хорошо! А то я смотрю, мой юный друг несколько скукожился.

— Есть от чего, есть от чего! — поспешил на помощь Теплякову Шарнов. — Я на минутку. Пока меня не успели разоблачить.

— Все понял! — воскликнул громким шепотом Дименский, встал, подошел к двери, приоткрыл, выглянул, затем вышел и так же тихо прикрыл.

Шарнов осторожно опустился на соседнюю кровать, прислонил пакет к тумбочке.

— Хороший мужик этот Дименский, — произнес он с теплой улыбкой. — Но не от мира сего. Да. Вот и страдает. Впрочем, речь не о нем. В общем, Юра, дело такого рода. Пока

наверху в глубоком раздумье. Ты держишься прежней вер-сии: сексуальные домогательства. Дело в том, что родственники Укутского добиваются такого процесса, который бы показал, кто в этом мире хозяин, а кто ему бессловесный слуга. Следовательно, слуга всегда неправ. Соображаешь? Ока-зывается, Укутских этих довольно много. Но большинство из них не местные. Когда папаша Мих-Миха отправился в мир иной, они не проявлялись. Теперь решили, что пришел их черед. Среди них имеются и весьма влиятельные люди. Идет, так сказать, консолидация семьи. Местные Укутские — так, мелочь. Я думаю, что все это проявится в ближайшее время. Учти, ты не одинок. Скукоживаться тебе нельзя. Усек? Ну, то-то же. Мы тебе поможем. Вот пока все, что я хотел тебе сказать. Поправляйся. Я тут кое-что тебе принес. Апельси-ны там... Разберешься. Ну, бывай.

Только возле двери Тепляков поблагодарил бывшего сле-дователя. И тут же позвонил Машеньке, предупредив ее, что в ближайшие два-три дня не сможет с ней встретиться. Ма-шенька приняла это сообщение спокойно, попросила лишь звонить ей как можно чаще: похоже, она куда-то торопилась. Возможно, слова Теплякова не дошли до ее сознания. Между тем ее спокойствие и торопливость вызвали в его душе не-стерпимую тоску, он почувствовал себя брошенным и несча-стным.

Глава 25

Маша Яловичева в тот день действительно торопилась и лишь поэтому так спокойно восприняла звонок Теплякова и сообщение о невозможности встречи с ним в ближайшие дни. Она только что вернулась из школы и теперь примеряла свои немногие наряды, крутилась возле зеркала, поворачиваясь то так, то этак, и все они ей не нравились, все казались устаревшими, выжившими из моды, а иные были коротки или тесны.

В эти суетливые минуты как раз и позвонил Тепляков. Если бы не его звонок, она, быть может, и не вспомнила о своем наряде, в котором ходила с Тепляковым в театр, так ему понравившемся. Белое платье из шифона с подкладкой, пыш-ным подолом, белыми перчатками до локтей было куплено на распродаже летом минувшего года специально для вы-пускного бала. Маша после того испорченного театром вече-ра убрала его в мамин шифоньер, в надежде, что придет вре-мя, когда она блеснет в нем не только на выпускном балу, но и рядом с Тепляковым в каком-нибудь особенном месте, мо-жет быть, даже и в театре, но не в этом, а в другом — краси-

---

вом, с красивыми и нарядными артистами, куда придут такие же красивые и нарядные зрители.

Она достала платье из шифоньера, разложила на постели. Выглядело оно привлекательно и свежо. Оставалось лишь кое-где коснуться утюгом, надеть на себя, и можно отправляться в ресторан, куда весь класс сегодня, на первой же перемене, был приглашен Владькой Чубаровым на свое восемнадцатилетие.

Это приглашение, с одной стороны, никого в классе не удивило, потому что у Владьки отец — главный прокурор города, а это такая большая шишка, что разглядеть ее можно лишь издалека. У Чубаровых почти в центре города свой четырехэтажный особняк, и не какой-то там — четыре стены с окнами, а будто сошедший из сказок настоящий царский дворец. Но принадлежит он не Владькиному отцу, а его бывшей жене, с которой отец разошелся, едва заняв нынешнее кресло. По общему мнению городских обывателей, теперь доходы жены, занимающей какую-то должностную в какой-то ООО, это будто бы ее собственные доходы, а прокурорская зарплата — это отдельно, так что перед законом о госслужащих прокурор чист, как стеклышко. Как бы там ни было, а снять для своего сына целый ресторан Владькиному отцу ничего не стоило. Правда, не самый большой в городе, но зато один из самых лучших.

С другой стороны, ничего подобного в истории класса еще не случилось, потому что сынки и дочки состоятельных родителей старались особенно не выделяться на фоне несостоятельных, ведя за стенами школы свою особую, закрытую от других жизнь, отголоски которой становились иногда достоянием так называемой общественности. Да и школьная форма, недавно введенная вновь, уравнивала всех, никого не выделяя.

Маша спешила. Сбор назначен в школе, туда поедут специальный автобус — и это тоже интересно и необычно. О подарках Владьке как-то никто поначалу и не заикнулся, но сразу же после уроков была создана инициативная группа, она организовала подписку «кто сколько может», и Маша тут же позвонила маме и попросила у нее хотя бы сто рублей. И мама разрешила взять ей даже не сто, а триста (мало ли что!) из тех десяти тысяч, что Тепляков дал им когда-то на пропитание. Деньги лежали в том же шифоньере, на полочке под постельным бельем, в самом-самом дальнем углу. Маша взяла, но не триста, а двести, потому что от тех денег осталось совсем немного, хотя Тепляков в последнее время обедал или ужинал у них не так часто, но

при этом почти всякий раз приносил с собой по целым сумкам всяких фруктов и лакомств.

Ну, кажется, все готово. Маша еще раз оглядела себя в зеркало и решила, что Юре она бы очень понравилась. Особенно с бантом, так украсившим ее наряд, пришпиленным простенькой брошью с зелеными камушками на лиф у левого плеча. Маша положила туфельки в пакет, облачилась в свою шубку и стремительно выскочила из дому. А еще через полчаса автобус уже вез весь класс в ресторан.

Правда, не совсем весь: кое-кто из девчонок и ребят не пришел. Эти кое-кто — всего пять человек — недолюбливали Владьку из-за его папы, из-за их шикарного особняка, из-за Владькиного выпендрежа. Большинство же считало, что Владька тут ни при чем: не он же, в конце-то концов, родил своего отца, не он же будто бы крышевал всяких там жуликов и взяточников. А что Владька любит выпендриваться, так он в классе не один такой, есть и другие, но почему-то другим можно, а Владьке нельзя. Маше такое отношение между одноклассниками казалось несправедливым. Тем более что она ни в какие соперничающие между собой группы не входила, со всеми была улыбчива и уживчива, за что ее тоже любили далеко не все. Особенно девчонки.

А еще Маша знала, что об их отношениях с Тепляковым известно всем, хотя она уверяла, что «этот самый Тепляков» только потому бывает в их семье и часто встречает ее из школы, что воевал с ее братом Сашей на Кавказе и будто бы обещал Саше перед смертью опекать и защищать его сестренку. А еще — он хорошо играет на гитаре и поет.

Маше было неловко и за свою ложь, и за то, что она отделяет себя от Теплякова, но в школе так уж заведено, что все что-то друг от друга скрывают: одни — неизвестно откуда взявшееся богатство, другие, наоборот, свою бедность, третьи — свои любовные похождения, четвертые... короче говоря, почти у каждого есть что скрывать или чего стесняться. Тем более когда тебе семнадцать, а твоему парню — под тридцать. Вот исполнится ей восемнадцать, и тогда она может вести себя так, как хочется. И даже с Тепляковым, который тоже стесняется своего возраста, находясь рядом с ней на людях. А у них в классе, между прочим, многие девчонки, — если не врут, конечно, — уже давно избавились от своей девственности, и — ничего, то есть живут себе и не печалются. А главное — никто у них не спрашивает, кто их этой своей девственности лишил. И сама Маша не прочь стать женщиной, но Тепляков... вот странный человек! — считает, что поступит нечестно по отношению к ней, если позволит себе пересту-

---

пить некую запретную черту. Или боится, что его могут привлечь. Как будто кто-то узнает, если даже и переступит. Но как бы то ни было, а она Юрку своего любит и ни на кого не променяет. И даже его непреклонная воздержанность ей льстит, а когда они остаются одни, и он ее целует везде-везде, а ей так хочется, чтобы было все-все-все. Но даже тогда, задыхаясь от его поцелуев и объятий, она чувствует эту границу, через которую так хочется перешагнуть, но не разумом, а всем своим существом, каждой его частицей. Зато она знает наверняка, что как только закончит школу, все сразу же станет между ними по-настоящему. Так она решила.

Уже в автобусе собрали деньги (получилось всего четыре тысячи триста пятьдесят рублей) и решили, что, во-первых, покупать подарок поздно; во-вторых, неизвестно, какой подарок устроит Владьку; и, наконец, в-третьих, проще всего отдать эти деньги ему живьем, а он уж пусть сам решит, куда их потратить.

В ресторане все было готово к празднику: столы ломились от всяких яств и лакомств, официанты, все в белом, стояли с белыми же полотенцами на сгибе руки, все молодые и симпатичные, будто волонтеры, отобранные на Олимпийские игры. На небольшой сцене восседал небольшой оркестр, который при появлении гостей грянул туш. И сам папа Владьки, мужчина солидный, с серебристым ежиком на круглой голове, один вид которого, значительный и непреступный, говорит, что перед ними большая шишка, встретил вместе с сыном его одноклассников, поздравил Владьку и сам же сдернул большое белое покрывало с какого-то бесформенного сооружения, и... — вот уж чудо так чудо! — посредине зала явилась как бы из ничего шикарная легковая машина, повязанная длинным полотенцем, на котором сияла в свете многоламповых люстр надпись из больших золотых букв: «Моему любимому сыну в день 18-летия!!!»

Все так и ахнули. Кого-то привела в восторг сама машина, а кого-то в изумление поверг факт ее появления в этом зале, где не было ни одной двери, через которую она могла бы проехать. Как выяснилось потом, «проехала» она через окно.

После такого подарка несчастные четыре тысячи выглядели почти издевкой, и их решили придержать до других восемнадцатилетий, потому что в классе собрался народ, поразному начавший свое образование: кто в шесть лет, а кто и в восемь.

Отгремел оркестр и аплодисменты, было разлито по бокалам настоящее французское шампанское, Владькин папа

произнес речь в том духе, что школьные годы — лучшие годы в жизни каждого человека, что одноклассники должны дружить и помогать друг другу и в своих дальнейших действиях на жизненном поприще не выходить за рамки закона.

Ему дружно похлопали.

Чубаров-старший выпил вместе со всеми бокал шампанского и удалился, сославшись на срочные дела, а Владька влез в свою машину. Он даже хотел ее завести, но она никак не заводилась, и кто-то сказал, что в ней нет аккумулятора.

Покрутившись и пошумев вокруг подарка, вернулись за стол. Пили шампанское и еще какое-то вино, и даже французский коньяк, закуски сменяли друг друга, одни экзотичнее других — вплоть до салата из черепашины с какими-то диковинными овощами и травами. Действительно из черепашины или нет, никто сказать точно не мог, поэтому съели и даже не заметили.

Оркестр играл не переставая. Официанты, сияя улыбками, разносили все новые и новые блюда.

Парни от смеси шампанского с коньяком осоловели. Не отстали от них и кое-кто из девчонок.

Маша отпила из своего бокала лишь чуть-чуть: она не любила шампанское. К тому же в ее семье, особенно после смерти отца и гибели брата, горячительными напитками не пользовались, а бутылка дорогого вина, как-то принесенная Тепляковым, так и стоит нераспечатанной. Разве что мама выпьет рюмку водки по тому или иному случаю, да и то как-нибудь так, чтобы не на глазах у своих дочерей. Правда, от Дашки иногда пахнет, особенно в последнее время, но это скрывается от мамы со всевозможной тщательностью.

В ожидании чего-то еще особенного, пока официанты убирали со столов и устанавливали новые приборы, начались танцы.

Владька, чувствуя себя здесь не только именинником, но и хозяином, вдруг заорал на весь зал:

— Маш! Яловичева! Первый танец за мной! Учти!

Под аплодисменты остальных он потащил Машу поближе к эстраде, где оставалось немного свободного места. Размахивая руками, велел оркестру:

— Танго! Давай танго, мужики!

И едва запиликали скрипки, крепко прижал Машу к себе и повел, наступая на ноги. Он очень старался, но получалось у него, как всегда, грубо. Он и на уроках классического танца, которые давали у них в школе за небольшую плату, танцевал так же неуклюже и грубо. От него несло перегаром,

---

глаза его блуждали, не находя, за что зацепиться, потные руки мяли Маше талию. Она с трудом выдерживала эту пытку, упираясь локтем в его плечо, продолжая, между тем, улыбаться, будто все идет так, как и должно идти. Владька хотел удержать ее и на следующий танец, но Маша вырвалась и убежала в туалет.

В туалете курили Нинка Ухова и Райка Коваль, две подружки — не разлей вода. Нинка — девка плотная, задастая, толстоногая, с широким плоским лицом. Райка — все наоборот. При этом кофточка у нее едва топорщится на плоской груди. Зато у Нинки груди такие большие, что, кажется, вот-вот разорвут ее прозрачную блузку вместе с бюстгалтером и вывалятся наружу. Нинка слывет последней дурой, мечтающей лишь о скором замужестве. Райка, напротив, учится хорошо и вообще считается девчонкой умной, но и злой на язык. Поговаривают, что их союз замешан на чем-то стыдном, при этом Райка в этом союзе верховодит. Маша в это не верит, потому что... ну как это так? — даже представить невозможно, чтобы вместо Юры оказалась какая-то... Нинка или Райка. Тьфу, да и только!

— Что это Владька сегодня к тебе приклеился? — спросила Райка, выпустив изо рта струю сизого дыма. — Раньше вроде не клеился.

— Перепил, — ответила Маша, брезгливо поведя худенькими плечиками. — От него воняет, как от бочки с тухлыми огурцами.

— Тоже мне — прынцэсса! — хихикнула Нинка. — Воняет ей! Зато у него денег — девать некуда! Я бы — будь на твоём месте — приклеилась бы к нему и не отпускала, пока... хихи-хи... не выдоила все до копейки.

— Вот и клейся! Кто тебе не дает?

— Ну чего ты к ней лезешь? — вступилась за Машу Райка. — Она и так уже приклеена... к крутому мужику.

— Ну и что? Его один раз подстрелили, подстрелят и еще раз, — не сдавалась Нинка. — А Владьку самого охраняют. И тоже крутые мужики.

— Ладно, пошли, — сказала Райка, дернув Нинку за подол короткой синей юбки, едва прикрывающей зад. И уже от двери: — Яловичева, а ты чо, здесь весь вечер сидеть собираешься?

— Я, пожалуй, пойду, домой, — неуверенно произнесла Маша.

— И кто ж тебя отпустит? — опять хихикнула Нинка. — Раз Владька положил на тебя глаз, то это надолго. Спроси у Наташки Фаровой — она расскажет.

И точно: гардероб оказался закрыт, а высокий парень с широкими плечами, скучающим взглядом окинув Машу с ног до головы, посоветовал ей вернуться в зал и продолжить веселье.

И она вернулась. Тотчас же Владька бросил танцевать с Нелькой Сутуловой, самой красивой девчонкой в 11-м «А», и кинулся к Маше, расталкивая танцующих.

— Ты где шастаешь, мадама? — закричал он. — Я ее жду-жду, а она... Пшли танцевать! На седня ты — моя королева. Цени!

— Очень мне надо, — попыталась воспротивиться Маша, продолжая улыбаться, но смущенной и растерянной улыбкой. — Я с пьяными не танцую.

— Это кто пьяный? Владька Чубаров? Ты чо, охренела? Блин! Да я могу выпить... выпить ведро — и ни в одном глазу. Блин! Мы, Чубаровы, сделаны из стали. Соображаешь? Ценить должна, а ты... вые... выпендриваешься. Блин!

Вырваться не удавалось. Да и ребята смотрели на них с отстраненным любопытством, чем, мол, кончится этот поединок, и ни один из них не решился встать на ее защиту. А главный соперник Владьки в их классе Лешка Семибратов, который частенько встречал в конфликты Владьки с другими ребятами и девчатами, куда-то исчез.

И Маша сдалась, надеясь как-нибудь выкрутиться.

Удивительно, но Владька повел себя неожиданно галантно: и уже не прижимал ее к себе, извинялся, когда наступал на ноги, но и не отпускал от себя ни на шаг.

— Владь, ну чего ты ко мне привязался? — пыталась Маша как-то отделаться от своего ухажера. — До этого все Нэлька да Нэлька, а тут бросил девочку посреди танца. Так настоящие мужчины не поступают.

— Да ну ее на хрен! — воскликнул Владька и расхохотался. — Отработанный материал! Соображаешь? Красивая, но дурра дуррой!

— А сам-то ты — шибко умный, что ли?

— Я-то? Я-то — будь здоров! Блин! Думаешь, если у меня одни тройки, так и дурак? Ош-шибаешь-шься! Блин! У нас в роду дур-раков нету! Запомни это, Яловичиха! Вон, про этого... как его?... ну, который изобрел это самое... фу ты, черт! — забыл. Так вот, он в школе едва-едва, а через несколько лет стал великим бизнесменом. Миллиардами ворочает! Соображаешь, блин?

— Мне совсем не интересно, кем ты станешь! Не шеплись, дурак!

— Я дурр-рак! Сама ты... А правду говорят, что ты еще целка? Правда или брешут?

Маша рванулась, но Владька держал ее крепко.

— Чо дергаешься-то? Чо, и спросить нельзя? А хочешь, я тебя распечатаю? Как бутылку! Ха-ха-ха! — залился он, запрокидывая голову. — Мне это — раз плюнуть. Блин!

— Хам! Скотина! — вскрикнула Маша и попыталась дать пощечину Владьке, но он успел перехватить ее руку.

Они стояли среди танцующих, некоторые пары тоже оставались, прислушиваясь.

Закончился фокстрот.

Маша снова попыталась вырвать руки из Владькиных липких пальцев.

— Пусти, критин! Должна же я привести себя в порядок!

— Ты и так в порядке! Блин! — хахакнул Владька, но хватку ослабил. — Смотри, не исчезай! Из туалета вытащу! С толчка сниму! — погрозился он, отпуская ее руки, и опять залился громким хохотом.

В женском туалете было пусто. Лишь отойдя от двери и заглянув за угол, Маша увидела Нинку и Райку, устроившихся на диване в какой-то странной позе. При этом Нинка лежала, задрав одну ногу, и как-то нелепо дрыгала ею, точно отгоняла мух. Не сразу Маша разобрала, что к чему. Райка всем своим лицом была погружена в обнаженные груди своей подруги, зажав между своих тощих ног другую ногу Нинки, а руки ее сновали у Нинки под юбкой. Они настолько были заняты собой, так часто, взахлеб, дышали, что не услышали, как открылась и закрылась дверь.

Маша так и замерла с открытым ртом и широко распахнутыми глазами. Конечно, она слыхала о так называемых извращениях, «голубых» и «розовых», но чтобы вот так, да еще в таком месте, куда в любую минуту может войти кто угодно... — нет, такого она не могла себе даже представить. И она тихонько попятилась, затем спиной открыла дверь и тихо же, без стука прикрыла.

А по лесенке уже спускался Владька.

— Во! — закричал он, точно они находились в лесу. — А я за тобой! Пшли! Я тебе чо-то покажу, блин!

— Не надо мне ничего показывать!

— Ты чо, Яловичиха! Мне седня все можно! Я седня родился на свет божий! Мне седня никто... ха-ха-хах! — не имеет права отказывать! Усекла?

И он, схватив Машу за руку, потащил ее наверх.

— Пусти! — отбивалась Маша. — Не хочу я ничего смотреть! А-а! — вскрикнула она от боли.

И тут, едва они вышли в раздевалку, появились Лешка Семибратов и Толька Каретников.

— Владька, чо ты к ней привязался? — спросил с угрозой Лешка. — Тебе, чо, Фаровой мало?

— А вы кто такие, блин! Следите за мной, чо ли? Че суете нос свой в чужие дела? Хотите, чтоб оторвали? По морде захотели?

— От тебя, чо ли?

— А хоть и от меня!

Владька отпустил Машину руку, и она отскочила в сторону. В это же время мимо них быстро проскочили в зал Райка и Нинка, обе красные, будто из бани. Все проводили их изумленными взглядами.

— Ребята! Ребята! — заговорила Маша, раскинув руки. — Пожалуйста, успокойтесь! Очень вас прошу! Лешенька! Толик! Умоляю! В конце концов, я же понимаю, чо...

— Иди, Яловичева! Иди! Мы тут сами разберемся! — решительно подтолкнул ее к двери в зал Толька Каретников, в то время как Владька и Лешка почти сблизились, продолжая оскорблять друг друга.

Маша бросилась к двери, влетела в зал, ворвалась в круг танцующих, крикнула:

— Ребята! Там Чубаров с Семибратовым и Коретниковым...

— Ну чо ты орешь? — спросил Денис Кругляков, остановившись со своей партнершей, спросил с такой досадой на губастом и щекастом лице, как будто ничего важнее, чем закончить танец, для него не существует.

Да и другие, притормозив, как-то неодобрительно поглядывали на Машу. И она, не ожидавшая от своих одноклассников подобного равнодушия, крикнула в отчаянии:

— Вы! Вы-ы!.. Как вам не сты-ыдно? Вам только бы... а они там драться собрались! Пьяные! Мы же на праздник пришли, а они — драться! — Глаза ее заблестели еще не пролитой слезой, и она кинулась вон из зала.

Все, кто быстрее, кто не спеша, потянулись в раздевалку.

А там происходило что-то дикое: два рослых парня-охранника держали Лешку и Тольку, заломив назад их руки, а Владька бил их кулаками... в лицо.

Маша ахнула и бросилась вперед. Она оттолкнула Владьку и встала, раскинув руки, закрыв собою мальчишек.

— Уййй-дййй! — заревел Владька. — Убь-ююю!

— Сволочи! Гады! Ублюдки! — кричала Маша в лицо охранников. — Ни совести у вас, ни чести! Холопы!

Раздевалка наполнилась молчаливыми ребятами и девчонками.

Охранники что-то поняли и толкнули избитых мальчишек в сторону молчаливо стоящего класса. Затем подхватили

упирающегося и матерящегося Владьку под руки и поволокли по лестнице на второй этаж.

Лешку и Тольку, с окровавленными лицами, окружили, повели в туалет — умыться.

Открылась раздевалка. Сумрачный пожилой дядька в униформе раздавал одежду и обувь.

— Молодые, а напились, как эти самые... как бомжи, — ворчал он. — На дармовщинку-то... А еще и драться. Иди на улицу и дерись, коли невтерпеж. А тут — культурное заведение. И чему вас в школе только учат? — и сокрушенно качал седой головой.

Маша ехала домой на трамвае. Рядом молча стояли девчонки и мальчишки из ее класса. Не глядя друг на друга, таращились в промерзшие окна. Все случившееся в ресторане разрушило представление Маши об окружающем ее мире до такой степени, что хотелось куда-то бежать, чтобы забыть, забыть и никогда не вспоминать. Но перед ее мысленным взором то возникали Нинка и Райка, копошащиеся на диване, то согнутые фигуры Алешки и Толика с вывернутыми назад руками, то лицо Владьки, тупо ожесточенное, слышались его хриплые выдохи при каждом ударе, и сами удары: чвяк! чвяк! чвяк! — от которых у Маши до сих пор вздрагивает все тело.

Мир рухнул. Привычный мир, со своими маленькими радостями и огорчениями, победами и поражениями, где все было расписано и разложено по полочкам, очерченный невидимыми границами, выходить за которые мало кто стремился, а если кто-то и делал робкий шаг за его приделы, то на таких смотрели с удивлением и недоверием. А иногда, но очень редко, с восхищением. За границами привычного мира текла взрослая жизнь. Она вторгалась в привычный мир незаметно, раздвигая его границы, так что Маше казалось, что ни в ней, ни вокруг нее не меняется ничего. Зато она была уверена, что все сразу же изменится, едва они покинут школу и перешагнут восемнадцатилетний рубеж.

Но именно сегодня мир рухнул, разорвав все границы — и это было так страшно, что не хотелось верить в случившееся. Тем более что все так же куда-то едет трамвай, знакомо на поворотах визжат колеса на промерзших рельсах, проплывают мимо равнодушные уличные фонари, вспыхивают ярконаглые фары встречных машин, в трамвае сидят и стоят все те же люди, и какой-то парень говорит по мобильнику, как наверняка говорил он и вчера и много дней тому назад: «И когда? Завтра? А где? И куда? Да на фиг мне это нужно? Ты

чо, совсем, чо ли? Я лучше...» — и парень смеется веселым раскованным смехом. Господи, неужели он не знает, что мир рухнул и никогда-никогда теперь не станет таким, каким был — светлым, беззаботным и радостным?!.

И Юра не звонит... А ей звонить ему никак нельзя: вдруг он на каком-нибудь заседании, брифинге или ведет машину. Или попал в аварию... Или... или в него опять стреляли... Не хочу! Не хочу! Не хочу!

И Маша, отвернувшись, шмыгнула носом и вытерла мокрые глаза варежкой.

Глава 26

На другой день Теплякова навестил тот же самый молодой следователь, который допрашивал его после покушения. Тыча указательным пальцем в фотографии, сделанные на месте происшествия, он снова и снова с болезненной, как показалось Теплякову, настойчивостью требовал от него подробностей отношений с Укутским и его женой, а хронологию самой схватки на лестничной площадке пытался проследить с точностью до секунды.

Следуя советам бывшего следователя Шарнова, Тепляков упирал на сексуальные домогательства Мих-Миха, из-за которых все и произошло. Что касается подробностей схватки на лестничной площадке, то — опять же по совету Шарнова — выдумывать их не было нужды: они и без того красноречиво свидетельствовали не в пользу Укутского.

Но вот странность — Тепляков подробностей не помнил. В его памяти образовалась какая-то черная дыра, из которой всплывали на поверхность лишь отдельные картины: то глаза Мих-Миха так близко от его, Теплякова, глаз, что видны красные прожилки на пожелтевших белках; то его толстые пальцы, сжимающие со страшной силой предплечья... или вздувшиеся жилы на его воловьей шее и синие на них артерии, или задранную ногу в черном носке, или лоскутки кожи на разбитом затылке... что-то еще и еще, но все будто бы без всякой связи между собой.

Врачи, обследовавшие Теплякова, пришли к выводу, что он получил при падении сотрясение мозга, которое — вполне возможно — наложилось на прошлую контузию. Тепляков не помнил, чтобы он ударялся обо что-то своей головой, но он вообще мало что помнил. Однако следователь, имевший на руках врачебное заключение, недоверчиво качал головой, пытаясь наводящими вопросами внести ясность в произошедшее, но подследственный лишь мучительно морщил свой лоб и, жалко улыбаясь, нес явную околесицу. В конце кон-

---

цов, потеряв терпение, следователь взял с подследственного подписку о невыезде и ушел, не сказав, чем это дело может для Теплякова закончиться.

Дименский вернулся в палату. Тепляков лежал на койке, сложив на выпуклой груди мускулистые руки.

— Что-то очень уж долго он вас мурыжил, этот прилизанный чинуша, — проворчал профессор. — Говорите, уже имели с ним дело? Хуже, когда они меняются: под каждого приходится подстраиваться. Впрочем, в вашем случае в этом нет никакой необходимости. А вот мне... Ну, да, бог с ними! — Дименский порылся у себя в тумбочке, достал оттуда несколько книжонков в бумажных обложках, перебрал их одну за другой, посетовал: — Когда меня вполне вежливо пригласили лечь в больницу на обследование, чтобы решить, насколько я приспособлен к камере предварительного заключения, я как-то впопыхах взял с собой совсем не то, что нужно. А ноутбук взять не разрешили. Черт знает что! Теперь вот... — и он, кивнув на лежащие в беспорядке тощие книжонки, покачал плечевой головой. — А как без работы? Я не знаю, как обходиться без работы. Вот Лев Гумилев, если читали, сочинял свою историю кочевых народов на просторах Великой степи и запоминал возникающие в его голове идеи. Иные поэты в заключении сочиняли целые поэмы — и тоже заучивали наизусть. А у меня не получается. Я, наверное, очень разбросанный человек. Мои мысли скачут от одной идеи к другой, я пытаюсь найти между ними какие-то связи, а в результате в голове ничего не остается. Беда да и только. А я, между прочим, начал статью о состоянии нашей Вселенной. На мой взгляд — весьма актуальную по нынешним временам. Хотя я не астроном, не астрофизик, не математик, но всегда интересовался этими вопросами. — Дименский с надеждой посмотрел на Теплякова, созерцающего потолок. Спросил: — Вы, Юра, наверное, слышали, что в конце прошлого века была принята гипотеза, будто наша Вселенная произошла в результате взрыва одиннадцать миллиардов лет тому назад?

— Да, Геннадий Артурович. По телику говорили что-то в этом роде, но я как-то... — промямлил он, чувствуя себя под цепким взглядом профессора вечным двоечником.

При этом Теплякову казалось странным и бессмысленным заниматься какими-то абстрактными проблемами, когда впереди у каждого из них полная неясность. К тому же он привык мыслить конкретными категориями, позволяющими без особой натуги решать, куда двигаться — налево или направо, стоять на месте или продолжать идти вперед. Идти

вперед — это всегда было его единственной целью, а что ждет его впереди, и действительно это будет вперед, а не назад, в голову не приходило. Но профессор... он так увлекательно рассказывает, что остается лишь растопырить уши и ни о чем не думать.

— Но я как-то, — повторил он после некоторой заминки, — не очень понимаю, откуда возникают эти гипотезы.

— Ну, это-то как раз проще пареной репы! — обрадовался Дименский. — Еще в древности человек, глядя на звездное небо, выдвигал разные идеи, но все они сводились к тому, что звездами и человеком распоряжаются страшные и неведомые силы. Он, например, заметил, что когда, отправляясь на охоту, обходил лежащий на его пути камень с правой стороны, ему чаще сопутствовала удача, а если с левой, чаще возвращался без добычи. Какие, по-вашему, Юра, мысли приходили ему в голову?

— Я думаю, что надо обходить камень всегда с правой стороны.

— Верно. Но этого мало. Он связывает это совпадение и свои из него выводы с неведомыми силами, наблюдающими за ним сверху. А камень становится связующим звеном между ним и небесными силами. Так зарождались все религии, пока не пришли к идее единого божества, создавшего и руководящего мирозданием. Бог родился в умах наблюдательных и думающих представителей рода человеческого задолго до того, как человек научился писать и читать, а затем идея бога была тем или иным способом внедрена в сознание людей бездумных, коих, к сожалению, подавляющее большинство. Все это вроде бы очевидно, но, в то же время, и очень сложно. Самоорганизация и следование в направлении выживания существует не только у человека, но — первоначально — у многих живых существ. Например, у муравьев, пчел, рыб, млекопитающих. Тут тоже имеются свои посылы: например, масса всегда сильнее и жизнестойчивее одиночки. Поэтому одиночки всегда вытеснялись и вытесняются массой. И так далее. Но меня сегодня волнует совсем другое... Вы как, не против такой постановки вопроса? — спросил он, оборвав свое маятниковое движение.

— Нет, не против, — с готовностью ответил Тепляков, хотя и не понял, о каком вопросе идет речь.

Он спустил босые ноги на замызганный коврик, сел, но тут же и убрал их, чтобы не мешать профессору ходить между койками от окна к двери и обратно, уселся по-восточному, превратившись в слух: ему было все равно, о каком вопросе идет речь..

— Тем лучше. Время у нас с вами девать некуда, и я, с вашего разрешения, попытаюсь дать этой теме несколько иное толкование. Глядишь, и новые мысли в моей голове проявятся, и вам, Юра, лишние знания не повредят. Как, не возражаете?

— Ну что вы! — воскликнул Тепляков. — Я всегда с удовольствием слушаю ваши лекции.

— Ну и на том спасибо, — согласно покивал головой Дименский, дошел до окна, остановился, какое-то время смотрел, как за окном кружатся снежинки, повернулся и начал свою лекцию: — Да, так вот, Один писатель выдумал «Теорию замкнутых объемов». Так, по крайней мере, он ее обозвал. Я тогда был еще сравнительно молод и не обратил на нее внимания: другим голова была занята. А потом вспомнил. Но фамилию писателя вспомнить никак не могу. Надеюсь, он ко мне не в претензии. Если еще жив, конечно. По-видимому, теория эта осталась или незамеченной научной общественностью, или отвергнутой, как противоречащая марксизму-ленинизму. В противном случае имя автора вполне могло прогреметь. Итак, суть этой теории. Каждый из нас, едва появившись на свет, занимает свой объем в пространстве, заполненном другими объемами. Пока мы растем и набираемся знаний, опыта, объем этот тоже растет, постепенно тесня остальные. То же самое происходит с семьей, обществом, государством, каждое из которых тоже занимает определенный объем среди других сообществ и государств. Жизнь есть движение — известная аксиома. Единичные объемы увеличиваются или, наоборот, уменьшаются, перемещаются, тесня другие, сливаются с другими для решения каких-то общих задач, распадаются, гибнут и так далее, и так далее. И это более-менее упорядоченное движение продолжается до тех пор, пока общий объем, будь то единичная личность, семья, общество или государство, выдерживает давление изнутри и снаружи. Как только давление достигает некой критической точки, происходит взрыв: красные, оранжевые и прочие серо-буро-малиновые революции, контрреволюции, конфликты дипломатические, торговые, войны локальные и мировые, ссоры с женой, соседями, сослуживцами, большие и малые преступления, и... и прочее, и прочее, и прочее. Если, исходя из «Теории замкнутых объемов», каждому объему дать свой коэффициент и математическую значимость, то можно создать математическую же модель, предсказывающую любой конфликт на любом уровне.

Дименский на несколько секунд прервал свое маятниковое движение и, согнувшись, усталился на Теплякова.

— Вам, Юра, все ясно? — спросил он.

— Более-менее, Геннадий Артурович, — поспешил с ответом Тепляков.

— Прекрасно! Пойдем дальше! Все вопросы — после лекции, — уточнил профессор, не обратив внимания на снисходительную улыбку слушателя. — Итак, каждый человек замкнут в своем объеме, в то же время испытывает влияние других объемов и сам влияет на них. Вот этот постулат, как мне кажется, больше всего подходит к объяснению гипотезы о разбегающихся галактиках. Вы, господа, утверждаете, — простер руку профессор к воображаемым господам, — что разбегание галактик произошло в результате взрыва. Прекрасно. Если исходить из закона Ньютона о взаимном тяготении космических тел, то разбегание галактик должно рано или поздно прекратиться, ибо они рано или поздно израсходуют энергию движения, полученную при взрыве. Следовательно, замедление должно быть зафиксировано современными приборами. А они фиксируют не замедление, а ускорение. Астрофизики утверждают: галактики в своем движении уже превзошли скорость света. И хватаются за голову. Тогда, чтобы объяснить это явление, придумали «темную энергию» и «темную материю». Но так ли уж темны энергия и материя, вызывающие ускорение, господа? — спрашиваю я. Они темны для нас потому, отвечают господа, что мы не знаем, откуда они взялись и на какие шиши существует. Действительно, сила не может существовать сама по себе без материи. А материи не видно, она вычислена чисто теоретически. Что делать? А делать ничего не надо. Надо для начала разделить два понятия: Вселенная и Мироздание. Вселенная — это то, что мы видим, то есть то, что произошло в результате взрыва и теперь разлетается. Хотя я, грешный, очень сомневаюсь, чтобы такая огромная масса материи, сосредоточенная в одной точке, могла сосредоточиться в одной точке. Если иметь в виду точку как геометрическую величину. Это первое. Второе — сомнительно, чтобы материя, занимавшая в пространстве именно точку, могла существовать в таком состоянии хотя бы одно мгновение. Но об этом дальше. Вернемся к нашим баранам. Итак, наша Вселенная имеет свое расширяющееся пространство. Далеко не бесконечное. Мироздание же, напротив, не имеет ни конца ни края. Оно бесконечно во времени и пространстве. Следовательно, мы окружены со всех сторон такими же Вселенными, пока еще невидимыми для нашего глаза, но наверняка существующими. Они-то своими силовыми линиями и оказывают мощное влияние на нашу Вселенную, они-то и заставляют разбегаться галактики с

беспредельно увеличивающейся скоростью. Не трудно представить, что расширяющиеся или, наоборот, сужающиеся Вселенные объединены в некую Мегавселенную, внутри которой происходят рождения и смерти таких Вселенных, как наша. Наверняка не самая большая. А Мегавселенные соответствующим образом взаимодействуют с себе подобными, и так до бесконечности. Об этом мы можем только гадать, но никогда не постигнем их тайну. Следовательно, «темная энергия» вовсе не темная, а вполне реально существующая, имеющая источники, эту энергию порождающие. А тот факт, что наша галактика, называемая Млечный Путь, со временем, как ожидают некоторые астрофизики, столкнется с другой галактикой, лишь подтверждает, что частицы нашей Вселенной переплетаются с другими, иначе никак нельзя объяснить, каким образом две галактики, получившие одно и то же ускорение и строго от центра взрыва заданное радиальное направление, вдруг начинают влиять из стороны в сторону. А вся штука в том, что или мы, или другая галактика пришли из другой Вселенной.

Дименский замолчал и остановился, глядя в окно, как будто видел за морозными узорами Нечто, которое не дано видеть Теплякову. Обернувшись, он протянул к нему руки и воскликнул:

— Вы только представьте себе, Юра, как на огромных просторах Мироздания вершится бесконечное движение огромных масс материи в виде галактик, обломков звезд и планет, сталкивающихся друг с другом. На наших глазах гигантские «черные дыры» всасывают эту материю, внутри их под действием колоссального давления происходит разрушение атомов, чем дольше длится этот процесс, тем большая масса накапливается в «черной дыре», тем больше кинетической энергии она в себе аккумулирует. Наконец наступает момент перенасыщения энергией. Масса не может удержать ее своим гравитационным полем. Происходит взрыв, возвещающий о рождении Суперзвезды, подобный тому, что породил нашу Вселенную, но значительно меньших размеров. Это-то и заставляет меня сомневаться, что наша Вселенная родилась от одного единственного взрыва. Ну да бог с ним. Итак, проходят миллиарды лет, в плазме, раскаленной до миллионов градусов, возрождаются атомы, процесс образования новых галактик вступает в начальную стадию. В результате тысяч случайных совпадений на одной из планет создаются условия для зарождения жизни. При этом не исключено, что зародыши белка результат гибели планет, на которых существовала жизнь в той или иной форме. И порожденный эти-

---

ми случайностями новый гомо сапиенс возьмется за изучение окружающего мира с поклонения ближайшему камню, огнедышащей горе, роднику или животному. И новые боги возникнут в его воображении. Мир гомо сапиенсов вновь поделится на тех, кто живет, чтобы есть, и тех, кто ест, чтобы жить. И этот процесс бесконечен и непрерывен.

Тепляков представлял Вселенную по-своему — в виде разноцветных воздушных шаров, помещенных в один большой прозрачный шар. Что происходит в этом большом шаре, понять невозможно, но наверняка что-то происходит, потому что одно только трение между ними должно вызывать определенные процессы, невидимые человеческим глазом. Но уж точно — какой-то шар непременно лопнет, и это может погубить все остальные шары. Дальше этого воображение Теплякова не распространялось.

— Вот так-то, мой юный друг, — повернулся профессор к Теплякову и виновато улыбнулся. — Небось, запудрил я вам мозги до такой степени, что дальше некуда? Или все-таки есть куда?

— Честно говоря, я еще не все понял, но понять попытаюсь, — почти с такой же виноватой улыбкой ответил Тепляков. — Особенно, как все это связать с «Теорией замкнутых объемов».

— А вы, Юра, думаете, я понимаю? — забулькал Дименский своим странным смехом. — Я, голубчик, тоже далеко не все понимаю. Если бы все это было так просто, уж яйцеголовые давно бы разложили все по отдельным полочкам, занумеровали и каждому фактику дали свое имя.

Глава 27

Миновало еще два дня, наполненные умными разговорами. Правда, Тепляков больше слушал, чем говорил, но он чувствовал, как мир совершенно незнакомых ему понятий властно вторгается в его сознание, требуя каких-то действий или, по крайней мере, решений. Ему стали сниться странные сны, будто он находится внутри шара, который куда-то летит в полной темноте, и что-то или кто-то пытается разорвать оболочку шара, чтобы схватить его, Теплякова, железной хваткой погибшего Укутского... И Тепляков просыпается среди ночи, долго лежит с открытыми глазами, слушая равномерное похрапывание профессора, точно тот продолжает свою лекцию, но не обычными словами, а закодированными под храп звуками.

Может быть, если бы пребывание в больнице, в одной палате с неумным человеком, продлилось дольше, появились

бы и ясность, и решения, влекущие за собой какие-то действия, но через два дня Теплякова из больницы выписали.

Дименский на прощанье обнял Теплякова, похлопал его по спине своими жесткими ладонями слесаря. И даже прослезился.

— Давайте, Юра, встретимся с вами, когда закончится и для вас, и для меня вся эта катавасия, — предложил профессор. — А пока желаю вам удачи. И только удачи.

Уходя по длинному коридору к выходу, Тепляков раза два обернулся, и всякий раз, видя мешковатую фигуру профессора, стоящего у двери их палаты, испытывал такое чувство, будто бросил на произвол судьбы очень близкого ему человека.

Вернувшись на квартиру, Тепляков сразу же позвонил Машеньке.

— Юра! — услышал он в трубке ее отчаянный вскрик, требующий немедленного его вмешательства, и догадался, что Машеньке все известно. И еще раз она вскрикнула подобной птицей: — Юра! — и только потом зашепила с вопросами: — Ты меня слышишь? Ты где? Ты не ранен?

— Слышу, — ответил он. — Я дома. И совсем не ранен. Так, ерунда. Сейчас приду. Ты не против?

— О чем ты говоришь? Я не знаю, что думать! У меня... я не могу... а ты не звонишь и не звонишь!

И Тепляков услышал, как она всхлипнула. Внутри у него что-то дрогнуло, и он сам захлебнулся словами: — Я сейчас приду... милая, любимая, дорогая моя девочка!

Они расположились на диване в большой комнате. Машенька лежала у Теплякова на руках, будто обессилившая после рассказа о том, что произошло в ресторане. При этом новая история, случившаяся с Тепляковым, ее тронула значительно меньше. Впрочем, может быть, исключительно потому, что он слишком скупо описал эту историю, придав ей характер несчастного случая, не вдаваясь в подробности, которые ему самому казались неважными.

А Машенька все еще живо переживала то, что случилось на ее глазах и с нею самою.

— И представь себе, — говорила она, заглядывая в глаза Теплякову своими страдающими глазами, наполненными густой синевой, — Владыка на другой день пришел в школу так, будто ничего не произошло. И опять полез ко мне... в смысле: «Машка, привет! Ну ты даешь!» и все в этом роде. И я... я назвала его скотиной и дала ему по морде. При всех. Вот.

— Ну, ты у меня молодец, малыш! — воскликнул Тепляков, целуя ее тонкие пальчики. — А он что?

— А он... я думала — он ударит, а он открыл рот, побелел, а потом повернулся и ушел. Совсем ушел. С третьего урока. А ребята, Лешка и Толик, они в школу не пришли. И на другой день тоже. Тогда мы с Анькой Солонцовой пошли их навестить... Они рядом живут. У обоих сломаны носы, а синяки такие, что просто ужас — глаз не видно. Но разве так можно, Юра? — и она, уткнувшись лицом Теплякову в шею, снова заплакала.

Он гладил ее волосы, смотрел на разрисованное морозными узорами окно, за которым сгушался сумрак уходящего дня, и в голове его бродили мрачные мысли. Ему казалось, что кто-то из этих ребят — Алешка или Толик — займет его место в сознании Машеньки, в ее сердце, потому что они вместе уже почти два часа, а он ни разу ее не поцеловал, и она его тоже, и все ее переживания лишь о том, что случилось в ресторане. И каждый раз он будет встречать такой же испуганный взгляд ее серо-голубых глаз, и радостная улыбка больше не появится на ее губах.

«Что ж, — думал он обреченно. — Значит, не судьба. Уеду. Уеду к черту на кулички. На Сахалин. Или на Курилы. Устроюсь матросом на траулер. Там не понадобятся знания высшей математики, умение стрелять навскидку и на звук, и ничего из того, чему учили в училище, на полигонах и стрельбищах, в армии и в «Кристалле». А Машенька — она выйдет замуж за кого-нибудь, кто помоложе и обходительнее. Может закончить институт... И вообще — он должен был все это предвидеть и не морочить голову ни ей, ни себе».

В прихожей пропиликал сверчком звонок, извещающий, что код набран Дашей или Татьяной Андреевной.

Маша встрепенулась, произнесла со вздохом:

— Мама пришла. Дашка сегодня придет поздно — у нее дежурство в больнице. — Заглянула в глаза Теплякова, спросила: — Тебе больно?

— В каком смысле?

— Как в каком? А это? — и она осторожно взяла его за руку с загипсованными пальцами.

— А-а! Это? Совсем не больно, — ответил Тепляков.

— Ты сердисься?

— На кого?

— На меня. Я все о себе и о себе. Мы даже ни разу не поцеловались.

И, чмокнув его в губы, соскользнула с колен и пошла встречать маму.

— Юра у нас? — спросила Татьяна Андреевна, едва переступив порог.

— У нас, — ответила Маша. И уже тише: — Он стесняется: у него синяки под глазами.

— Ужасно, — произнесла Татьяна Андреевна ровным голосом, будто синяки под глазами для Теплякова — вполне нормальное состояние.

— Он только что из больницы, — сообщила Маша. — У него сломаны два пальца.

— Ужасно, — повторила Татьяна Андреевна. И вздохнула.

Ее равнодушный голос болью отозвался в душе Теплякова, как будто все его мрачные мысли в отношении Машеньки получили свое подтверждение. Он поднялся с дивана, встал в дверях.

— Здравствуйте, Татьяна Андреевна. Извините, что я доставляю вам одни неприятности.

Татьяна Андреевна выпрямилась, закончив расстегивать молнии на своих сапогах.

— Ну что ты такое говоришь, Юрочка? Как тебе не стыдно? Мы все тебя очень любим. И когда ты долго не появляешься в нашем доме, очень за тебя переживаем. Профессия у тебя мне, честно говоря, очень не нравится. Тебе Маша не рассказывала, как били двоих ребят из ее класса?

— Рассказывала.

— Вот то-то и оно.

— Поверьте, но я никогда не унижусь до такой степени! — воскликнул Тепляков. — А Укутский хотел именно этого — чтобы я перед ним унижался. Да и мне, признаться, не нравится моя профессия. Но что поделаешь — другого выбора у меня не было.

— Кстати, Юрочка, ты не смотрел местные новости?

— Нет. А что?

— Тебя собираются привлечь к суду за превышение должностных обязанностей.

— Странно, — пробормотал Тепляков. — Следовательно говорил... Впрочем, все это не так важно.

— Как же неважно? — воскликнула Машенька. — А если тебя посадят? Что тогда?

— Тогда, — грустно улыбнулся Тепляков, — ты будешь носить мне передачи, а у меня в биографии появятся судимость и все остальное. Как говорится, от тюрьмы да от сумы не зарекайся.

— А я? — вскрикнула Машенька со слезами в голосе.

— Господи! Маша! Нечего раньше времени паниковать. Все может обойтись, — попыталась успокоить дочь Татьяна

Андреевна. — И вообще — хватит об этом. Будем ужинать. Пойдем, поможешь мне на кухне. А ты, Юрочка, пока посмотри телевизор: вдруг там еще что-нибудь скажут.

И по телевизору, действительно, сказали, сославшись на официальные источники, что у следствия есть несколько версий трагического события на лестнице одного из домов в элитном квартале, что следствие еще не завершено, что суду предстоит решить, оставлять ли виновника происшествия на свободе или поместить его в изолятор временного содержания. Затем была объявлена реклама, а вслед за нею интригующее обещание интервью в прямом эфире с двоюродным братом и двоюродной же сестрой погибшего Укутского.

Тепляков выключил звук и откинулся на спинку дивана. На экране мельтешили какие-то тени, сменяли друг друга сыры и зубные пасты, шикарные девицы примеряли шикарные шубы... и еще что-то, и еще. Наконец появился прилизанный тип, и Тепляков включил звук.

Странная это была парочка. Брату за сорок, сестре и того больше. У обоих лица испытые, морщинистые, с нездоровой кожей. Зато одеты с иголочки и по самой последней моде. Однако у Теплякова создалось впечатление, что одежда на них с чужого плеча: они то и дело пожимались, ерзали, словно она им очень мешала. Особенно карикатурно выглядела черная бабочка под костистым подбородком брата. Не нужно иметь специальные знания, чтобы понять, что это были люди, ведущие весьма беспорядочный образ жизни. Впрочем, Мих-Мих выглядел не лучше, но его спасала хотя бы комплекция, а этим и прикрыться было нечем.

Тепляков почти ничего не знал о родственниках Мих-Миха. Лишь однажды Лидия Максимовна обмолвилась, что когда старший Укутский попробовал привлечь своих двоюродных родственников к своему бизнесу, то из этого ничего не получилось: те, получив доступ к деньгам, начали жульничать и спиваться, за что и были возвращены в первоначальное состояние. Теперь кто-то, как можно предположить, решил вытащить их из небытия и использовать в своих интересах.

— Мы — в прямом эфире, — с пафосом заявил телеведущий. — Вы все, уважаемые телезрители нашего канала, знаете, какое достаточно ужасное несчастье постигло наш город: при достаточно нелепых обстоятельствах погиб глава фирмы «Кедр» Михаил Михайлович Укутский. Он несколько лет возглавлял свою фирму, которая, на самом деле, кормила наш город, патронировал различные благотворительные программы. Наши горожане достаточно хорошо помнят Мишу Укутского как одного из самых сильных атлетов Рос-

---

сии, который, держа зубами, на самом деле, канат, мог сдвинуть с места груженный «Камаз». Казалось бы, ему жить и жить. И вдруг — такая достаточно нелепая, на самом деле, смерть. По одной из версий следствия он стал жертвой стычки с собственным телохранителем. Представляете? С человеком, который обязан его охранять! Ничего более дикого, на самом деле, придумать нельзя! Для прояснения этого вопроса мы пригласили в студию достаточно близких родственников погибшего: Аделаиду Григорьевну Захарову и Степана Ильича Укутского. Мы все скорбим о безвременной гибели известного предпринимателя, — почтительно склонился к родственникам телеведущий, придав своему голосу трагическое звучание. — Поэтому разрешите выразить вам, Аделаида Григорьевна и Степан Ильич, не только свое, на самом деле, достаточно искреннее соболезнование в связи с постигшей вас утратой, но и всех наших телезрителей...

— Да, это такая достаточно... такая утрата, такая утрата... — всхлипнула Захарова и приложила к сухим глазам кружевной платочек, — что мы до сих пор никак не можем прийти в себя. И даже не знаем, что делать...

— Кхм, кхы-кхы! — проскрипел Укутский. — Михал Михалыч всегда был нам как... как родной отец... Чуть что, так, значит, это самое, а чтобы сказать...

— Да, я вас хорошо понимаю, на самом деле, и искренне сочувствую вашему горю, — тут же, перебив бессвязное бормотание Укутского, вновь взял бразды правления в свои руки телеведущий. — А пока позвольте задать вам мой первый вопрос: как вы, ближайшие родственники Михал Михалыча, прокомментируете случившееся, трагическое, на самом деле, событие не только в вашей жизни, но и всего нашего города? Начнем с вас, Аделаида Григорьевна.

И телеведущий сунул под нос женщине микрофон. Захарова тут же вцепилась в него двумя руками, точно за спасательный круг. Телеведущий попытался освободить свой инструмент из ее рук, но у него ничего не получилось. Он посмотрел в камеру, изобразив на своем лице снисходительную улыбку, и отпустил микрофон.

— Все это случилось так неожиданно... — заговорила Захарова, общипывая ярко накрашенными старушечьими губами микрофон. — Мы как раз сидели и пили... это самое... чай, как вдруг по ящику... А мой муж и говорит: «Гля, говорит, Дела... он так меня и зовет — Дела, — пояснила Захарова, — нашего Мих-Миха прихлопнули».

— Ну, ваш муж, уважаемая Аделаида Григорьевна, — вмешался телеведущий, решительно выцарапав из рук неутеш-

---

ной родственницы микрофон, — не является, на самом деле, родственником Михал Михалыча. Простим ему эту достаточно неуместную реплику.

— Да он завсегда такой: чуть выпьет, так и-иии...

— Итак, продолжим: вы пили чай... И что дальше?

— А что дальше? Ничего дальше, — вскинула Захарова свои худые плечи, отягощенные жакетом с мощными подкладками. — Ну, попили... это самое, помянули — и все. Мих-Мих-то... так мы его промеж себя называли, не шибко-то старался... это самое...

Но телеведущий уже подsunул микрофон к костистому подбородку Укутского.

— А как вы, Степан Ильич, относитесь, на самом деле, к достаточно трагической смерти своего брата?

— Я-то? Да как я отношусь? Достаточно отрицательно — вот как я отношусь. Теперь начнется волянка с наследством... А что касается телохранителя, так я бы его собственной рукой прибил. Это что же это самое за телохранитель такой выискался? Тут со всей ясностью виден заговор, чтобы завладеть, на самом деле, чужим имуществом, которое... которое, как написано в конституции, священно. Такая моя позиция на текущий момент. И Аде-лиа-лиды — тьфу ты, черт! — тоже. Дома-то мы ее Делой зовем: Дела и Дела, — пояснил он, махнув рукой. — Говорили ей: смени имя! Нет, хоть кол на голове...

Экран погас, затем телеведущий сообщил, что они передавали приватную беседу с родственниками погибшего бизнесмена Укутского Михаила Михайловича, что телезрители должны понять и простить им, еще не оправившимся от постигшего их несчастья, достаточно невразумительные речи.

Ужинали на кухне. Татьяна Андреевна рассказывала, что в пригородном поселке собираются пустить завод по сборке машин и механизмов для уборки улиц и еще для чего-то, что набирают людей, что при заводе открывают курсы, на которых будут готовить различных специалистов.

Тепляков понимал, что эта информация рассчитана на него, но что он мог сказать, если ближайшее будущее ему не подвластно? И он ел, молча уставившись в тарелку, боясь поднять глаза, чувствуя, как все дальше и дальше отдалается от этого стола. И даже робкие касания Машеньки, едва Татьяна Андреевна отвлекалась на хозяйские хлопоты, не возвращали ему былой уверенности.

Потом, когда пили чай, ему пришлось еще раз — уже только Татьяне Андреевне — рассказать о том, что произошло на

лестнице, но коротко и без подробностей. Машенька смотрела ему в глаза, точно пытаюсь угадать недосказанное, Татьяна Андреевна молча кивала головой.

Глава 28

Миновала неделя, другая. Теплякова никто не тревожил. И он решился поступить на курсы электриков, открывшиеся на возрождающемся заводе. Курсы платные, но у него и на сберкнижке лежали деньги, полученные по страховке, которые он берег на первый взнос для покупки квартиры, и наличными — на текущие расходы. Тепляков побывал на двух занятиях, убедился, что кое-что помнит из школьного курса физики и химии и, следовательно, не будет выглядеть недотепой среди вчерашних и позавчерашних школьников, отмотавших год на срочной службе в армии.

И вдруг — вызов в суд. То есть не совсем вдруг: он знал, что рано или поздно вызовут, но время шло, и казалось, что о нем забыли.

Держа в руке повестку, Тепляков испытывал желание сбежать куда-нибудь подальше, чтобы ни одна душа не могла его найти. Но тут же возникли страдающие глаза Машеньки, укоризненные Татьяны Андреевны — и он смял повестку в кулаке, понимая в то же время, что не будь этих глаз, он все равно никуда бы не сбежал.

Немного успокоившись, Тепляков позвонил бывшему следователю Шарнову. Долго никто не брал трубку, наконец в ней щелкнуло, послышалось чье-то дыхание и даже всхлип, а вслед за этим детский голос произнес:

— А дома никого не-ету. И дедушки не-ету, и бабушки не-ету. А мне не разрешают говорить по телефону, потому что я маленький. — И новый всхлип.

— А... а дедушка скоро придет? — спросил Тепляков, понимая в то же время, что спрашивать бесполезно.

— Дедушка сказал, чтобы я ничего не говорил, когда он придет.

И еще один всхлип.

— А зачем же ты тогда говоришь? Если дедушка не разрешил, то и говорить нельзя.

— А мне страшно. Бабушка пошла в магазин, а ее все нету и нету. А вы кто?

— Я — знакомый твоего дедушки Данилы Антоныча. Мне нужно обязательно с ним поговорить.

— По телефону?

— По телефону.

— Так его ж нету! — воскликнул мальчишка. — Я ж вам говорю-говорю, а вы какой-то бестолковый. Как маленький. Нету же дедушки! Он на дачу уехал. Там крыша течет, потому что снег. А скоро весна, и все растает. И с потолка будет капать. А телефона у него там нету. У него там мобильник. Вот. — И тут же радостный крик мальчишки: — А вот и бабушка пришла! А вот и бабушка пришла! — И вслед за этим короткие гудки.

Тепляков улыбнулся, представив себе мальчишку лет четырех-пяти, в коротеньких штанишках, в колготках, стул, приставленный к тумбочке, и его, белобрысого, на этом стуле с телефонной трубкой возле уха, — такой трогательно-беззащитной показалась Теплякову эта сценка, что он на несколько мгновений позабыл о повестке и о том, что ему уже завтра необходимо явиться в суд. К десяти утра. А суд — это... это что-то вроде того суда, который выгнал его из армии. Только на этот раз на судьях не будет погон. А у него, у Теплякова, ни адвоката нет, ни посоветоваться не с кем. И вообще — никого. И опять тоска сжала ему грудь, затруднив дыхание, а в сломанных пальцах запульсировала острая боль.

Несколько минут Тепляков смотрел в окно, не зная, на что решиться. В голове ни единой мыслишки. Потом будто снова услышал радостный детский крик: «А вот и бабушка пришла! А вот и...» — и он снова набрал знакомый номер.

Бабушка долго расспрашивала, кто он и что ему надо, но Тепляков не мог объяснить ей, зачем ему понадобился Шарнов.

— Вы, пожалуйста, позвоните сами Даниле Антонычу и скажите, что звонил Тепляков. Он знает мой номер. Я вас очень прошу.

— Хорошо, позвоню, — пообещала бабушка.

В ожидании звонка Шарнова Тепляков позвонил на мобильник Машеньке. Та ответила сразу же. Голос ее был взволнованным:

— Юра, ты где? Что-нибудь случилось?

Тепляков подивился, как она по его голосу узнает, случилось с ним что-то или нет.

— Дома. Ничего особенного не случилось. Но мне надо с тобой встретиться.

— Так приходи! Я уже дома.

— Хорошо. Минут через сорок.

Тепляков сложил свои вещи в рюкзак. Туда же сунул ноутбук в специальном чехле со множеством карманов, в один из карманов положил сто сорок тысяч рублей, оставшихся от премии, выданной ему Ковровой. Он не столько был уверен, что на этом предварительном слушании его возьмут под стра-

---

жу, сколько не мог исключать такого поворота событий. Затем в спортивную сумку сложил вещи, которые могли пригодиться ему в заключении. После этого прошел на кухню, где что-то готовила хозяйка.

Увидев его, она обрадовалась:

— У тебя, Юрочка, так тихо, что я подумала — ты спишь. Очень хорошо: обедать будем.

— Спасибо, Валентина Семеновна. Но я уже пообедал, — соврал он, лишь бы не быть втянутым в долгие уговоры. — Я вот что хочу вам сказать: меня вызывают в суд...

— Опять? — всплеснула руками Валентина Семеновна.

— Что поделаешь. Я тут на всякий случай собрал вещички, часть возьму с собой, но в шкафу кое-что осталось, так вы, если что, распорядитесь ими по своему усмотрению...

— На какой случай, Юрочка?

— А-а... ну-у... могут взять под стражу в зале суда. Надеюсь, что нет, но... сами знаете, как это бывает.

— Знать не знаю, но понимать понимаю... Ах ты, боже мой! И что это у вас за жизнь такая, Юрочка! До слез обидно за вас. Честное слово... В суд-то когда?

— Завтра. Сегодня я еще переночую, а завтра... Завтра, как говорится, что бог даст. Вы извините, но мне надо идти.

Почти теми же словами Тепляков поведал и Машеньке о своих предчувствиях.

— Я вот принес тебе рюкзак. В нем ноутбук. Если что... то есть если меня осудят, можешь пользоваться. Там, в кармашке, лежат деньги. Исключительно для тебя. Так, на всякий случай.

Машенька слушала его молча, только губы ее дрожали все сильнее и сильнее, и едва Тепляков закончил, кинулась ему на грудь и разрыдалась. А через несколько минут, замерев, откинувшись, глянула в его глаза своими наполненными слезами и оттого огромными глазищами, и вдруг начала торопливо расстегивать халатик, сбросила его, туда же полетел лифчик, и уж дернула вниз свои трусики, как Тепляков, догадавшись, на что она решилась, схватил ее руками за плечи, прижал к себе, затем поднял на руки, стал целовать и в то же время, задыхаясь от охватившей его страсти, торопливо выбрасывал слова, не заботясь, в каком порядке они достигнут сознания Машеньки.

— Нет! Ни в коем случае! Милая моя! Любимая! Я и сам... но... мало ли что, а у тебя жизнь... все впереди... если дождешься... если не разлюбишь... я стану твоим мужем — и все у нас будет. Все-все-все! Любимая! Любимая!.. Господи! Как я тебя люблю!

Бывший следователь позвонил поздним вечером, когда Тепляков уже лежал в постели, потеряв всякую надежду.

Едва Тепляков переступил порог районного суда и двинулся по длинному коридору, уже наполненному разными людьми, в поисках зала судебных заседаний №3, как к нему подошла женщина лет тридцати, невысокого росточка, плотная, черная, с широкими бедрами, с черной сумкой через плечо.

— Вы — Тепляков? — спросила она, опалив Теплякова взглядом черных выпуклых глаз.

— Да, — ответил он в замешательстве, догадавшись, что это и есть адвокат, обещанный Шарновым: своего адвоката он представлял не таким.

— Моя фамилия Буроева, — напористо продолжала женщина. — Зовут Региной Арменаковной. Я адвокат. Мне звонил Шарнов, — добавила она, встретив недоверчивый и настороженный взгляд Теплякова.

— Да-да, я знаю. Здравствуйте.

— Здравствуйте, — откликнулась Буроева на приветствие, и вышло у нее это как бы между прочим. И продолжила в той же тональности: — Я договорилась с судьей, чтобы она перенесла предварительное слушание с десяти на двенадцать часов. Мне надо поговорить с вами и выяснить ряд обстоятельств, чтобы квалифицированно защищать ваши позиции. Пойдемте, здесь есть комната для совещаний, — и Буроева, развернувшись, направилась в дальний конец коридора, тяжело топая короткими и толстыми ногами, обутыми в зимние сапоги.

Тепляков шел за нею, смотрел ей в спину, видел, как подрагивают при ходьбе ее ягодицы и плещутся на затылке пряди черных жестких волос. Ему все не нравилось в этой женщине: и то, что она не русская, и то, что посмотрела на него как-то не так — осуждающе, что ли? Не понравился ему ее голос: отрывистый, изрекающий заученные фразы на одной тональности. И вся она — какая-то каменная, бездушная. Но выбора не было, оставалось лишь следовать за ней и надеяться, что Шарнов знал, кого предложил ему в адвокаты.

В маленькой комнатухе, оклеенной блеклыми обоями, кроме стола, четырех стульев и тумбочки с пишущей машинкой на ней, ничего больше не было. Они сели за стол напротив друг друга. Буроева достала из сумки зеленую папку, развязала шнурки, отделила из пачки писчей бумаги несколько листов, сняла колпачок с шариковой ручки и посмотрела на Теплякова.

— Расскажите, Юрий Николаевич, о себе. Только коротко.

— Вы имеете в виду биографию? — переспросил он, хотя и так было ясно, что именно он должен рассказать.

— Да. Биографию. Только коротко, — напомнила она.

Тепляков наморщил лоб, потер его пальцами и начал рассказывать: родился, учился, служил, демобилизовался, закончил курсы, начал работать, покушение, ранение, госпиталь, Укутский, лестничная площадка...

Буроева записывала длинной, почти непрерывной волнистой линией. Она ни разу не переспросила его, не уточнила детали. Закончив писать, подняла голову, опалила его черным огнем своих глаз, задала первый вопрос:

— Вы вскользь упомянули о нетрадиционной сексуальной ориентации Укутского. В чем это выражалось по отношению к вам?

— Я никогда не сталкивался с подобными людьми. Поэтому некоторые... — Тепляков запнулся, не зная, как сказать об этом сидящей напротив женщине, затем продолжил: — ... некоторые его жесты воспринимал как выходку пьяного человека. А он почти все время был... если не пьяным, то выпившим. Только когда мне сказали, что он гомосексуалист, только тогда я посмотрел на его поведение с этой стороны. А главное, что вызывало его раздражение, как я теперь понимаю, так это мое равнодушие к его намекам. А напрямую он требовал покорности и полного подчинения его желаниям. Так, по крайней мере, я оцениваю это теперь.

— Не много, — качнула головой Буроева. — Это вряд ли может служить доказательством его домогательств по отношению к вам.

— Возможно. Но какое это имеет значение? — начал потихоньку заводиться Тепляков, понимая в то же время, что женщина права. И сам он не был уверен, что Укутский имел на него определенные виды, и Коврова вскользь намекнула при их последнем свидании, что подбирала Укутскому телохранителя как бы не по его вкусу. Не исключено, что это и являлось причиной его почти постоянного раздражения. Но этот намек к делу не пришьешь. Тем более что Коврова, если даже привлекут ее в качестве свидетеля, навряд захочет предстать перед судом в качестве жены человека, который, лежа с нею в одной постели, не испытывает к ней ни малейшего влечения.

— Значение имеет буквально все, Юрий Николаевич, — возразила Буроева своим механическим тоном.

— Я понимаю. Но суть, как ни крути, заключается в том, что он хотел силой оказать на меня давление. При этом я старался не давать ему поводов для конфликта. Меня так учили на курсах телохранителей. А в какую сторону он хотел меня

склонить, какая разница? Вы не представляете себе, какой силищей обладал этот человек. И что же, мне стоять и ждать, когда он меня задавит? Или, как он постоянно грозился, размажет по стенке? Наконец, я его с лестницы не толкал. Я просто хотел освободиться из его медвежьих объятий. А когда он оступился, мне оставалось так изловчиться, чтобы не оказаться под ним. Вот, собственно говоря, и вся история, — закончил Тепляков.

— Хорошо, я подумаю, посоветуюсь. Мне кажется, что суду нечего будет вам предъявить. Давайте на этом и остановимся, — и Буроева убрала листок с записью в папку.

Тепляков обреченно следил за тем, как она завязывает шнуры, убирает папку в сумку, застегивает ее, — и все это механически, следя за каждым своим движением, лишь бы, как казалось Теплякову, не встречаться глазами со своим подзащитным, судьба которого предопределена в каких-то тайных кабинетах или даже не поймешь где.

— Да, вот что я хотел у вас спросить, — помялся Тепляков. — Во сколько все это мне обойдется?

— Все зависит от того, чем кончится процесс, — скороговоркой откликнулась Буроева. — Если нам удастся выиграть, вы получите страховку. Возможно, вам вообще не придется ничего платить. — И добавила: — Обождите в коридоре. Вас вызовут. Да, и вот еще что: настаивайте на суде присяжных.

Буроева встала, лишь чуть-чуть увеличившись в росте, давая понять, что разговор закончен. И пошла вон из комнаты.

Тепляков устроился под дверью с номером три, настроившись ждать как угодно долго. Дверь время от времени открывалась, то пропускающая туда каких-то людей, то выпускающая их обратно. Мимо Теплякова проходили молчаливые мужчины и женщины, кто-то вытирал мокрые глаза, кто-то в полголоса ругался, кляня суды, адвокатов и весь белый свет. Конца этому движению не было видно, и Теплякову оставалось лишь удивляться, как много людей втянуты в этот странный процесс, где чужими людьми решаются их судьбы и сама жизнь. На какое-то время он позабыл, зачем здесь сидит.

Стрелки на часах сошлись на двенадцати, затем стали расходиться.

Дверь открылась в очередной раз, выглянула шупленькая девчушка, глянула на Теплякова, спросила:

— Вы Тепляков?

— Да.

— Вас просят в зал судебных заседаний.

И пропустила его в дверь.

Зал был практически пустым. За одним из столов сидела Буроева, за другим устроилась пригласившая его девушка, предварительно указав Теплякову на стул в первом ряду. За столом напротив сидел человек в форме. Еще в зале присутствовали четверо — три женщины разных возрастов и один пожилой мужчина. Все четверо повернулись в сторону Теплякова и проводили его напряженно-любопытными взглядами.

Через несколько минут из боковой двери вышла женщина в черной мантии с папкой в руках. Девушка вскочила и звонким голосом возвестила:

— Прошу всех встать: суд идет!

Человек в форме оказался прокурором, девушка — секретарем суда, три женщины и мужчина — истцами и ближайшими родственниками погибшего Укутского.

Судья объявила, что сегодня будет проведено предварительное слушание и будет решен вопрос о мере пресечения в отношении подсудимого. После чего она начала задавать присутствующим какие-то вопросы, которые тут же испарялись из памяти Теплякова, ожидавшего чего-то более существенного. Все это походило на игру взрослых людей, которым больше нечем себя занять. И Теплякову показалось, что так все и закончится: пустые вопросы и пустые ответы. Он не заметил, как все вдруг повернулось против него. Сначала вызвали следователя, рассказавшего, как все — по словам подсудимого и следственных действий — случилось на лестнице известного дома. За ним откуда-то появился Шарнов, выступивший в качестве свидетеля. Он почти слово в слово повторил то, что говорил перед ним следователь. Выступали еще какие-то люди, которых Тепляков видел впервые, и все они в один голос утверждали, что телохранитель оказался в стоворе с директором-распорядителем фирмы «Кедр» Ковровой, которая стремилась избавиться от владельца этой фирмы Михаила Укутского и завладеть всеми активами и имуществом фирмы по подложным документам. Было высказано подозрение, что между Ковровой и Тепляковым имела интимная связь, что и послужило поводом для выяснения отношений между Укутским и его телохранителем на лестничной площадке.

Тепляков, слушая эту несусветную ложь, пытался возразить, но его предупредили, что если он будет препятствовать ведению судебного заседания, его поместят в клетку или вообще удалят из зала заседания. И он замкнулся, перестав слушать, вспомнив давний суд и чем он закончился. Этот, похоже, был еще хуже.

Затем долго и монотонно говорила Буроева. После чего судья удалилась на «совещание» для вынесения предварительного приговора. Через несколько минут приговор был зачитан: подсудимого Теплякова взять под стражу в зале суда и препроводить в изолятор временного содержания в связи с опасением оказания с его стороны давления на свидетелей и возможного исчезновения из города. Обвинению предлагалось собрать более веские свидетельские показания. Подсудимому разрешалось получать передачи и время от времени связываться с ближайшими родственниками по мобильному телефону.

На Теплякова тут же надели наручники и вывели из зала суда.

Глава 29

В приемной изолятора временного содержания Теплякова некоторое время мурыжили расспросами, потом обыскали, вытряхнули из пакета поношенный спортивный костюм, заставили разуться, дали взамен почти новые домашние тапочки, затем дюжий охранник повел его по длинным коридорам мимо железных дверей. Остановились возле одной из них. Охранник велел повернуться лицом к стене.

Проскрежетал ключ, лязгнул засов.

Тепляков, почти уткнувшись лбом в стену, покрашенную салатовой краской, рассматривал бугорки и царапины, в некоторых местах складывающиеся то в человеческий профиль, то в какую-нибудь зверушку.

— Заходи, — велел сопровождающий, отступив в сторону

Тепляков перешагнул порог, огляделся.

Камера, к его изумлению, оказалась четырехместной — судя по количеству коек. На двух из них сидели двое. А он-то ожидал нечто такое, что показывают по телику: тесная камера, битком набитая арестантами, многоярусные нары, бандиты, с ног до головы покрытые татуировками.

У самой двери сидел шуплый мужичок лет пятидесяти в черной казенной спецодежде с белым номером над карманом. Он сидел согнувшись, засунув руки по локоть между колен, точно искал на полу потерянную монетку. Подстриженный наголо и вымазанный зеленкой, но давно не бритый, с синяком под глазом, он походил на бомжа, пойманного на попытке стащить из магазина бутылку водки.

«Алкаш», — с пренебрежением подумал о мужичке Тепляков, переводя взгляд на другого, тоже сидящего на койке, стоящей у окна.

Этот выглядел лет на тридцать пять. Плотный, с коротко остриженной головой, с несколько выпяченной нижней губой, словно ее хозяин собрался что-то сказать, но не сказал, забыв закрыть рот, он производил странное впечатление своим дорогим костюмом, белой рубашкой и черной бабочкой под гладко выбритым подбородком. Руки его с длинными пальцами беспрестанно шевелились, вращая бумажный пакетик, который то исчезал непонятно куда, то появлялся между пальцами.

«Официант», — определил Тепляков.

— Здравствуйте, — произнес он, оглядевшись, на что было потрачено не более двух секунд.

— И тебе не хворать, — тут же откликнулся тот, что у окна, бесцеремонно разглядывая Теплякова. И с усмешкой: — Ну чего встал? Заходи. Гостем будешь. Две койки свободны — выбирай любую.

Мужичок, повернув голову, снизу вверх по-птичьи равнодушно глянул на новенького и снова уткнулся в колени, не произнеся ни слова.

Тепляков выбрал койку у окна. Бросил на синее байковое одеяло свой пакет. Сел. Поерзал: матрас оказался плотным, еще не продавленным, слегка пружинил.

— Что, первый раз на нарах? — спросил «официант».

— Разве это нары?

— Предварилочка, — презрительно хмыкнул «официант». — Недавно построили по европейским стандартам. Нары еще впереди. Если, конечно, адвокаты тебя не выцарапают из лап обвинения. — Спросил: — Звать-то как?

— Юрий, — ответил Тепляков, решив не проявлять никакой инициативы в разговоре, вспомнив наставления бывшего следователя Шарнова, что в предварилочке ему могут «подсунуть своего человечка».

— А меня Эдуардом зовут, — словоохотливо продолжил сосед, продолжая вертеть между пальцами бумажный пакетик. — Можно просто Эдиком. Фамилия — Стручков, кличка — Циркач. А вот этого дядю (кивок в сторону согнутой фигуры мужичка) кличут Сморчком. Сел по мокрому делу: бабу не поделили. Что касается моего рэномэ — ха-ха! — то оно связано с шулерством. Хотя и официантом пришлось повкальвать, и маркером на бильярде, и массажистом, и много кем еще... Как, шары гонять доводилось? — спросил он, откидываясь к стене и с презрительным любопытством разглядывая Теплякова.

— Доводилось.

— И как?

— Так себе, — пожал Тепляков плечами, стаскивая с себя свитер. Затем снял штаны и, все аккуратно сложив, положил на тумбочку.

— А в картишки? — спросил Эдик, с каждой Тепляковым снятой одежкой, дергая с восхищением головой.

— Разве что в «дурака» — ответил Тепляков, натягивая на себя спортивный костюм.

— Не густо, — посочувствовал Эдик. — Жаль, картишек нет, а то бы перекинулись.

— С меня хватит и того, что умею.

— А за что сидишь?

— За убийство.

— И кого же ты ухайдакал?

— Кошку.

— Ха-ха-ха-ха! — зашелся Эдик раскованным смехом, точно они разговаривали не в камере, а где-нибудь на свободе. Отсмеявшись и вытерев чистым, аккуратно сложенным платком глаза, оставил нижнюю губу оттопыренной, как бы снятой с предохранителя для продолжения разговора. — А ты мне нравишься, парень. Ей-богу! — добавил он с восторгом.

— Спасибо на добром слове. Хотя относительно тебя я этого сказать не могу.

— Ничего, я не гордый. При моей профессии особо ерепениться не приходится. А вот скажи, где ты такие мышцы накачал? Вылитый Шварценеггер!

— В спортзале.

— Очень доходчиво. — И уже вполне серьезно: — Это не тебя по телику несколько раз крутили?

— Я не актер и не политик. Это их крутят. А меня вертят.

— Значит, тебя. Эта кошка не Укутским, случаем, прозывается?

— А тебе какое до этого дело?

— Никакого, кроме любопытства, — ответил Эдик, выставив вперед, будто защищаясь, ладони с длинными пальцами. — Впрочем, в предварилровке, ты прав: откровенничать опасно. Не исключено, что свободная койка ждет «своего человечка». Да и «жучков» здесь, поди, понатыкано — будь здоров! Видишь камеру? — показал он кивком головы в сторону двери. — То-то и оно.

После этих слов Эдик как-то сразу потух, откинулся к стене и закрыл глаза, хотя руки его по-прежнему, не зная покоя, гоняли между пальцами бумажный пакетик.

На ужин принесли макароны по-флотски в алюминиевой миске, кусок черняшки, четыре кусочка рафинада и чай в алюминиевой же кружке.

Тепляков, не успевший пообедать, съел принесенное, не разбирая вкуса. Эдик в макаронах лишь поковырялся ложкой, зато хлеб съел весь, запивая чаем. Мужичок ел не спеша, подбирая каждую крошку, чавкая и время от времени горестно вздыхая.

Едва унесли посуду, как дверь отворилась снова, и на пороге встал высокий бородатый человек в длинном, почти до пят, черном одеянии с широкими рукавами, опоясанный черным же витым шнуром с кистями, в черном же головном уборе. На груди его висел большой бронзовый крест на бронзовой же массивной цепи. Он шагнул в комнату и произнес гудящим басом, осеняя крестом комнату и сидящих на койках людей:

— Во имя отца и сына, и святаго духа! Да покаются слезно чада Господа нашего в грехах своих тяжких! Да снизойдет на них прощение отца нашего небеснаго. Ибо никто нас не любит так, как любит нас Господь. Он, милосердный, создал нас. Он нас питает. Он нас хранит, как мы храним свои очи. И более того. А мы что же? — спросил вошедший, вглядываясь в сидящих глубоко посаженными глазами.

Тепляков смотрел на вошедшего с удивлением, не зная, как относиться к нему самому и его словам.

Между тем мужичок вдруг рухнул на колени и, простерев вперед руки, уткнулся лбом в пол.

Эдик спустил на пол босые ноги, глянул вопросительно на Теплякова и, помедлив, тоже опустился на колени, смиренно сложив на них свои беспокойные руки.

Вошедший неподвижным взглядом своих черных глаз смотрел теперь только на Теплякова, словно придавливал его к полу, заставляя последовать за другими. Не дождался и продолжил, твердо выговаривая каждое слово на повышенных тонах, разрывая свою речь, будто ему не хватало воздуха:

— Мы же за такую к нам милость Божию!.. прогневаем его, милосердного, своими грехами!.. добра не творим!.. а только грешим да грешим!.. Так что же? Так и оставаться опутанными грехами своими? О, не дай, Господи! Только усердными молитвами о прощении грехов своих, обращенными ко Господу нашему!.. только покаянными слезами!.. искренним раскаянием можно заслужить прощение отца нашего небеснаго!.. как заслужили его святой Петр, святой Павел и святая великомученица Варвара. Как и многие дети Господа нашего, обретя от него святость, ибо все мы грешны.

Тепляков подобрал ноги, отвернулся и уставился в зарешеченное окно, расписанное морозными узорами, в то же

время чувствуя на себе гневный взгляд человека, которого не знал, как назвать: священник? поп? или как-то еще?

— Одним из самых тяжких грехов является гордыня!.. не-верие в Господа!.. спасителя нашего!.. претерпевшего страшные муки от врагов своих!.. вознесенного Отцом своим в чертоги небесные! — гремел в маленьком помещении рокочущий бас, обращенный, как казалось Теплякову, исключительно к нему. — Только исповедание всех грехов своих!.. пред духовником своим!.. от самых малых грехов до самых больших!.. позволит получить от Господа прощение.

Человек в черном помолчал и добавил деловитым тоном:

— Для каждого из вас всегда открыты двери исповедальни в нашей часовне. Духовник — сам человек грешный, смеяться над тобой не станет, а рассказать кому, в чем ты ему покаешься... да он лучше умрет, чем кому обмолвится хотя бы единым словом. Желающие вызывают охранника, говорят: «В исповедальню». И как только дойдет очередь, присутствуют и добавил торжественно: — Да пребудет с вами слово Божее! Да снизойдет на вас его благословение! Аминь.

Повернулся, открыл дверь и вышел.

Сморчок тяжело поднялся с пола, лег на постель лицом вниз, Эдик принял прежнюю позу, скрестив по-восточному ноги. Пальцы его рук то начинали беспорядочно шевелиться, то замирали, будто оставленные без присмотра своим хозяином.

Некоторое время в палате (камерой назвать помещение у Теплякова язык не поворачивался) держалась настороженная тишина.

— Ну ты, Юрка, даешь! — воскликнул Эдик, потрянув головой. — Я тоже не шибко-то верую, но крестик ношу, а когда припрет... есть он там или нет... обратиться за помощью больше-то не к кому. Вот я вычитал у одного поэта: «Народу нужен бог, чтоб защищал от произвола власти; а власти — чтоб смирял толпы погибельные страсти». — Спросил: — Как оцениваешь?

— Нормально.

— Во-от! — удовлетворенно протянул Эдик. — А человек, между прочим, пришел, можно сказать, с душой. Положено оказать ему... это самое... уважение... Да-а... На зону попадешь, там могут не понять. Посуди сам: чем человек больше натворил на воле, тем злее привержен богу. Могут и это самое... как князь Владимир: загнать в воду и окрестить. Там это запросто. И на твою мускулатуру не поглядят. На зоне и покрепче найдутся.

— Ты, значит, там уже побывал? — спросил Тепляков.

— При моей-то профессии? Ха! Ну ты даешь! Две ходки сделал, — с гордостью сообщил Эдик. — Сроки — так себе: не больше двух. Народ — дурачье: сам в петлю лезет. Не оттащишь. Ха-ха! Всякий надеется свой куш сорвать. По маленькой дашь ему наживку, жадность разыграет, тут его, дурака, и прихлопнешь. Вот я тебе покажу при случае пару фокусов. Закачаешься.

— Зачем мне они? — нахмурился Тепляков.

— Как зачем? Детям своим будешь показывать. Обхохочутся. И вообще, скажу тебе, Юрок: всякое знание есть знание. Никто не знает, где пригодится. Мне оно, например, жизнь спасло. Я ж с циркачей начинал: фокусы и все такое. А потом затянуло. Влип по мелочи. Так всегда бывает: раз потянул свою карту, другой раз... Остановись! Нет, думаешь, и третий раз подфартит. Черта с два...

А палате вдруг послышался сдавленный всхлип.

Тепляков и Эдик обернулись.

Мужичок грыз зубами подушку и давился рыданиями.

— Ну, этот дошел, — со знанием дела пояснил Эдик. — Теперь расколется до самого пупка.

— А ты сам не собираешься идти каяться? — спросил Тепляков.

— Схожу. А чего? От этого меня не убудет.

Первым пошел мужичок. Прежде чем переступить порог, трижды перекрестился перед небольшой иконкой, висящей над дверью. Вернулся через час. Улегся на койку, отвернувшись к стене.

За ним пошел Эдик. Назад вернулся перед отбоем, бросил на койку Теплякова книжонку в бумажной обложке, озаглавленную «Перечень грехов для мирян. Десять заповедей Божьих».

Тепляков полистал книжонку, хмыкнул, передернув плечами, положил на тумбочку.

— Что, не интересно? — спросил Эдик.

— Спать хочу. Завтра прочитаю.

— А поп этот — мужик ничего: с юмором. Не ожидал, — хохотнул Эдик. — Не знаю, врет или нет, но говорит — тоже сидел. Целых семь лет. За что сел, не сказал. Врет поди. А дальше начал спрашивать. Прелюбодействовал? Обманывал ближних своих? Деньги на дороге лежат — поднимал и присваивал? Против власти богохульствовал? Богатым, красивым и удачливым завидовал? Ну и дальше все в этом же духе. А я на все одно и то же: грешен, отец святой, грешен. А

он мне: желал превратиться в женщину? Я ему: желал, отец святой, был такой грех. А он мне: врешь ты все. Следовательно, вдвойне и втройне, и многожды грешен неискупно. Ничего не поделаешь, говорю ему: на все воля божья. А он глазами позыркал, позыркал, да как расхохочется. А потом говорит: я таким же, говорит, грешником неискупным был. Да вовремя одумался. А я ему: у меня, мол, впереди прорва времени. А пока, говорю, проживу в свое удовольствие. Ты, говорю, на пенсию пойдешь, а я займу твое место. А он опять: ха-ха-ха и ха-ха-ха! Так-то вот, Юрик. Да, а еще наказал он мне, чтобы тебя прислал к нему: очень ему хочется тебя окрестить и перетянуть в свою веру. Настырный мужик.

— Не дождется, — зевнул Тепляков. И отвернулся к стене.

Суд присяжных заседателей полностью оправдал Теплякова. Но прокурор подал протест, городской суд протест принял, и в судебном заседании — уже без всяких присяжных — принял решение о присуждении Теплякова к двум годам отбывания наказания в колонии обычного режима. При этом прокурор требовал восьми лет колонии режима строгого.

Тепляков принял приговор суда с облегчением: наконец-то все это кончилось.

Глава 30

Миновало чуть больше двух месяцев с тех пор, как Теплякова обрядили в лагерную форму с номером над левым карманом куртки. То ли сам лагерь оказался совсем не таким, как их показывают по телевизору, где правят паханы из воров в законе, где издевается охрана, где могут искалечить, унижить и даже убить, то ли времена наступили другие, — не сказать, чтобы совсем уж хорошие, но все-таки лучше прежних, — то ли, наконец, лагерная обстановка чем-то напомнила ему армию с ее строгой иерархией и дисциплиной, но Тепляков легко приспособился к новым условиям существования. К тому же за минувшие месяцы после ареста он вполне смирился со своей судьбой, уверив себя, что, как ни крути, а вина его в смерти Укутского все-таки имеется, а коли виноват, то и будь добр отвечать.

Если что и мучило его, так это Машенька. О том, как она рвалась к нему на свидание, обивая в тайне от всех пороги прокуратуры и суда, он узнал от Татьяны Андреевны, которая этого свидания все-таки добилась. Но не потому, чтобы посочувствовать Теплякову или как-то облегчить его участь. Вовсе не для этого.

— Юра, — начала она с порога, торопясь высказать ему все, ради чего добивалась свидания, к чему готовилась бессонную ночь. — Юра, я к вам пришла, чтобы сказать...

— Да вы садитесь, Татьяна Андреевна, — вскочил Тепляков, кинувшись к ней навстречу. Но его порыв остановил какой-то странный вид этой женщины, которую он в глубине души считал своей второй матерью. И это ее обращение к нему на вы... — Здравствуйте... Садитесь... пожалуйста, — пробормотал он и, пятась, вернулся на свое место за столом.

Татьяна Андреевна села на табуретку, поставив на стол пакет, от которого исходил домашний запах пирожков с капустой и апельсинов. Действительно, ночь ей далась нелегко: под глазами залегли синеватые тени, губы плотно сжаты, от глаз и губ разбежались по сторонам старушечьи морщины, и все лицо ее как будто закаменело, как каменеют лица женщин, потерявших близкого человека. Наверное, таким же было лицо ее, когда она получила известие о гибели своего сына. И первое, что пришло в голову Теплякову, — с Машенькой что-то случилось, что-то ужасное.

— Да, Юра, я должна вам сказать, — заговорила Татьяна Андреевна, тщательно подбирая слова. Помолчала и, кашлянув в кулак, продолжила: — Я хочу вас просить, чтобы вы оставили Машу в покое... — Вскинула руки, точно защищаясь: — Нет-нет! Поверь, Юрочка, — не выдержала она взятого тона, — я по-прежнему отношусь к тебе очень хорошо! Но Маша... Ей еще нет восемнадцати... Ей еще учиться и учиться... А у тебя впереди... — Татьяна Андреевна всхлипнула и закрыла лицо руками.

— Я все понял, Татьяна Андреевна, — произнес Тепляков неожиданно для себя спокойным голосом, будто речь шла о каком-нибудь пустяке. И, ощущая все расширяющуюся в себе пустоту и отчаяние, с ожесточением стал бросать слова, будто отрубленные топором корявые чурбаки: — Скажите ей, что я ее не люблю. Скажите, что я ее не достоин... Нет, этого не надо говорить. А впрочем... Да, не люблю. Ну, было увлечение. Было и прошло. Да и возраст... Вы правы. Спасибо, что пришли. У меня к вам одна просьба... Нет, ничего не надо. Еще раз спасибо, что вы меня хорошо приняли... Как у меня сложится дальше, не знает никто. Так что связывать себя... то есть Машу... Впрочем, вы можете ей сказать все, что найдете нужным, чтобы она поверила вам...

Тепляков нажал звонок, поднялся.

Дверь отворилась, на пороге встал надзиратель.

— Время еще есть, — сказал он.

— Мы уже закончили, — отрезал Тепляков. — Прощайте, Татьяна Андреевна. Не поминайте лихом, И стремительно вышел из помещения.

Сам лагерь в два двухэтажных кирпичных барака, обнесенных колючей проволокой, располагался на территории завода, на котором работали гражданские из ближайшего поселка и большая часть осужденных за малозначительные преступления. Так уж получилось, что Теплякова, не имеющего никакой специальности, сразу же определили помощником сварщика. Им оказался пожилой работяга из местных, то есть человек вольный, приходивший на завод к восьми, обедавший в заводской столовой и уходивший после пяти домой — к жене и детям, если они у него имелись.

Звали его Макаром Терентьевичем Дуняшкиным. Теплякова он встретил равнодушно. Так же равнодушно выслушал бригадира, что вот, мол, тебе напарник, думаю — работаетесь.

Ни слова ни говоря, Дуняшкин продолжил свою работу. Тепляков стоял, ждал, смотрел, как сварщик зажимает в тиски короткий отрезок трубы, к нему приспособливает другой и, уронив на лицо защитную маску, начинает сварку. Вспышка на миг ослепила Теплякова, он отвернулся и некоторое время стоял, моргая слезящимися глазами, в которых продолжали бушевать молнии, то сходясь в точку, то разрастаясь и поглощая все пространство.

— Подержи-тка вот, — проскрипел Дуняшкин прокуренным и будто бы испорченным чем-то голосом, вернув Теплякова к действительности. — Вот эту хреновину подержи, — кивнул он на полукруглую железку. — Да покрепче.

Тепляков с готовностью схватил ее руками, прижал к верстаку, обитому жестью.

Дуняшкин, встряхнув головой, скинул на лицо защитную маску, ткнул в железку электродом — и Теплякова ударило током и вновь ослепило яркой вспышкой. Он отдернул руки, зажмурился.

— Чо, никогда не имел дела со сваркой? — спросил Дуняшкин, движением головы закидывая маску на голову.

— Не имел, — ответил Тепляков.

— А с чем имел дело?

— С «калашом».

— Во как! Из армии, стал быть?

— Да.

— И за что же к нам попал?

— За неумышленное убийство.

— Во как! И сколько дали?
— Два года.
— Чо так мало?
— Суду виднее.
— Женат?
— Нет.
— А годков-то тебе чай под тридцать...
— А вы что, следователем работали?
— Да нет, паря. Это я так — интересуюсь. А то мне суют тут всяких... Придут, сядут в сторонке, покуривают да поплевают, а чуть что — грозятся ножом пырнуть. На хрен мне такие напарники! Мне такой нужен, чтобы вкалывал! Мне семью кормить надо, детишек поднимать. Уразумел?
— Уразумел.

— Вот и славно. Вон перчатки резиновые, бери и пользуйся. А в столе — очки черные. Без них столько зайчиков нахвататься, что никакой окулист не поможет. Так-то вот. Поехали.

Так Тепляков начал работать с Дуняшкиным. Сварщик был немногословен. Знай, командовал:

— Подай! Прикрути! Плотнее! Куда тебя черти несут?! — И так весь день. Через пару недель спросил: — Ну, Юрок, уловил хоть что-то в нашем деле?

— На глаз — вроде бы что-то уловил. А как это на практике... Это все равно, что учиться стрелять, глядя, как стреляют другие.

— Правильно рассуждаешь. На-кось, попробуй. — И Дуняшкин протянул Теплякову держак, но без электрода.

Вставить электрод оказалось делом не таким уж простым, как это смотрится со стороны. Но Тепляков, — не сразу, правда, — но вставил. Труднее оказалось попасть точно в стык двух свариваемых деталей, глядя сквозь черное стекло защитной маски, через которое абсолютно ничего не видно. Ткнешь электрод — возникает дуга, да и то не всегда сразу, при ее свете видно лишь пятачок диаметром сантиметров пять-шесть. А надо попасть точно в нитку. Чуть влево или вправо — брак. На мгновение можно прицеливаться и без маски, но тогда дуга ослепит так, что не сразу придешь в себя. А без этого касания, пока на лицо падает маска, электрод уйдет на сантиметр-другой в сторону.

— Вот что, Юрок. Мой рабочий день закончился. А ты можешь остаться и потренироваться, но без тока: прицелился, маску скинул, электрод прижал, маску вскинул, глянул... и таким макаром до тех пор, пока не научишься попадать... как бы из «калаша» в полной темноте. Учили, поди, так-то?

— Учили.

— Вот и ладненько. Старайся.

Миновал месяц — и Дуняшкин стал доверять Теплякову сваривать несложные и не очень ответственные детали. Пока исключительно горизонтальным швом. Как Дуняшкин варит вертикальные и, тем более, потолочные швы, понять-то не составило особого труда, а вот самому сварить — дело казалось Теплякову непостижимым.

Однажды, — была пятница, вторая половина дня, — Терентьич более внимательнее, чем раньше, все поглядывал изучающе на Теплякова, все что-то решал в своей голове, почти начисто лишенной волос, хмурая загоревший до черноты морщинистый лоб, которому время от времени достается от электрической дуги, но не напрямую, а сквозь какие-то щелочки и дырочки. И под конец высказался:

— Ты, это, Юрок, не устал еще от барака-то?

— В каком смысле? — насторожился Тепляков.

— А в том, чтобы на свободе погулять выходные деньки. Оно, стал быть, положено вам раза два в месяц... за хорошее поведение и работу. Соображаешь?

— И куда я пойду? Если даже и отпустят... Идти-то некуда.

— То-то и оно, что некуда. У нас в поселке даже кинотеатра нету. Есть клуб, молодежь тусуется там: пиво, наркота, танцы. Раньше кино показывали, теперь у всех дома телевизор — кино, стал быть, никому не нужно... — Помолчал, докурив сигарету, долго отхаркивался, задыхаясь, и, заметив сострадающий взгляд Теплякова, пояснил: — Раньше как работали? А так: ни тебе вентиляции, ни специальных масок для дыхания, а варить приходилось и алюмин, и титан в аргоновой дуге, и много чего еще. Вот и надышался всякой дрянью... туды их мать! Молоко, правда, давали... в день по литру. Дааа... Надбавка за вредность... Санатории бесплатные, то да се. Набегало, дааа... А толку? Толку чуть. А теперь что? На бумаге вроде как все имеется, а на деле — и не спрашивай. Однако прошлого не вернешь, с покойников не спросишь. А жить надо. Такое вот дело...

— А при чем тут выходной? — спросил Тепляков, догадавшись, что не зря Терентьич завел этот разговор.

— Да вот... как тебе объяснить? Нравишься ты мне. И работаешь хорошо, не отлыниваешь, схватываешь на лету, к сварочному делу вроде как прикипаешь помаленьку. Вот я и надумал пригласить тебя в гости. Почему бы нет? Вместе работаем, одну лямку тянем. Есть в тебе рабочая жилка. Стал быть, свой человек. Да-аа. Посидели бы, потолковали о том

о сем, выпили чего, домашнего поели... Ну и... со своими познакомил бы. Люди все вольные, не то что в бараке... А? Как ты на это смотришь?

— Право, даже и не знаю, что вам сказать, Макар Терентьич, — замылся Тепляков, вспомнив, как однажды расхваливал тот свою двадцатичетырехлетнюю дочь, успевшую побывать замужем и разойтись, и как сетовал он, что в поселке совершенно невозможно найти для порядочной и самостоятельной девки подходящего мужика.

— А ты и не говори ничего. Я вашему бригадиру уже сказал. Он не возражает. Отпускную тебе на двое суток — вот она, у меня — уже выписали. Под мою, стал быть, ответственность. Стал быть, переоделся и пошли. А? — и глянул на Теплякова как-то искательно, как не глядел ни разу.

Переодеваться Теплякову было особо не во что. Разве что после душа облачился в чистое белье и рубашку, а штаны и куртка — казенные, других держать при себе не положено. Правда, где-то на складе лежит его армейская зимняя куртка, костюм и остроносые туфли, в которых он явился на суд, в чем его и взяли под стражу. Но чтобы переодеться в гражданское, надо было заранее предупредить начальство, получить разрешение, и только тогда могут выдать со склада твою одежду. Но Терентьич, оказывается, все предусмотрел: легкую куртку и рубашку принес из дому, а штаны... а что штаны? На них метки, что они казенные, не видать, так что разглядывать тебя никто не станет.

Глава 31

Из проходной выходили вместе. Теплякова удивило, что формальности оказались пустяковыми: его увольнительную сличили со списком, выдали какую-то бумажку — что-то вроде временного удостоверения с фотографией и печатью — и пропустили, даже не спросив, куда и зачем: то ли уже знали, куда и зачем, то ли это никого не интересовало.

Миновав проходную, Тепляков, пожалуй, впервые за эти месяцы почувствовал странное чувство не то чтобы полной свободы, а будто бы вдохнул в себя другой воздух, напоенный другими запахами. Даже небо показалось ему не таким, каким оно виделось ему за колючей проволокой: более широким, глубоким и родным, а ближние хребты не очень высоких гор, поросших сосной и кедровником, дополнявшие колючую проволоку, обрели присущую им первоначальную самостоятельность и живописность.

Что-то говорил ему Терентьич, — что-то совсем не обязательное, пустое, что можно и не слушать. В бараке Тепляков

точно так же отключался от всего, ни с кем не сходясь, никого не выделяя. Армия многое ему дала в этом смысле, и это помогало ему легче переживать случившееся. А минувшие выходные он проводил в спортзале, до изнеможения доводя свое тело специальными упражнениями, штангой, гантелями, перекладиной и прочими снарядами, лишь бы меньше вспоминать о прошлом, быстрее излечиться от саднящих на сердце рубцов. За все эти месяцы ни одной весточки, ни одного звонка. Все связи с прошлым разорваны, завязывать новые не имело ни малейшего смысла и желания.

И все-таки, как он ни старался, Машенька не выходила из головы, а по ночам ему то и дело снилось, что зовет она его сквозь метель и ветер, и голос ее обрывается на полуслове. И такая тоска вцеплялась в его сердце, что хоть бейся головой об стенку.

Теперь он шел в гости в семью Терентьича, о которой знал немало с его слов. Там, судя по всему, его ждали. И более всего, надо думать, разведенка Светлана, работающая учительницей в младших классах, которая, по его же словам, и умница, и фигуристая, и на лицо — вся в покойницу-мать. Что ж, Светлана так Светланка. А почему бы и нет? Может быть, с нею забудется прошлое окончательно и бесповоротно.

Поселок, имеющий романтическое название Светлые Пески, расположился на полуострове, который с трех сторон обгала небольшая речка, вытекающая из теснины между скалами, сложенными из почти вертикальных красновато-черных пластов, вздыбленных миллионы лет назад чудовищной силой. Когда Теплякова с десятком других эзков везли сюда, в теснинах еще лежал снег, а поляя вода неслась мимо поселка с утробным гулом, вся в белой пене и стремительных водоворотах, угрожая самому поселку и стеснившим ее скалам. Теперь глубоко внизу спокойно текла прозрачная, несколько голубоватая речушка, робко и ласково облизывая огромные глыбы красноватого гранита.

Завод вместе с колонией для заключенных был отодвинут на полтора километра в глубь леса, соединялся с поселком гудронированной дорогой, а еще дальше, за спиной, километрах в десяти, в тесной долине между двумя хребтами, расположился районный городишко, и большинство работников завода были оттуда, приезжая и уезжая на заводском автобусе. Там, в этом городишке, обрывалась железная дорога. Там обрывалось все, с чем было связано прошлое Теплякова и таких же, как он сам, горемык, не сумевших нормально вписаться в стремительно меняющиеся условия жизни.

Дорога вывела редкую цепочку возвращавшихся домой рабочих и служащих на скалистую грядку, откуда открывался вид на небольшой поселок Светлые Пески, почти весь состоявший из частных разномастных домишек, сложенных из смолистых сосновых бревен. Лишь в центре, вокруг крохотной площади со скромным памятником не вернувшимся с войны землякам, стояло несколько двух- и трехэтажных кирпичных домов, построенных уже после войны. Улочки в поселке кривы и узки — две подводы едва разминутся. С гряды видны одни лишь крыши, какие под шифером, какие под оцинкованным железом, а то и под позеленевшими досками, уложенными внахлест, оттого и сам поселок кажется живописным, игрушечным. Над ним едва заметно колышутся столбы белых дымов, вытекающие из труб, похожие на руки, протянутые к небу. Поднявшись на высоту, дымы попадали в воздушный поток и, сбившись в единое облако, уплывали куда-то за ближайший хребет — небу не было дела до молящих о чем-то рук. А впереди, за ущельем, в котором смиренно струился ослабевший поток, открывалась широкая панорама почти ровного пространства, ограниченного с юга горным хребтом, и по этому пространству простирались к далеким восточным хребтам зеленые полотнища созревающих хлебов, отделенных друг от друга медно-зелеными сосновыми поясами, к которым там и сям приткнулись кучки низеньких домишек.

— Вот сюда в первые же месяцы, как началась война, эвакуировали моих родителей из города Изюма... Слышал, небось, о таком? — повернулся Терентьич к Теплякову, когда они поднялись на скалистую грядку и остановились.

— Слышал, — ответил Тепляков.

— Вот оттудова прямым ходом сюда. Здесь они и построили этот завод. Снаряды на нем делали, мины и все такое для стрельбы. Раза два тут что-то шибко взрывалось, люди гибли. То ли диверсанты виноваты, то ли еще кто — поди разберись теперь. Это еще до моего рождения случилось. А только завод специально в стороне от поселка и райцентра построили, чтоб, стал быть, вреда от него было меньше. Батяка-то мой сварщиком здесь работал, я, стал быть, пошел по его стопам. Как четыре класса одолел, так, считай, с тех самых пор... Да-аа... А вон и мой... как его? — коттедж. Да нет, не туда смотришь! Во-он крыша светится оцинковкой! Слева от площади! Во-от, она самая и есть. Дом-то уж я сам строил. Когда оженился. Старый-то — бог знает что был, а не дом. Ясное дело, когда ж им было строить, если снаряды фронту во как нужны были. Слепили домишки кое-как из чего по-

---

пало. Чижолое времечко было. Да и после войны... Я его еще застал. Мальцом, правда. Но когда на завод пошел, — это уж в шестидесятом, после ремесленного, при Никите, — делали там уже не снаряды, а что-то такое секретное, что-то для ракет. Так что попасть не только что на завод, но и в поселок — и не думай: враз заметут. И нынче то же самое делаем. Только в других цехах. Туда зэкам ходу нету. Такие дела, стал быть. А так что ж, жить можно. Живем помаленьку. Скотина какая ни есть, грибы, ягоды, кедровые орехи, рыба в реке, свой огород на той стороне... Во-он, видишь домишки, которые левее соснового бора? — показал Терентьич рукой. — Там и наша дачка стоит. Завтра съездим туда, посмотришь. Здесь, в Песках-то, все почти из Изюма. Мало кто на родину вернулся. Может, в большом городе и лучше, а по мне так лучше нашего места нету. А чего еще человеку надо? Ничего больше и не надо, если у него, стал быть, имеется на земле свое исконное место.

Дом Терентьича, действительно, был добротен и просторен, смотрел в переулочек четырьмя окошками с резными наличниками, небольшим балкончиком и окнами мансарды из-под самой крыши. Крохотный участок земли огорожен решетчатым забором, в палисаднике густо цветет жасмин и шиповник, вдоль дорожки из бетонных плит к высокому крыльцу тянется пестрый воротник из низкорослых цветов, за ним две грядки с укропом, петрушкой, между которыми лезут вверх молодые перья чеснока; из-за угла скромно выглядывает угол сарая; рослая лохматая собака, загремев цепью, выбралась из конуры, потянувшись, учуяв хозяина, приветливо завилыла хвостом, на приближающегося чужака зарычала, но вилять хвостом не перестала, не зная, видать, на что решиться.

Терентьич потрепал псину за ушами.

— Проходи, Юрок, он при хозяевах не тронет.

И точно: пес с ворчанием обнюхал ботинки гостя и штаны и, решив, что чужак не опасен, ткнулся в ноги хозяина.

На крыльцо вышла молодая женщина в просторном сарафане и фартуке, в цветастой косынке, быстро глянула на Теплякова, сунула, смутившись, руки под фартук.

— Принимай гостей, Светланка! — излишне бодро велел Терентьич и оглянулся на Теплякова. — Это вот и есть тот самый Юрий Тепляков, о котором я тебе рассказывал. Так что, стал быть... А ребятня где?

— Бегают, — ответила женщина, спускаясь вниз по лестнице. — Она остановилась на резиновом коврикe, протянула Теплякову руку. — Здравствуйте, Юра. Действительно, мне

папа о вас много рассказывал, так что мне кажется, будто мы с вами знакомы очень давно.

— Здравствуйте, Светлана Макаровна, — принял Тепляков ее большую рабочую ладонь с твердыми мозолями в свою и слегка пожал длинные пальцы. — Рад с вами познакомиться.

— Я тоже, — вспыхнула женщина. — Можно просто Света. — И, оглянувшись на отца, направившегося к сараю, добавила: — Папа вам, наверное, много лишнего про меня наговорил...

— Он говорил о вас с гордостью и только хорошее.

— Спасибо, — прошептала она и тут же пригласила Теплякова в дом, велев ему разуться и обуть домашние шлепанцы. Уже в прихожей робко предложила: — Может вы... у меня есть спортивный костюм... совсем новый... Я думаю, он вам подойдет... У нас в доме тепло.

Тепляков глянул на себя в большое зеркало, висевшее в прихожей, качнул головой.

— Извините, я как-то не подумал о своем гардеробе, когда шел к вам... И приглашение от вашего папы получил совершенно неожиданно. Да и, честно говоря, у меня, чтобы быстро переодеться, ничего, кроме старого спортивного костюма, нет. И тот хранится в спортзале. На этот счет у нас строго.

Тепляков в прихожей снял куртку, повесил на крючок, вбитый в стенку. Из кухни доносился запах жареного мяса, стучал нож о доску, что-то скворчало. Выглянула невысокая плотная женщина чуть старше Светланы, вытирая руку о фартук.

— А это Тася, жена моего брата Кости, — представила Светлана женщину. — Коська на Сахалине рыбу ловит. Там служил когда-то на флоте, теперь каждый год ездит туда на пугину — деньги зарабатывает. Да и работы у нас здесь — особо не разбежишься.

Тепляков и Тасе, о которой тоже с теплотой рассказывал Терентьич, осторожно пожал такую же мозолистую руку, привычную к лопате и топору.

— Пойдемте, Юра, — пригласила его Светлана, стоя возле деревянной лестницы. — Я вам наверху постелила. Там сейчас хорошо. Ребятишки Тасины все там спят. А отец предпочитает сарай. Там у нас дрова и сено. Ему там нравится. Да и от нас подальше, — говорила она с усмешкой к отцовской слабости. — Ребята шумят, а он любит тишину. А какая там тишина, если рядом корова, куры и свиньи? — смущенно хихикнула она.

Тепляков первым стал подниматься по лестнице. Ступени жалобно скрипели под его ногами. Небольшая площадка,

---

застеленная ковриками, смотрела на балкон через стеклянную дверь. Еще три филенчатые двери скрывали что-то таинственное.

— В этой комнате ребятишки спят, — кивнула Светлана на дверь слева, — в этой (кивок вправо) — Тася, а в этой... в этой обычно я. Я подумала, что вам захочется хорошенько выспаться, а внизу.. мы-то встаем рано: корова, свиньи, куры, то да се — будем только мешать вам. А ребятишки вообще-то спокойные, набегаются — за столом иногда засыпают.

— Спасибо, Света, но мне, собственно говоря, все равно, где спать. Я мог бы и на сеновале. А выгонять вас из привычной обстановки... я буду чувствовать себя неловко.

— Ну что вы, Юра! — воскликнула Светлана с таким жаром, как будто он предложил ей нечто совершенно невозможное. — Я ведь в своем доме! Где приткнешься, там и спишь. Ради бога, не переживайте и не волнуйтесь.

Она открыла дверь, пропуская Теплякова вперед. Сама тоже сделала пару шагов вслед за ним, остановилась, спрятав ладони под фартуком.

Их взгляды встретились, и Теплякову показалось, что он в черных распахнутых глазах женщины увидел тоску и ожидание.

— Извините меня, Света, я, видать, совсем одичал.

— Да нет, ничего подобного, — возразила она громким шепотом. — Это я, скорее всего, одичала: мы тут варимся в собственном соку, общество в основном женское, молодежь разъезжается кто куда, вот и... — Обернулась с грустной и жалкой улыбкой. — Минут через сорок будем ужинать. Вы не возражаете? — Голос ее прозвенел натянутой струной.

Тепляков подошел к ней, взял ее руку и, движимый странным чувством сострадания, какое частенько испытывал по отношению к Лильке, поцеловал ее, пахнущую луком, в загорелое запястье, перевитое синими жилками.

— Ну что вы, Юра! Я совсем не имела в виду, — громким шепотом воскликнула Светлана, лицо ее и шея вспыхнули жарким кумачом. Осторожно освободив руку, она вышла из комнаты.

Спальня Светланы, где ему предстоит провести ночь, а может быть и две, имела трапецевидную форму, была обита вагонкой, покрытой лаком. В ней стояла деревянная кровать, на ней лежал аккуратно сложенный совершенно новенький спортивный костюм, купленный, судя по всему, в ожидании гостя; в углу приткнулся небольшой столик с настольной лампой на нем и полкой с какими-то книжками над ним,

---

рядом стул с гнутой спинкой, под потолком лампа под шелковым выцветшим абажуром, на полу коврик из разноцветных лоскутков.

Чем-то знакомым и давним повеяло от этой обстановки. Да, в детстве была у Юры Теплякова почти такая же комната. Только запах в ней был совсем другим, каким — он уже не помнил, но точно не таким. Здесь же пахло женщиной.

Через час за столом в большой комнате собрались все члены семьи Дуняшкиных. Два белобрысых мальчугана лет по десяти, умытые и причесанные, чинно сидели рядом с дедом и с любопытством поглядывали на Теплякова. Было заметно, что им не терпится узнать, кто он такой и почему все взрослые относятся к нему так, будто он большой-пребольшой начальник. Как, например, директор школы или глава поселковой управы. Да и то сказать, в спортивном костюме, особенно когда он снял курточку и остался в белой футболке, плотно обнимавшей его выпуклую грудь и широченные плечи, гость выглядел весьма внушительно.

Для начала выпили по рюмке какой-то настойки, крепостью не меньше семидесяти градусов. Тепляков такой крепости не ожидал, задышал открытым ртом под сочувствующие улыбки женщин и Терентьича, под радостный смех ребятишек.

— Сам варил, — похвастался хозяин. Пояснил: — С тех пор, как Горбач учудил сухой закон, мы всем поселком перешли на самогон. А потом, сам знаешь, пошла «паленая» водка, народ стал травиться. А своей не отравишься. Ею только и спасались. Настоишь ее на травах да на кедровых орехах, вот тебе лекарство и от насморка, и от чего хошь. Даже бабы наши — и те не брезгают...

— Ну, па, ты уж совсем... Юра подумает, что мы все тут только и делаем, что пьем твою самогонку.

— Не, я не к тому, конечно, чтобы злоупотреблять, — стал оправдываться Терентьич. — Дело не в том, что она имеется, стал быть, в наличии, а в каком количестве ты ее потребляешь. Главное — знать меру.

Тепляков после третьей рюмки почувствовал себя так, словно попал в семью давно знакомых людей. Последний раз он пил больше полугода назад, с отвычки быстро захмелел и от четвертой рюмки отказался — к удивлению и явному неудовольствию хозяина. Женщины лишь пригубливали, мальчишки пили клюквенный морс. И Тепляков последовал их примеру.

Стол ломился от всякой всячины домашнего приготовления. Тут были соленые грузди и маслята, копченая и жареная

рыба, пирожки с мясом, капустой, яблоками и брусникой: посредине стола в большом блюде красовался пирог с рыбой, от которого шел дурманящий запах. Ну и, разумеется, огурцы, помидоры и зелень со своего огорода; утка, тушенная с рисовой кашей, тоже со своего двора. Теплякова потчевали наперебой. Даже дети предлагали попробовать то одно, то другое, и с умилением смотрели, как он ест. В конце концов Тепляков поднял руки: все, спасибо, не могу! И все при этом засмеялись с тем облегчением, когда оправдывается ожидание и сбывается что-то, чему нет даже названия.

Потом, уже после чая, женщины, отправив детей спать, завели что-то грустное, доселе Тепляковым неслыханное. Хозяин, подыгрывая на гармонике, подтягивал хриплым, но ровным голосом, — чувствовалась спетость и разделение голосов.

*Ой, ты речка, речка горная,
Да вы, крутые берега,
Ой, тропа моя неторная,
Пролегла через луга.
На лугах осока никами
Режет ноженьки мои,
Ой ты, цапля, птица дикая,
Мне тропинку укажи.*

Тепляков попробовал было подтягивать, но сбился и сидел теперь, слушая, подперев голову кулаком. А в прозрачных глазах сидящей напротив Таисии видел глаза Машеньки, такие же грустные, блещущие непролитой слезой. И думал в какой уж раз, как она приняла его отказ от нее, поверила ли своей матери в правдивость ее слов или ... А что или? Что можно спросить с несмышленной девчонки? Что можно от нее требовать? И чувствовал себя предателем, которому не будет прощения.

Терентьич вскоре ушел на сеновал.

Втроем сидели на продавленном диване: Тепляков в середине, женщины по бокам. Разглядывали фотографии. Толстенный альбом с большими листами лежал у Теплякова на коленях, женщины, подобрав под себя ноги, налегая на его бока своими грудями, объясняли наперебой, кто и когда изображен на том или ином, иногда изрядно побуревшем, фото; его руки, держащие альбом, лежали на их коленях, едва прикрытых полами ситцевых халатиков. Тепляков всем своим существом чувствовал их тоску по мужской ласке, ощущал дрожь, пронзающую их тела, видел их замазлившиеся глаза,

---

а в них с трудом скрываемое ожидание, — слева черные Светланы, справа светлые Таисии, — слышал их прерывистое дыхание, когда он, иногда нечаянно, а чаще с умыслом, касался всей ладонью их горячих ляжек. При этом лицо Светланы обдавало горячей волной, она чуть отстранялась от него и пыталась натянуть на колени полы короткого халата. Таисия же, наоборот, еще плотнее прижималась к нему своей пышной грудью, сдавливая пальцами его плечо, часто дышала ему в шею, обдавая запахами выпитого и съеденного.

Для Теплякова это было пыткой. Для женщин, наверняка, тоже. Если бы один на один, тогда бы он не стал особо церемониться. Но две женщины, снабемые одним и тем же желанием, — в таком щекотливом положении он еще не оказывался.

Наконец альбом закрыт, потные женские тела отпрянули от него, при этом Таисия далеко не сразу.

Тепляков поднялся, спросил:

— Так, значит, завтра по грибы?

— Конечно! — ответила Таисия.

— Погода-то какая! — вторила ей Светлана. И, заметив, как он оглянулся на дверь, ведущую в комнату с раковинами для умывания, предложила: — Если хотите умыться, я вам могу полить.

— Да ему лучше во дворе под краном ополоснуться, — хихикнула отчего-то Таисия и предложила: — Возьми полотенце да спину ему помой. — И опять со смешком: — Я и сама-то возле него вся взопрела. Кто бы и мне спину-то помыл. — И потянулась — как кошка.

— Я и тебе помою, — решительно взяла инициативу в свои руки Светлана. — Пойдемте, Юра.

Тепляков вышел на крыльцо. Ночь глянула на него колючими глазами мириадов звезд, сверкающим облаком Млечного Пути. При этом темнота на земле держалась такая плотная, почти осязаемая, что ближайšie предметы едва угадывались, да горные хребты висели на фоне неба черными тучами. Вспомнился профессор Дименский, его рассуждения о множестве Вселенных и об их влиянии друг на друга. Интересно, чем для него закончилось дело о коррупции?

Рядом, в светлом прямоугольнике открытой двери, стояла Светлана. Тепляков слышал ее дыхание. Он обернулся — просвеченная электрическим светом фигура женщины обрисовалась с откровенной четкостью. Захотелось схватить ее в охапку и... Но тут под козырьком крыльца вспыхнула лампочка — и видение обнаженной женщины исчезло, зато стала видна колонка-качалка, рядом скамья, на ней тазик и ведро.

Тепляков снял с себя футболку, — чего уж тут церемониться! — открыл кран, подставил под него спину. Светлана качала воду. Обжигающая холодом вода перехватила дыхание, по спине скользнула горячая рука, приятно царапая ее твердыми мозолями.

— Какой вы, Юра, мускулистый, однако, — проворковала Светлана, оглаживая его бок. — Я таких только на картинках да по телику видела.

Тепляков выпрямился, перевел дух. Спину и плечи его обняло махровое полотенце, руки Светланы как бы нечаянно скользнули по его груди.

— Есть, Светик, и помускулистее, — ответил он и, прихватив ее за талию, оторвал от земли, прижал к себе, уткнувшись лицом в пахучую ложбинку.

Светлана, ойкнув, обхватила его шею обеими руками, простонала:

— Не надо, Юра. Прошу вас... светло ведь... соседи... видно все, — шептала она, задыхаясь.

Он осторожно поставил ее на ноги.

— Извините, Света. Сам не знаю — нашло что-то, — оправдывался Тепляков.

— Ой, да что вы, Юра! Я совсем на вас не сержусь... Вы вытирайтесь, а я пойду: Тасе помочь надо.

— Может, и я вам пригожусь? Опыт имеется.

— Что вы! Мы сами. Вы... вы полотенце повесьте здесь вот, на веревочку. Идите наверх. Поздно уже. — Повернулась и ушла, прикрыв за собою дверь.

Тепляков долго не мог уснуть на постели, от которой пахло травами и шиповником. Он слышал, как внизу иногда гремели и звенели посудой, слышал, как в умывальной комнате порскали придушенным смехом женщины, плескалась вода... «Интересно, о чем они говорят?» — это была его последняя мысль. Вслед за нею он увидел Машеньку, улыбающуюся, в белом платье, в котором она ходила с ним в театр. Машенька танцевала вальс, держа подол двумя пальчиками, кружилась, кружилась, все уменьшаясь и уменьшаясь в размерах, пока не пропала из виду в белом тумане.

Среди ночи Тепляков проснулся: кто-то, откинув одеяло, пристраивался к нему со спины боком. Он чувствовал чье-то горячее тело, тугие груди с затвердевшими сосками, чья-то мозолистая рука огладила его плечо, бок, бедро, спустилась к животу, поднялась к груди и попыталась повернуть его на спину.

Тепляков повернулся сам. Руки женщины обвили его шею, влажные губы коснулись шершавого подбородка, женщина

напряглась и, держась за его шею крепкими руками, подтянулась повыше — губы их слились, клацнули зубы. Он подобрал женщину под себя, догадавшись, что это Тася, и та застонала, едва он коснулся ее лона...

Потом они лежали, уставшие и опустошенные. Тася шептала:

— Ты, немного погодя, спустись вниз, к Светке. Тоже ведь не колода деревянная, живой человек, понимать надо.

— А она знает, что ты здесь? — спросил Тепляков.

— Так я ей предлагала: иди, мол, мужик-то больно сексуальный. А то засохнешь совсем. А она... стеснительная она, Светка-то. Ее силой надо брать. Вот как ты ее... возле колодца. У меня аж мурашки по телу побежали, как увидела.

— Так что, Терентьич меня для этого привел?

— Что ты! Окстись! Узнает — со свету сживет. Он-то, поди, рассчитывает, что вы со Светкой сойдетесь: срок-то у тебя небольшой. Остался бы у нас, заменил бы на заводе батю: ему уж под семьдесят. Хватит, наработался. Пусть дома сидит, за внуками присматривает. А то бегают бог знает где и с кем, про еду забывают.

— А ты работаешь? — спросил Тепляков.

— В управе нашей работаю. Экономистом. Как же без работы? Без работы нельзя. Их же, сорванцов-то моих, на ноги ставить надо. А с мужика моего польза небольшая: то с кучей денег возвратится — пьет непросыпно, то почти пустой — тоже пить будет. А с пьяного что возьмешь? Пьяный-то — на что он годен?

— А если он узнает, что мы тут с тобой?..

— Да и черт с ним! Пусть узнает! Дома-то его все равно не видишь: вечно шляется где ни попадя.

— А что у Светланы... с ее мужем?

— Да то же самое. Господи! Тут все мужики, что остались, один в одного: пить — это они горазды, а как до дела, так их нету. А Светка еще и забеременела и, — вот уж дура так дура! — взяла и сделала аборт у нашей фельдшерицы. Теперь что корова яловая: ни телят, ни молока. Сам-то ты что надумал по этому поводу?

— Ничего, — ответил Тепляков, дивясь такой обнаженной и даже бесстыжей откровенности со стороны Таси.

— Ну и правильно. Такие дела с кондачка не делаются. А природа — она, сам знаешь, своего требует. — И, прижавшись к Теплякову, опять задышала часто, запыхтела, шаря руками по его телу, хватая губами кожу, спускаясь по его телу все ниже и ниже.

Внизу вдруг загрела цепь, послышалось рычание собаки. Тася замерла.

Прошлепали к двери шаги Светланы, брякнул засов, скрипнула дверь.

— Кто здесь, Шаман? — прозвучал ее голос, но на него никто не откликнулся.

Щелкнул выключатель, вспыхнул свет, и Тася, отпрянув от Теплякова, спустила ноги с кровати, села, в темноте зашуршало ситцевым халатиком, пахнуло кисловатым запахом, и она, наклонившись, впиалась губами в губы Теплякова, простонала:

— Господи! Все бы ноченьку с тебя не слезала. И что за жизнь у нас, у баб, такая распроклятая!

Отпрянула, зашлепали по полу босые ноги, бесшумно открылась и закрылась дверь.

Тепляков потянулся, решил, что вниз спускаться не станет. Таська — одно дело, а Светлана — совсем другое: свяжет — не развяжешься. А он... А в нем все еще жила, пусть призрачная, надежда, что Машенька будет его ждать: не может быть, чтобы вот так, ни с того ни с сего, все рухнуло и уже не возродится вновь.

Глава 32

Незаметно подошел конец августа. Машенька сидела дома одна. Она только вчера вечером вернулась с археологических раскопок, что велись краеведческим музеем на стоянке первобытного человека в одной из пещер в пятидесяти километрах от города. Туда она поехала со своим классом, выигравшим конкурс на знание истории родного края. Поехали, конечно, далеко не все. Кто-то лето проводил у моря за границей, кого-то не отпустили родители (мало ли что там может случиться с их сыном или — особенно — с дочерью), кто-то трудился на даче. Набралось всего четырнадцать человек из двух одиннадцатых классов. В основном мальчишки. Девчонок было пятеро. Пока Машенька там работала, тоска ее по Теплякову не так мучила ее по ночам, как это было дома: наработавшись за день на раскопках или за приготовлением пищи для всей партии, она засыпала, едва забравшись в спальный мешок и коснувшись головой надувной подушки. Теперь делать было нечего, и тоска вновь навалилась на нее удушливым покрывалом, не давая объяснения и оправдания тем словам Теплякова, которые передала ей мама...

Разлюбил? Совсем не любил? Этого не может быть! Это не его слова! Нет, не его! Это все мама выдумала, уверенная, что поступает так исключительно в интересах своей дочери. Бедная, бедная мама! Как она исхудала за те дни, пока шел закрытый процесс над Юрой. Конечно, он не виноват! Потому

что Юра... да он такой человек, что лучше умрет, чем сделает что-то дурное другому человеку, если... если, конечно, этот человек не хочет его смерти. Разве бы он мог иначе поступить? А в газетах писали, между тем, что Тепляков и то, и се, и пятое-десятое, что таким людям нельзя доверять заботу о других людях, что... и много еще чего там наплели, то ли забыв, то ли отбросив тот факт, что он жертвовал жизнью, спасая ту женщину, которая оказалась совсем не той, за кого себя выдавала. Опять же, если верить газетам и телевизору. А все потому, что никто из этих писак не знал Юру так, как знала его она, Машенька... Да, знала. А теперь не знает, что и думать.

Ожил мобильник — подарок Юры. Машенька глянула на экран — странно, номер совсем незнакомый. Кто бы это мог быть?

Приложила к уху плоскую коробочку.

— Але-ooo!

— Здравствуйте, — произнес несколько хриловатый голос, явно пожилого человека. — Мне, пожалуйста, Машу Яловичеву.

— Здравствуйте. Я вас слушаю.

— Машенька! С вами говорит Шарнов Данила Антонович. Надеюсь, Юра Тепляков говорил вам хоть что-то обо мне.

— Данила Антонович... А, да-да! Помню-помню! Говорил! А вы от Юры?

— От Юры? Почему — от Юры? Нет, я сам по себе. А у вас, Машенька, есть с Юрой связь?

— Нет. Он мне не звонит. А я ему звонила-звонила, но мне все время отвечали, что абонент недоступен.

— Странно. Я полагал, что... что вы что-то знаете, как он там.

— Я даже не знаю, где он находится. Я ходила в суд, а мне сказали, раз я не имею к нему никакого родственного отношения... — Машенька с трудом сдержалась, чтобы не всхлипнуть.

— Вы с ним поссорились? — спросил Шарнов.

— Не-ет! — вскрикнула Машенька. — Что вы! Я думаю, что он... что он решил... потому что его осудили, вот он и решил... — и Машенька не выдержала и всхлипнула.

— Та-ак, поня-атно, — протянул Шарнов. — Где он отбывает... то есть где он находится, я знаю. Если вам, Машенька, интересно, могу дать адрес...

— Конечно! — воскликнула Машенька, испугавшись, что этот самый Шарнов вдруг положит трубку и не скажет ей самого главного.

— Тогда записывайте, — и Шарнов продиктовал ей адрес колонии, в которой отбывал свой срок Юра. — Это совсем недалеко отсюда, — продолжил он. — Километров двести пятьдесят. Если будете писать, сообщите ему, что мы ходатайствуем перед вышестоящими инстанциями о сокращении ему срока. А в конечном итоге — и вообще о снятии с него судимости. И еще: передайте ему привет от всех, кто защищал его перед нашим, так сказать, правосудием.

— Обязательно передам! Большое вам спасибо, Данила Антонович! Обязательно передам!

— А вы, милая девочка, крепитесь, — теплым голосом, уже без всякой хрипоты, продолжил Шарнов. — Юра вас очень любит. Мы, правда, на эту тему с ним не говорили, но по тому, каким тоном он раза два упомянул ваше имя, мне, бывшему следователю, и так стало понятно, как он к вам относится и что вы для него значите.

— Спасибо вам, — уже не стесняясь, плакала Машенька, но не столько от горя, сколько от проблесков возникшей надежды. И опять улыбалась своей жизнерадостной улыбкой.

Отключив телефон, Машенька тут же кинулась писать письмо. Ее оставили всякие сомнения в том, что Юра ее по-прежнему любит. Но даже если и не любит, что совершенно невероятно, пусть знает, как любит его она, как ждет его, что без него нет ей никакой жизни, что она не знает, что ей делать и, более того, не хочет делать ничего вообще, потому что без него все, чтобы она ни делала, теряет всякий смысл. Она даже... даже готова поехать... да-да, поехать, чтобы навесить его в этом ужасном лагере-колонии, увидеть его хотя бы одним глазочком, хотя бы издалека.

Мысль эта пришла в голову Машеньке совершенно неожиданно, но чем дальше, тем все более властно овладевала ею и, когда письмо было закончено, мысль переросла в непоколебимое решение: все, соберусь и поеду. Завтра же! А то письмо пока дойдет, пока то да се... Нет, нет и нет — никаких отсрочек, никаких колебаний! Правда, она еще не знает, как об этом сказать маме, но... но надо просто пойти и купить билет на поезд. Завтра же! Нет, сегодня! Тем более что не зря же Юра оставил ей в кармашке ноутбука какие-то деньги. Наверняка их хватит на поездку и не нужно будет просить у мамы.

Для начала она обшарила все ящики, но так и не нашла ни одного конверта: они уже давно не нужны. Даже брату Саше не написали ни одного письма, а посылали лишь поздравительные открытки и эсэмэски. Да и зачем писать? Набрал номер телефона — и уже знаешь, что Саша, где Саша и все такое прочее.

Остановившись посреди большой комнаты, Машенька некоторое время собиралась с мыслями. Вспомнила: ноутбук! Кинулась в свою с Дашей комнату, подняла постель, присела на корточки и принялась вытаскивать из Юриного рюкзака ноутбук. Положив его на столик, раскрыла чехол, похожий на «дипломат», только кожаный, ощупала многочисленные карманы — в одном из них было что-то, похожее на бумагу. Открыла, достала пакет, вытряхнула — целая куча денег. И записка. Развернула, стала читать.

«Милая моя, любимая, терпеливая Машенька! Я пишу тебе эту записку не потому, что знаю результат предстоящего судебного заседания, а потому что привык готовиться к худшему — так легче это худшее переносить. Так вот, если меня возьмут под стражу и осудят, хотя я все еще надеюсь, что подобное не случится, то ты, во-первых, не должна приходить в отчаяние, а во-вторых, должна верить в нашу любовь, которая рано или поздно все преодолет. Теперь о деньгах. Я не успел положить эти деньги на книжку, а теперь даже рад, что не успел. Мне кажется, что они тебе обязательно понадобятся. Ведь весной следующего года у тебя выпускной вечер, и ты должна на нем выглядеть лучше всех. Я так и представляю тебя в каком-то таком необыкновенном платье, совсем не обязательно белом, но обязательно подчеркивающим твою небесную красоту. Ты не скупись. Эти деньги я получил в качестве награды за спасение известной тебе женщины во время покушения. В пачке сто сорок тысяч. А я получил пятьсот. Кое-что истратил. Но триста тысяч положил на книжку к тем деньгам, которые пойдут на приобретение нашей с тобой квартиры. Я надеюсь на наше прекрасное будущее. На меньшее не согласен. Уверен, что оно состоится. Люблю тебя, радость моя и счастье мое! Люблю, люблю, люблю! Твой Ю.Т.»

Машенька поплакала немного над этой запиской, которая окончательно подтвердила ее уверенность в Юриной любви и необходимости ехать к нему на свидание. Как жаль, что она не спросила у этого Данилы Антоновича, позволят ли им встретиться. Но даже если и не позволят, она наверняка увидит его и крикнет, что любит его и ждет. И пусть об этом слышат все-все-все! Ей теперь ничего не страшно.

Вечером состоялся трудный разговор с мамой, в который была вовлечена и Дашка, вернувшаяся с гулянки. Было все: и слезы, и уговоры не ехать, или хотя бы отложить на несколько дней, чтобы мама могла взять отпуск за свой счет, хотя... хотя вряд ли ей дадут: только что из отпуска. Было много еще всяких догадок и предположений относительно Юры, рассуждений по поводу мужской неверности и непос-

---

тоянстве, что через год-два, став вполне взрослой, и сама Машенька станет по-другому смотреть на свое увлечение, которое не может длиться вечно... И еще много чего было сказано в этот вечер. Но все эти слова казались Машеньке бессмысленными, потому что... Ну что может Дашка понимать в Любви? Еще недавно целовалась с Сашкой, потом с Колькой, теперь целуется с каким-то Гришкой, завтра у нее появится новый целовальщик... И после этого она еще берется рассуждать о любви. О Настоящей Любви, а не какой-то там между прочим.

А мама? Она сама как-то призналась, что за папу вышла замуж исключительно потому, что он показался ей человеком порядочным, способным обеспечить будущую семью. Это уже потом она будто бы полюбила папу. Наверное, и таким образом можно выходить замуж. И в книжках про такие замужества много написано: стерпится — слюбится. Но все это не для нее — не для Машеньки. И не для Юры. То есть не для них обоих. И чем настойчивее ее отговаривали от поездки и даже от Любви, тем яростнее Машенька сопротивлялась этим отговоркам. И в конце концов решила твердо: завтра же, как только мама уйдет на работу, а Дашка тоже уберется из дому, потому что сидеть дома для нее совершенно невыносимо, так она, Машенька, тут же соберется и уедет.

Тепляков откинул с лица на затылок маску, крючком подхватил сваренную, еще горячую деталь и бросил в ящик. Разогнулся.

Сколько уже? — спросил Терентьич, дремавший на стуле в закутке между двумя железными шкафами.

— Семьдесят две, — ответил Тепляков.

— Эка ты, паря! Считаю, двухдневную норму осилил, — удивился, а затем и рассердился Терентьич. — А оно нам с тобой надо? Это, стал быть, раньше, в советские времена то есть: перевыполнение плана, соцобязательства, соцсоревнование, портреты на Доске Почета, иногда премии. А нынче это никому не надо. Да и зачем? Ну, положим, сделал ты две нормы. Положим. Хорошо. А кто-то в другом месте сделал одну норму, то есть по плану. И кто-то где-то еще в таком же, стал быть, разрезе. А из всего этого составляет комплект. Стал быть, твои двадцать четыре штуки — лишка. А если, предположим, завтра снимут этот комплект с производства?.. Придумает наука что-нибудь новенькое — и снимут. И что тогда? А то, что с тебя же и вычтут за все сразу: и за испорченный материал, и за электроэнергию, и за потраченное впус-
тую рабочее, стал быть, время. Соображаешь?

— Соображаю.

— Ну, то-то же. Бросай это дело, паря. Сказано сорок восемь, стал быть, и делай сорок восемь. Отдыхай теперь. Завтра, опять же, полдня дурака валять придется. Иначе начальство решит, что кто-то из нас лишний. А тебе учиться еще, стал быть, и учиться...

Терентьич выбрался из своего закутка, достал из ящика коробку, из коробки — трубку, набил ее доморощенным табаком-самосадам, злющим, как слезоточивый газ, взял держак с остатком электрода, ткнул его в чугунную чашку, валяющуюся под верстаком, прикурил от образовавшегося на конце стержня еще пылающего голубым огоньком расплава. Попыхав несколько раз, откинулся к верстаку спиной, продолжил свои наставления, до которых охоч был до невозможности.

— Да-а, Так вот, я и говорю: парень ты хваткий. Но в нашем деле одной хватки мало. Надо, паря, еще и мозгами шевелить. Ты вот что... — и Терентьич полез в тот же ящик и достал оттуда тоненькую книжонку в замасленной обложке. — Ты, Юрок, возьми эту наставлению и вызубри ее, как... как в стародавние времена зубрили «Отче наш». Тут все про сварочные работы во всех подробностях расписано. По ней же, стал быть, и экзамены сдавать будешь на профессию, а не какую-то там бабу ягу, прости господи... — и захекал, собрав все морщины вокруг носа. И пояснил: — Этак вот окрестили это самое ЭГЕ Таськины сорванцы... Да-а. А сдавать будешь настоящие экзамены перед целевой комиссией, со всякими там тонкостями и прочее. Потому что — профессия. Соображаешь? На свободу выйдешь, а у тебя она имеется. Профессия, стал быть. И чтоб мне, старику, за тебя стыдно не было. И куда ты, Юрок, не поедешь, сварщик везде нужен. Опять же, заработок... Где ты найдешь такой заработок? То-то и оно.

— Спасибо, Макар Терентьич.

— Да, вот еще что... Хотел спросить у тебя... — Терентьич закашлялся и долго после сидел, хрипя своими испорченными легкими. Отдышавшись, продолжил: — Да, спросить хотел у тебя... Как ты насчет следующих выходных?

— Как всегда — в спортзале.

— А если опять ко мне?

— Так не положено же мне два раза в месяц — один раз всего, — ответил Тепляков. — Через год только...

— Этот вопрос, стал быть, я решу. Мало ли что не положено! Кому и одного раза не положено, а кому хоть каждый день. Опять же, начальство меня ценит, не откажет: я этому

начальству чего только не варил. И здесь, на заводе, и на даче, и где хошь... Опять же, колонку во дворе надо новую поставить. Чтоб, значит, электрический мотор воду качал, а не бабы руки. Соображаешь? Одному-то мне не справиться.

— А зачем во дворе? — удивился Тепляков. — Разве нельзя провести трубу в дом?

— Оно, стал быть, можно. Кто спорит. Однако за колонку платить надо куда как меньше, чем за водопровод. У нашей жилконторы свои расчеты.

— Ну и что? Зато женщинам не бегать во двор за водой. Особенно по морозу.

— Тоже верно. А в таком разе, стал быть, и совсем уж одному мне не справиться. Надо и канаву прокапать, и утеплить, и в доме тоже найти для трубы место.

— Да я с удовольствием, Макар Терентьич... Если отпустят, конечно.

— Отпустят, отпустят. Я уже, стал быть, справлялся — начальство не против, — гнул свою линию Терентьич.

Тепляков, выключив трансформатор, затем вытяжку, перешел к верстаку и принялся напильником подгонять алюминиевую пластинку, которая заменит предохранительную крышку на точиле, сломанную кем-то два дня назад.

Работая, он вспомнил разговор, случившийся между ним и Светланой, когда они на другой день, то есть в минувшую субботу, перебравшись на ту сторону реки всем семейством по подвесному мосту, вдвоем, не заходя на дачу, отправились собирать бруснику. Ну и грибы, если попадутся.

Сначала спустились в широкую лощину, через которую струился безобидный в это время года ручей. Потом вышли к ельникам, к опушкам, густо заросшим обобраным в прошлом году брусничником. Только километра через три-четыре набрали на нехоженую полянку, бордово-красную от ягод, собранных в плотные кисти, между которыми краснели шляпки подосиновиков. Здесь чуть не нос к носу столкнулись с бурым мишкой, увлеченным пожиранием сладко-кислой ягоды. Мишка оказался двухлетком, завидев людей, рывкнул от изумления и пустился наутек.

Часа четыре собирали ягоду с помощью ковшиков с гребенчатými краями. Наполнили два пятилитровых бидона вместе с листьями и прочим сором.

— А на следующий год после такого сбора ягода будет? — спросил Тепляков, разгибая спину.

— На следующий вряд ли. Разве что кое-где, — ответила Светлана. — Мы через такие проходили. Но через год обязательно.

— Все, я не могу, — сказал Тепляков, усаживаясь на плоский камень, возле которого чернело кострище.

— Что, скуксился? — победно рассмеялась Светлана. — А туда же...

— Куда именно?

— Так, никуда, — смутилась Светлана, опускаясь рядом.

От нее пахло острым потом, смешанным с запахом брусники.

— Свет, а выходи за меня замуж, — вдруг сорвалось у Теплякова с языка, хотя за минуту до этого и в мыслях ничего подобного не было. — Нет, правда. — И он повернулся к ней, пытаясь поймать ее текучий взгляд.

— Н-нет, не пойду, — не сразу ответила она.

— Это почему же? — удивился он.

— Больно ты жалостливый к нам, незамужним бабам.

— А что, это так уж плохо?

— Так у нас тут все мужики такие, жалостливые. Сегодня ночует у одной разведенки, завтра у молодой вдовы. Или у такой, как Таська. А я не хочу. Я хочу, чтобы мой был только моим.

— Какая ты эгоистка, однако, — засмеялся Тепляков деланным смехом. Затем спросил: — А вчера под утро, когда пришла ко мне, знала, что Таська уже была у меня?

— Догадывалась.

— Зачем шла?

— Не знаю. Шла, как слепая. Мокрое тело твое тянуло к себе.

— Жалеешь?

— Чего ж жалеть? Что было, то было.

— А мне что было делать? Я только немного погода разобрался, что это не ты. Но даже если бы и сразу — не гнать же ее.

— Не знаю я, — прошептала Светлана. — Ничего не знаю. Рядом с тобой все забываешь, а стоит отойти в сторонку... — и Тепляков увидел в ее глазах молчаливые слезы покорности, как у собаки, брошенной хозяином, ищущей нового. И он, придвинувшись к ней, обнял ее за плечи и припал губами к ее трепещущим губам...

А потом была еще ночь, и еще. О замужестве Тепляков уже не поминал, но та страсть, с какой Светлана отдавала ему всю себя без остатка, те слова, которые срывались с ее губ в минуты пароксизма, говорили даже больше, чем можно было сказать в минуты рассудительности. И Теплякову в такие минуты казалось, что у него не было всей его прошлой жизни, а есть и была только эта, выстраданная им самим и Светланой. Но в теле, насытившемся животной страстью, опус-

---

тошенном и успокоившемся, вдруг начинала звучать тонкая струна, соединяющая его с недавнем прошлым, в котором все было не так, и Тепляков до боли в челюстях сжимал свои зубы, физически ощущая боль постигшей его утраты.

Вспомнив все это и подумав о том, что ждет его в следующие выходные, он опустил голову и посмотрел исподлобья на Терентьича, возившегося со своей трубкой, почти с ненавистью.

Глава 33

Машенька на другой день не уехала: Дашка оставалась дома, следила за каждым ее шагом. Видать, такое указание получила от мамы. А Машеньке не хотелось новых споров и разговоров, тем более слез. И она, видя, что Дашке до смерти не хочется сидеть дома, да еще при такой расчудесной погоде, сделала вид, что никуда не собирается, включила компьютер, забралась в Интернет и принялась шарить там по разным программам в поисках чего-нибудь интересного.

И Дашка не выдержала.

— Маш! — постояв несколько минут за ее спиной, завела разговор Дашка: — Давай вместе поедem на озеро. Там сейчас и народу не так много, и все наши там будут. А? Ты как?

— Никак, — отрезала Машенька. — У меня голова болит после вчерашнего. Лучше я пообедаю и спать лягу.

— Да? А не врешь? Ну, тогда ладно. Поеду. Не сторожить же мне тебя всю оставшуюся жизнь. Надеюсь, ты выбросила из головы эту свою глупость.

— Да иди ты... на свой пляж! — рассердилась Машенька. — Тоже мне — сторож выискался! Захочу убежать, так и ночью из окна по веревке спущусь. Иди, загорай! А то там тебя твой Гришка ждет не дождется.

— Ух, Машка, и злая же ты стала! — попеняла ей Дашка. — Прямо тигра на лошади!

— Сама ты тигра!

Ехать, на ночь глядя, не имело смысла: дорога до Междугорска, да еще с пересадками, займет часов семь, не меньше. Весь предстоящий маршрут Машенька доподлинно изучила с помощью компьютера. А вот собраться, чтобы потом схватить рюкзак и вперед, — это надо сделать сейчас же, пока не пришла мама. И Машенька, давно решив, что она возьмет с собой, сложила все в рюкзак. Затем, отложив десять тысяч, сунула в свою сумочку, тоже подарок Юры, туда же три конверта с деньгами, закинула рюкзак за спину и покинула квартиру.

Сначала она побывала на вокзале, купила билет, чтобы завтра не стоять в очереди, и положила рюкзак в один из ящиков камеры хранения. Затем путь ее лежал в сберкассе. Можно было бы положить все деньги в одну из них, но Машенька побоялась, что у нее могут спросить, откуда она их взяла. А три раза по сорок тысяч в разных сберкассах — могут и не спросить.

Все обошлось, хотя она и волновалась.

Домой Машенька вернулась тогда, когда мама уже была дома.

— А я звоню тебе, звоню, — встретила она свою дочь на пороге. — А потом слышу: твой мобильник в комнате трезвонит... Ты где была, Машенька?

— Гуляла.

— Обедала?

— Нет еще.

— Фу! А я так переволновалась, так переволновалась... А Даша где?

— Сказала, что поехала на озеро.

— Вот ведь негодница какая! А ты, доченька, следующий раз не уходи из дому без своего мобильника. Пожалуйста. — И посмотрела на Машеньку такими глазами, такими... страдающими, такими... жалкими, — что у Машеньки что-то внутри дрогнуло, и она едва не выдала своих намерений. — Ну, слава богу, — вздохнула Татьяна Андреевна с облегчением. — Давай обедать.

Остаток дня прошел без происшествий, хотя и дался Машеньке непросто. Она мысленно уже ехала в поезде, пересаживалась с одной электрички на другую, от районного городка Междугорска на автобусе добиралась до какого-то завода, на территории которого и располагался этот самый лагерь, где томился ее Юра. Дорога не казалась ей такой уж страшной, но... но в телепередачах о чрезвычайных происшествиях приводятся такие случаи, что волосы становятся дыбом: могут, например, просто так выбросить из поезда — подонков и отморожков хватает везде; могут схватить на дороге, увезти куда-то, изнасиловать и убить; могут, наконец, просто ограбить и тоже убить или искалечить. Как представишь себе все эти ужасы, да вспомнишь тот ужас, случившийся с самой не так уж и давно... Нет, лучше не представлять и не вспоминать, иначе остается лишь залезть под кровать и не высовывать оттуда носа. Надо верить, что все будет хорошо. При этом кое-что предусмотреть. Например, баллончик с каким-то ужасно едким перцем, подаренным ей Юрой... так, на всякий случай. Жаль, что она отказалась от

электрошокера. Говорят, что им даже от медведя можно отбиться. Что еще? Еще она наденет на себя свой поношенный спортивный костюм и такие же кроссовки, на голову бейсболку, тоже весьма поношенную, под нее заправит свои роскошные волосы, которые так любил перебирать Юра, глаза прикроет зеркальными очками, лицо вымажет кремом, смешанным с соком подорожника (испробовано на раскопках от комаров), — получится что-то среднее между болезнью и неряшливостью, и наклепит на подбородок и щеки всяких прыщей. Наконец, садиться надо всегда в первый вагон — поближе к милиции, не тарашиться по сторонам, не привлекать ничьего внимания. Жаль, что Юра не послушался ее и не научил кое-каким приемчикам, а то бы и совсем было лучше некуда.

Итак, пораньше лечь спать, встать будто бы на утреннюю зарядку, с чего начинался каждый день на раскопках, и с чего она продолжала начинать день уже дома, рассказать по карманам куртки деньги, паспорт и билеты, и... Мама будет еще спать, Дашка — так вообще без задних ног, оставить на видном месте записку... Что еще? А больше ничего и не надо.

И Машенька, плотно поужинав и доставив тем самым маме огромное удовольствие, приняла на ночь теплый душ и забралась под одеяло. Однако уснуть смогла далеко не сразу. То Дашка, вернувшись с озера, шастала туда-сюда, то в доме напротив какой-то дурак выставил на подоконник динамики и включил дурацкую же музыку, из-за чего там долго шумели, приехала даже милиция, но когда там все стихло, все остальные звуки уже не казались такими уж громкими — и Машенька уснула, точно провалилась в бездну.

Она встала около шести. В квартире все спали. Умылась, оделась, в коридорчик на полочку положила пакет, сварила себе сладкий черный кофе. Выпила его, сунула под мамину кружку сложенную вчетверо записку и собралась уже уходить, когда зашлепали мамины шаги и сама мама вылепилась из полумрака, царящего в прихожей.

— Что это ты так рано? — спросила она, остановившись в дверях кухни и глядя на дочь с подозрением.

— Mam, я вчера так рано легла спать, что вот проснулась и... Пойду побегая немного, погода-то хорошая... — смутилась Машенька, не привыкшая врать.

— Но ты уж далеко-то не бегай. А то мало ли что...

— Мамулечка, не беспокойся за меня. Я так быстро научилась в лагере бегать, что меня никто не догонит. Я даже соревнование на стометровке там выиграла. Правда-правда!

— Да нет, я ничего, — произнесла Татьяна Андреевна, оглядывая кухню и почему-то тоже с подозрением. — Ты долго-то там не бегай, — посоветовала она. И пояснила: — Мне спокойнее, когда ты на глазах.

— А Даша?

— А что Даша? Даша уже взрослая, сама должна отвечать за свои поступки.

— И я тоже почти взрослая: мне до восемнадцати лет осталось чуть больше полугода.

— Для мамы вы всегда останетесь детьми. Вот родишь своих, тогда и узнаешь.

Машенька шагнула к маме, обняла ее, поцеловала, чуть-чуть отодвинула с дороги. Открыв дверь, сказала с веселой и какой-то отчаянной улыбкой:

— Все, мамуленька, будет хорошо. Вот увидишь.

Татьяна Андреевна хотела еще что-то сказать, но дверь уже закрылась, затем вторая дверь, что в тамбуре. Татьяна Андреевна нахмурила лоб, потеряла его пальцами: что-то смущало ее в поведении Машеньки, что-то было нервное, незнакомое, наигранное. Она подошла к кухонному окну, перегнулась через стол, посмотрела вниз. Вот из-под козырька подъезда появилась Машенька, в руке почему-то пакет, и повернула влево, то есть к трамвайной остановке, и ее тоненькую фигурку тотчас же заслонила густая листва деревьев, растущих возле дома. Впрочем, может быть, направилась она вовсе и не к трамвайной остановке: бегать-то можно везде. Но вот странность: когда Машенька ее целовала, то в нагрудном кармане что-то твердое коснулось ее груди. И этот пакет... Зачем он ей на зарядке?

И тут Татьяна Андреевна запаниковала. Что-то подсказало ей, что Маша все-таки решила на поездку к Теплякову, и это случилось только что. Она в отчаянии обежала глазами все предметы на столе и в полуоткрытом посудном шкафу. И увидела кончик сложенной бумаги под своей любимой кружкой. Достав эту бумагу, развернула и... и ничего не увидела кроме начала: «Милая моя, любимая Мамулечка!» Дальше все расплылось. Татьяна Андреевна вытерла слезы бумажной салфеткой и, задыхаясь, будто только что сама пробежала стометровку, дочитала записку: «Милая моя, любимая Мамулечка! Прости меня, пожалуйста, но я не могу не поехать к Юре. Мамулечка! Он не может меня разлюбить, потому что я его люблю больше жизни. Прости меня еще раз, не бойся за меня и не переживай. Я буду звонить. До встречи. Твоя Маша».

Татьяна Андреевна кинулась в свою комнату, схватила телефон, набрала номер телефона Машеньки, но ей ответили

долгие гудки, пока равнодушный голос не прервал их, сообщив, что абонент недоступен.

А Машенька только в вагоне поезда, уже отстукивающего колесами первые километры, вставила в свой мобильник аккумулятор и позвонила домой.

— Мам, я еду в поезде. Все хорошо. Дорогу я знаю. Сегодня к вечеру буду на месте. Оттуда позвоню еще раз. Пожалуйста, не волнуйся. Пока.

Татьяна Андреевна хотела что-то сказать, крикнуть, но крик застрял в горле, да и телефон молчал, как будто где-то там все рухнуло в бездну, непроглядную и молчаливую, рухнуло вместе с Машенькой.

К счастью, на всем пути до Междугорска не случилось никаких происшествий. И пересадка с одной электрички на другую произошла без всяких задержек, и в самом Междугорске Машеньку словно ожидала маршрутка, и пассажиры — в основном пожилые женщины — были приветливы и словоохотливы, и дорога до завода заняла каких-то полчаса, хотя была разрыта во многих местах, где копошились с лопатами вокруг грейдеров и катков арбайтеры из Средней Азии.

Пассажиры покинули маршрутку и двинулись пешком к поселку Белые Пески, предварительно со всевозможными подробностями рассказав Машеньке о порядках на заводе и в том самом лагере, где томится ее Юра.

Машенька проводила путников долгим взглядом, огляделась, обнаружила неподалеку среди зарослей давно отцветшей сирени скамейку, устроилась там и смыла со своего лица камуфляж, похоже, так никого не напугавший и даже не удививший. После чего, отойдя еще глубже в кусты, сняла с себя тренировочный костюм, переделась в белые полотняные штаны, белую блузку и курточку, распустила волосы, причесалась, посмотрела на себя в зеркальце и осталась довольна своим видом.

И только теперь сердечко ее запрыгало, забилось, будто синичка, нечаянно влетевшая в комнату. Машенька сделала несколько глубоких вдохов и резких выдохов, — как учил ее Тепляков, — забросила за спину рюкзак и направилась к проходной, стараясь ни о чем плохом не думать.

Была среда. Рабочий день подходил к концу. Тепляков убрал в ящики верстака инструменты, и теперь сидел и ждал Терентьича, ушедшего что-то выяснять у своего начальства относительно работы на завтрашний день.

В широко раскрытую дверь заглянула охранница в черной униформе, со света некоторое время пялилась в полумрак помещения и, никого не разглядев, спросила:

— Есть тут кто?

— Есть, — ответил Тепляков.

— Мне Тепляков нужен. Есть он тут?

— Я, — ответил Тепляков, поднялся на ноги и вышел из полумрака.

— Ага! Тут к тебе приехали. Велено привести тебя в комнату свиданий.

— Кто приехал? — удивился Тепляков. — Я никого не жду.

— Это уж не мое дело. Пошли.

Тепляков пожал плечами и последовал вслед за охранницей.

Комната свиданий находилась на первом этаже двухэтажного кирпичного здания за пределами лагеря, но не завода. В этом же здании размещалась и санчасть. Все окна, как первого, так и второго этажа были забраны решетками из толстых железных прутьев, а стекла до половины замазаны белой краской. Рассказывали, что когда-то из этой санчасти бежали четыре преступника-рецидивиста, устроивших между собою драку и попавших в медсанчасть на обследование. С тех пор, мол, и появились на окнах мощные решетки и железные двери.

Чем ближе Тепляков подходил к этому зданию, тем сильнее волновался. Скорее всего, к нему приехала женщина-адвокат, чтобы согласовать позиции для пересмотра его дела в сторону снятия судимости. Уведомление о том, что апелляция подана в областной суд, он получил, следовательно... Да и кто еще мог бы к нему приехать, кроме адвоката? Больше некому. Так что и волноваться совершенно не к чему. Однако, взявшись за ручку двери, он почувствовал, что рука его дрожит. Никогда не дрожала, а тут на тебе. Он набрал в грудь побольше воздуха, но выдохнул его не сразу, а мелкими порциями.

Перед вертушкой его обыскали. Потом пропустили через металлодетектор. Здесь его встретил местный надзиратель, здоровенный мужик лет за пятьдесят, чем-то напомнивший Теплякову Укутского. Он смерил его сонным взглядом с ног до головы, буркнул:

— Пошли.

И Тепляков пошагал за ним в самый конец коридора, с любопытством поглядывая по сторонам. Остро пахло дезинфекцией, деревянный пол, покрытый линолеумом, скрипел под ногами. Остановились перед дверью с табличкой: «Комната для свиданий».

— Заходи, — велел надзиратель, открывая дверь и пропуская вперед Теплякова.

Едва он переступил порог в комнату, слабо освещенную светом из более чем наполовину забеленного снизу окна, как из-за стола поднялась белая фигурка, рванулась к нему навстречу, но в двух шагах остановилась, замерла, и теперь уж он, еще даже не придя в себя от неожиданной встречи, шагнул к Машеньке, и тогда она бросилась к нему на шею и принялась целовать его лицо, всхлипывая и повторяя одно и то же:

— Юра! Юрочка! Ю-юро-очка-ааа...

Сзади хмыкнул надзиратель, пробубнил:

— У вас два часа. Если что, вот кнопка вызова, — закрыл за собой дверь, клацнул замок, и они остались вдвоем.

Перебивая друг друга, они говорили и говорили и не могли остановиться:

— А я уже и не знала, что думать, — шептала Машенька между поцелуями. — Мне казалось, что я вот-вот умру...

— И я то же самое... — вторил ей Тепляков. — Твоя мама... И я подумал: господи, ведь она же права. А сам... мне тоже хотелось умереть... И вот — живу, работаю, стараюсь о тебе не думать...

— И я тоже! И мне казалось... А я почти все лето провела на раскопках... Приехала домой — и вот... Даже не знаю, как решилась... Нет-нет! Знаю! Знаю! Потому что любила и люблю... Люблю! Люблю! А тут твоя записка в ноутбуке...

— А я... — И тут он вспомнил Светлану и Тасю, и что ему в выходные предстоит... но воспоминание это вызвало у него лишь мгновенный укол совести, потому что... — чем же он виноват перед Машенькой, если все так сложилось? Зато теперь он знает, что ждет его впереди, и уж не свернет ни влево, ни вправо.

Два часа пролетели как одно мгновение.

— И куда же ты теперь? — спросил Тепляков.

— Не знаю, — вздернула Машенька узкие плечики с беспечной улыбкой, такой знакомой Теплякову и такой родной.

Вошел надзиратель. Спросил:

— Ну, как? Надумали?

— Что? — в один голос откликнулись Тепляков и Машенька.

— Насчет дальнейшего. А то у нас имеется комната... специально для приезжих... жена там, скажем, или еще кто... на крайний случай, — отчего-то мялся и недоговаривал надзиратель.

— И что? — спросила Машенька, видя, как мучительно морщит свой белый лоб Тепляков.

— Но только, если муж и жена. А ты, деточка, кто ему?
— Невеста, — ответил Тепляков, прижимая к себе тоненькое тело Машеньки.

— Да, — решительно подтвердила Машенька. — Как только его освободят, так мы и поженимся.

— Невеста? Больно молода... — покачал маленькой головой надзиратель.

— Ну и что? — воскликнула Машенька, выступая вперед. — А если мы любим друг друга? Вот вы любите?

— При чем тут я? — уставились на Машеньку сонные глазки, словно оценивая ее, исходя из ее же слов. — Порядок есть порядок. А не как-нибудь. Хотя... Ночевать-то как — вдвоем хотите?

— Вдвоем! — еще более решительно ответила Машенька и только после этого глянула снизу вверх на Теплякова.

— Да, хотелось бы... — не слишком уверенно поддержал ее Тепляков.

— Оно, конечно, можно бы записать вас как мужа и жену... А вдруг комиссия? Или еще что? Кому отвечать? То-то и оно, — продолжал гнуть свою линию надзиратель.

— Вы как-нибудь, — начал Тепляков. — А я, как только получу за квартал, так сразу же и расплачусь.

— Ой, да у меня с собой есть деньги! — воскликнула Машенька, схватила свою сумку и принялась торопливо дергать в ней молнию. Достав деньги, спросила неуверенно: — Десяти тысяч хватит? У меня больше нет.

Надзиратель хмыкнул, глянул вопросительно на Теплякова, но тот лишь переводил взгляд с Машеньки на надзирателя и обратно, не зная, на что решиться: взятки до сих пор ему давать не приходилось.

И надзиратель проворчал:

— Пяти хватит. — И добавил, оправдываясь: — Со старшим поделиться придется: мало ли что.

— Да вы берите, берите! — совала ему в руки деньги Машенька. — У меня обратный билет уже есть. Тут и ехать-то...

Надзиратель, приняв деньги, отсчитал пять тысяч, подумав, добавил еще одну, остальные положил на стол, пояснив:

— И коридорному надо дать... чтоб вам спокойней было. Что я, не понимаю, что ли? Все я понимаю: сам таким был. У самого трое — чуть постарше вас будут. Природу не обманешь.

Тепляков и Машенька уставились на него с недоверием: им казалось, что этот дядя всегда был таким... таким угрюмым, и ничего в его молодости похожего на любовь быть не могло.

— А у нас будет четверо: два мальчика и две девочки, — заявила Машенька и снова глянула вопросительно на Теплякова.

— Я не против и пятерых, — широко улыбнулся он, вспомнив, что когда-то Машенька настаивала на троих.

— Ну, дай вам, как говорится, бог, — тоже улыбнулся надзиратель, перестав быть похожим на Укутского. — Пошли, однако, а то моя смена кончается...

— А как же... — начал было Тепляков.

— В барак-то? А чего ты там не видал? Начальство твое знает, ужин вам принесут... Нынче не старые времена... Строгости имеются — куда ж без них? — но и понятие человеческое, так сказать... тоже соблюдается. Не для всех, само собой, а для тех, кто соответствует.

Комната на втором этаже, куда проводил их надзиратель, оказалась очень похожей на гостиницу: широкая деревянная кровать, туалет, душ с комплектом полотенец, маленькая кухонька с газовой плитой и холодильником, шкаф с посудой.

Машенька тут же принялась хозяйничать. Она достала из рюкзака апельсины, яблоки, виноград; в вакуумной упаковке колбасу и сыр, нарезанные тонкими дольками; булочки, йогурты, сливки, разовые пакетики с чаем, кофе и сахаром. Все это она раскладывала по тарелкам, слыша, как в душевой плещется вода, замирая в ожидании предстоящей ночи. Вдвоем и только вдвоем! Об этом она мечтала, кажется, с самого рождения, и поэтому все делала с медлительной, почти с ритуальной торжественностью, гордо оглядывая комнату, точно сюда должны слететься ангелы, чтобы засвидетельствовать ее, Машенькино, вступление в новую жизнь. Ей было и чуточку страшновато, и чуточку стыдно, но страх этот и стыд были такого рода, во что она стремилась погрузиться, чтобы познать настоящее счастье, которое без этого невозможно. Сделав что-то, она вдруг замирала в изумлении, пытаясь что-то понять и во что-то поверить: вот она, Машенька, вот эта комната, еще час назад ей совсем неизвестная, в душевой плещется вода и фыркает ее Юрочка, — и все это реальность, а не сон, и все это состоялось и продолжает длиться исключительно потому, что она решила, несмотря ни на что, приехать сюда... приехать за своим счастьем.

Эпилог

Был тихий майский вечер, наполненный медовыми запахами свежей листвы и травы, согретой солнцем сосновой хвои и смолы. Запахи эти особенно густы после недавней

грозы и дождя. В прозрачной голубизне неба уплывали на север последние разрозненные облака. Низко, почти над самой травой, с громким щебетанием стремительно проносились стаи ласточек, то взмывая к вершинам деревьев, то падая вниз, радуясь теплу и обилию мошкар, поднявшейся в воздух.

На заводе машин и механизмов для коммунального хозяйства только что закончился рабочий день, из проходной молчаливым потоком валил народ, направляясь к остановке трамвая и автобуса.

Геннадий Артурович Дименский миновал только что проходную. Некоторое время он наблюдал, как народ заполняет только что подошедший трамвай, и решил, что имеет полное право никуда не спешить и вместе с немногими заводчанами пройти пешком через лесопарк, подышать свежим воздухом и размяться. Он свернул на асфальтированную дорожку и пошагал вдоль длинного железобетонного забора, за которым разместился завод, где он числится научным консультантом при конструкторском бюро. Его обогнал рослый мужчина в легкой куртке. Им навстречу шла молодая женщина, очень похожая на девочку. Она катила перед собою широкую детскую коляску, в каких возят двойняшек, широко и радостно улыбаясь подходившему к ней мужчине. Вот они встретились, мужчина приобнял женщину за плечи, поцеловал ее в губы и оглянулся, проверяя, не слишком ли много народу наблюдает их встречу.

И Геннадий Артурович узнал в мужчине Юру Теплякова, с которым два года назад провел несколько дней в одной больницы палате в качестве подозреваемого в совершении тяжких преступлений. Да, это несомненно был Тепляков. А юная мама, скорее всего, та самая девочка, которой в ту пору еще не исполнилось восемнадцать.

Широкое лицо Геннадия Артуровича тоже расплылось в радостной улыбке, и юная мама, заметив эту улыбку, не понимая, чем она вызвана, с испугом посмотрела на Теплякова.

Тот обернулся — и Дименский заметил в его глазах ожесточенную, почти звериную решительность человека, готового броситься на любого, кто проявит хотя бы малейшую непочтительность к его жене; и как эта ожесточенность не сразу потухла, сменившись изумлением, а затем и радостью встречи с человеком, о существовании которого он, скорее всего, давно позабыл.

Они сошлись и, обнявшись, некоторое время стояли, хлопая друг друга по спине и плечам, повторяя одно и то же:

— А я гляжу — ба-а! — не может быть! Юра Тепляков! — булькал знакомым смехом Дименский от переполнявших его чувств.

— И я тоже гляжу — глазам не верю... вы или не вы, — вторил ему сдержанным смешком Тепляков.

— А вы, батенька мой, повзрослели и, как бы это сказать, заматерели, — радовался Дименский.

— И вы тоже... То есть я хотел сказать... — сбился Тепляков, слегка отстраняясь от Дименского.

— Вы, Юра, хотели сказать, что я постарел и обрюзг, — продолжил булькать бывший профессор.

— Ну да, что-то в этом роде...

— Годы, мой друг, го-оды! Ничего не попишешь. А у вас, я вижу, все устроилось.

— Да-да! — подтвердил Тепляков и, обернувшись к Машеньке, повел рукой: — Это Маша, моя жена. А там (жест в сторону коляски) наши сыновья. Двойняшки. Скоро три месяца...

— Здравствуйте, Машенька! — шагнул к молодой маме Дименский. — Рад познакомиться. — Он принял Машенькину руку, слегка согнулся, поцеловал. — Рад за вас обоих. Очень! Очень рад!

— Спасибо, — смутилась Машенька и глянула на Теплякова.

— А-а! Да! Это... — спохватился Тепляков, — Это Геннадий Артурович Дименский. Профессор. Я тебе о нем рассказывал.

— Ну как же! Я помню! — воскликнула Машенька, одарив Дименского своей очаровательной улыбкой. — Мы с Юрой все пытались разобраться в вашей теории... — и она глянула на мужа, ища поддержки.

— Теория замкнутых пространств! — напомнил Тепляков. И уже к Дименскому: — Вы напечатались?

— Увы, не получилось, мой друг. Разослал статью в разные журналы, и в наши и за рубежом, — увы! — ни ответа, ни привета, — махнул рукой Дименский. — Да и бог с ними! Наши ученые мужи еще не доросли до понимания проблемы, за рубежом не очень-то жалуют русских ученых, выступающих со своими гипотезами... Что ж, как-нибудь проживем на собственные коврижки. А вы, Юра, все-таки хлебнули тюремной баланды?

— Да. Но не столько тюремной, сколько лагерной. И то всего чуть больше полугода. Мои друзья подали апелляцию в Верховный суд — и обвинение с меня сняли. Зато я получил в лагере профессию сварщика и теперь работаю на заводе по этой специальности. Как говорится, не было бы счастья...

— Да-да! И что удивительно — действительно, счастье! Когда человек проходит через такое или нечто подобное, он должен как-то по-особенному любить и ценить жизнь, видеть во всякой мелочи нечто большее, чем эта мелочь кому-то другому может показаться не заслуживающей никакого внимания. И очень хорошо, Юра, что вы наконец нашли себя в этой жизни.

— Я и сам это понимаю, Геннадий Артурович. У меня до этого все время как-то так получалось, что вот-вот, кажется, поднялся по своей лестнице вверх на одну-две ступеньки, дальше будет легче, а оно — раз и... сорвался.

— Это потому, Юра, — подхватил Дименский, — что вы брались не за свое дело. Я еще давеча, в больнице, заметил это, но не решился вам сказать. Каждый в этой жизни должен делать ту работу, к которой он более всего приспособлен.

— А чем у вас, Геннадий Артурович, кончилось? — увел разговор от себя Тепляков, для которого недавнее прошлое нет-нет, да и начнет кровоточить еще незажившей раной.

— Дали условно три года. Правда, лишили права преподавать. Но мой заместитель по кафедре, человек молодой, напористый, а главное, хорошо вписавшийся в нынешнюю специфику, продолжил в том же духе, и — слава аллаху и всем прочим богам! — кое-что сдвинулось с места. Теперь те грехи, за что меня чуть ни упекли в узилище, называются субсидированием со стороны частных лиц. Правда, со многими оговорками и бюрократическими вывертами. Так у нас по-другому и быть не может! — забулькал бывший профессор, и добродушные морщины разбежались лучиками от глаз его и рта.

— И давно вы здесь? — спросил Тепляков, пояснив: — Я тут уже второй год...

— Так я служу консультантом! — перебил Теплякова Дименский, предвосхищая новые вопросы. — Прихожу сюда, когда позовут. Три дня назад позвали, хожу вот, консультирую. Инженеры — в основном молодежь. Старики свое отработали, передавать свой опыт молодому поколению почти некому. Но нынешняя молодежь не менее способная, чем в наше время, схватывает быстро. Правда, иногда увлекается всякими прожектками. Со временем это пройдет. Мое поколение тоже когда-то начинало с этого. Все повторяется. Но — лучше поздно, чем никогда.

Они шли по старому, потрескавшемуся от времени тротуару: Машенька впереди с коляской, мужчины сзади, то и дело останавливаясь, вскрикивая от радости, вспомнив какую-нибудь мелочь из своего недавнего прошлого, как будто в этом прошлом остались одни только радости.

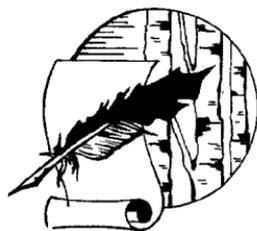
Машеньке это прошлое тоже досталось нелегко, но вспоминать о нем она, при своем легком характере, не любила. В ее прошлом было все: и все возрастающая любовь к Теплякову, усиленная жалостью к его незадавшейся жизни, и насмешки подруг, и увещевания мамы, и собственные сомнения, когда Тепляков перестал отвечать на ее звонки, и как она, очертя голову, кинулась в это страшное место, каким ей представлялся лагерь, где мучают ее Юру.

Все было. Было и быльем поросло. Машенька была вполне счастлива настоящим.

— Вот чем хорош русский человек, — воскликнул Дименский, — так это незлопамятностью. Поищите таких среди других народов — не сыщете, — заключил он с несокрушимой убежденностью, — Помолчал немного, добавил, понизив голос: — А жена у тебя, Юра, прелесть. Таких искать-поискать... Береги ее.

Тепляков кашлянул, искоса глянул на вдруг погрузневшего Дименского, произнес:

— Я и так... — и задрал голову к небу, где в прозрачной голубизне повисла легким облачком полупрозрачная луна и скользили с радостным щебетаньем стремительные ласточки.

Алексей ПРАСОЛОВ

Алексей Тимофеевич Прасолов родился 13 октября 1930 года в селе Ивановка ныне Россошанского района Воронежской области в крестьянской семье. Отец — Прасолов Тимофей Григорьевич оставил семью, когда Алексею было около пяти лет. Мать — Вера Ивановна — вместе с сыном переехала в село Морозовка того же района. Здесь прошли детство и отрочество поэта, которые выпали на тяжёлое военное и послевоенное время.

В 1947—1951 годах Алексей учился в Россошанском педагогическом училище. После его окончания преподавал русский язык и литературу в сельской школе.

Первые журналистские заметки и стихи публиковал в Россошанской районной газете. Со второй половины 50-х годов работал в других районных газетах области.

Поистине переломным событием в жизни и творчестве поэта стала его встреча в сентябре 1964 года с Александром Трифоновичем Твардовским. Позже А.Прасолов скажет: «Судьба дала мне встречу лишь с одним поэтом. Но им был Твардовский».

В 1964 году в «Новом мире» была напечатана подборка из десяти стихотворений мало кому известного воронежского поэта. Этой публикацией Алексей Прасолов уверенно вошёл в русскую поэзию.

В 1966 году почти одновременно были изданы две книги Алексея Прасолова: «Лирика» — в Москве, «День и ночь» — в Воронеже. В 1967 году он был принят в Союз писателей СССР.

При жизни поэта в Воронеже в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве вышли ещё два поэтических сборника: «Земля и зенит» (1968) и «Во имя твоё» (1971). Его стихи публиковались в альманахах, коллективных сборниках, журналах «Подъём», «Дон», «Юность», «Сибирские огни» и в других.

Поэт ушёл из жизни 2 февраля 1972 года — раньше «предназначенного часа»... Установлены мемориальные доски в Воронеже и Россоши. Память о поэте Прасолове жива на его родной воронежской земле. Его знает и любит читающая Россия.

ПРОСВЕТЛЁННОСТЬ ГЛУБИНЫ

* * *

Я хочу, чтобы ты увидала:
За горой, вдалеке, на краю
Солнце сплющилось, как от удара
О вечернюю землю мою.
И как будто не в силах проститься,
Будто солнцу возврата уж нет,
Надо мной безымянная птица
Ловит крыльями тающий свет.
Отзвенит — и в траву на излете,
Там, где гнёзда от давних копыт.
Сердца птичьего в тонкой дремоте
День, пропетый насквозь, не томит.
И роднит нас одна ненасытность —
Та двойная знакомая страсть,
Что отчаянно кинет в зенит нас
И вернёт — чтоб к травинкам припасть.

1965

* * *

Когда несказанное дышит,
Когда настигнутое жжет,
Когда тебя никто не слышит
И ничего уже не ждет, —
Не возвещая час прихода,
Надеждой лишней не маня,
Впервые ясная свобода
Раздвинет вдруг пределы дня.
И мысль, как горечь, — полной мерой.
И вспышки образа — в упор,
Не оправданья чьей-то веры,
Не верящим — не приговор.
На них ли тратить час бесценный?
Ты вне назойливых страстей...
Здесь — искупление измены
Свободе творческой твоей.

1967

---

* * *

В бессилье не сутуля плеч,
Я принял жизнь. Я был доверчив.
И сердце не умел беречь
От хваткой боли человеческой.
Теперь я опытной. Но пусть
Мне опыт мой не будет в тягость:
Когда от боли берегусь,
Я каждый раз теряю радость.

1965—1968

ПУШКИН

Из глубины морозно-белой
Оно возникло как-то вдруг,
Лицо, изваянное смело
И обращенное на юг.
И свет задумчивости зрелой
С порывом юным наравне, —
Всё, что сказаться в нём успело,
Звучит — и слышен голос мне:
— Что значит — время?
Что — пространство?..
Для вдохновенья и труда
Явись однажды и останься
Самим собою навсегда.
А мир за это, други, други,
Дарит восторг и боль обид.
Мне море теплое шумит,
Но сквозь михайловские вьюги.

1968

* * *

Пусть гримаса не станет улыбкой,
Но взлетел твой смычок огневой
Над блокадной оттаявшей скрипкой,
Над ночной многоструйной Невой.
О Нева! Ей в гранитной неволе —
Как вино в запасном хрустале:
Ведь его не пригубит в застолье
Та, что там — в пискарёвской земле.

Та, что знала: не быть с нами третьей
Ни тогда, ни теперь среди огней,
Та, что знала: не будет бессмертья,
Но бессмертье заплачет о ней.

1970

* * *

Листа несорванного дрожь,
И забытые травинки тощих,
И надо всем еще не дождь,
А еле слышный мелкий дождик.
Сольются капли на листе,
И вот, почувствовав их тяжесть,
Рожденный там, на высоте,
Он замертво на землю ляжет.
Но всё произойдет не вдруг:
Еще — от трепета до тленья —
Он совершит прощальный круг
Замедленно — как в удивленье.
А дождик с четырех сторон
Уже облёт и лес и поле
Так мягко, словно хочет он,
Чтоб неизбежное — без боли.

1971

* * *

И осень бесконечно длится,
И дымом отдаёт асфальт,
И эти сорванные листья
В дорожном вихре нарасхват.
Пестрят вокруг в холодном жженье
Во рву, на ветровом стекле, —
И, словно жизни продолженье,
Их маета по всей земле.
Но вдруг заметишь, как над нами
Ненарушимую, одну
Деревья бережно ветвями
Пронизывают тишину.
И поднимают выше, выше,

Как ёмкий купол,
Чтобы смог
Ты в странной чёткости расслышать
И шум, и гул, и чей-то вздох.

1971

* * *

Я умру на рассвете,
В предназначенный час.
Что ж, одним на планете
Станет меньше средь вас.
Не рыдал на могилах,
Не носил к ним цветов,
Только всё же любил их
И прийти к ним готов.
Я приду на рассвете
Не к могилам — к цветам,
Всё, чем жил я на свете,
Тихо им передам.
К лепесткам краснотубым,
К листьям, ждущим луча,
К самым нежным и грубым
Наклонюсь я, шепча:
«Был всю жизнь в окруженье,
Только не был в плену.
Будьте вы совершенней
Жизни той, что кляню.
Может, люди немного
Станут к людям добрей.
Дайте мне на дорогу
Каплю влаги своей.
Окруженье всё туже,
Но, душа, не страшись:
Смерть живая — не ужас,
Ужас — мертвая жизнь».

1971

* * *

Мирозданье сжато берегами,
И в него, темна и тяжела,

Погружаясь чуткими ногами,
Лошадь одинокая вошла.
Перед нею двигались светила,
Колыхалось озеро без дна,
И над картой неба наклонила
Многодумно голову она.
Что ей, старой, виделось, казалось?
Не было покоя среди светил:
То луны, то звёздочки касаясь,
Огонёк зелёный там скользил.
Небеса разламывало рёвом,
И ждала — когда же перерыв,
В напряженье кратком и суровом,
Как антенны, уши наострив.
И не мог я видеть равнодушно
Дрожь спины и вытертых боков,
На которых вынесла послушно
Тяжесть человеческих веков.

1965

* * *

Весна — от колеи шершавой
До льдинки утренней — моя.
Упрямо в мир выходят травы
Из тёмного небытия.
И страшно молод и доверчив,
Как сердце маленькое — лист,
И стынет он по-человечьи,
Побегом вынесенный ввысь.
И в нас какое-то подобье:
Мы прорастаем только раз,
Чтоб мир застать в его недобрый
Иль напоённый солнцем час.
Нам выпало и то, и это,
И хоть завидуем другим,
Но, принимая зрелость лета,
Мы жизнь за всё благодарим.
Мы знаем, как она боролась
У самой гибельной стены, —
И веком нежность и суровость
В нас нераздельно сведены.

И в постоянном непокое
Тебе понятны неспроста
И трав стремленье штыковое,
И кротость детская листа.

1963

* * *

Всё, что было со мной, — на земле.
Но остался, как верный залог,
На широком, спокойном крыле
Отпечаток морозных сапог.

Кто ступал по твоим плоскостям,
Их надёжность сурово храня,
Перед тем, как отдать небесам
Заодно и тебя и меня?

Он затерян внизу навсегда,
Только я, незнакомый ему,
Эту вещью близость следа
К облакам и светилам — пойму.

Нам суждён пронизательный свет,
Чтоб таили его, не губя,
Чтобы в скромности малых примет
Мы умели провидеть себя.

1964

* * *

Здесь — в русском дождике осеннем
Просёлки, рощи, города.
А там — пронзительным прозреньем
Явилась в линзах сверхзвезда.
И в вышине, где тьма пустая
Уже раздвинута рукой,
Она внезапно вырастает
Над всею жизнью мировой.
И я взлечу, но и на стыке
Людских страстей и тишины
Охватит спор разноязыкий

Кругами радиоволны.
Что в споре? Истины приметы?
Столетия временный недуг?
Иль вечное, как ход планеты,
Движение, замкнутое в круг?
В разладе тягостном и давнем
Скрестились руки на руле...
Душа, прозрей же в мирозданье,
Чтоб не ослепнуть на земле.

1964

* * *

Зачем так долго ты во мне?
Зачем на горьком повороте
Я с тем, что будет, наравне,
Но с тем, что было, не в расчёте?

Огонь высокий канул в темь,
В полёте превратившись в камень,
И этот миг мне страшен тем,
Что он безлик и безымянен,

Что многозвучный трепет звёзд
Земли бестрепетной не будит,
И ночь — как разведённый мост
Меж днём былым и тем, что будет.

1967

* * *

Звезда обнажилась в просторе
О дай к тебе верно прокрасться!
Не страшно споткнуться о горе —
Боюсь наступить я на счастье.

Глаза мои слепнут от света,
Глаза мои слепнут от мрака,
А счастье, притихшее где-то,
Стесняется слова и знака.

Клонясь головою повинной,
Я беды делю на две части,
И горькая их половина —
Незряче измятое счастье.

1964

ПОЭЗИЯ

Иду — в невольном замиранье,
А ты ведёшь, ведёшь туда,
Где люди даль не измеряли
И не измеряют никогда.

Где зримо — и неощутимо,
Где жжёт — и не сжигает сил,
Где, ясные, проходят мимо
Скопленья дум, проблем, светил.

Вбирая добрую свободу,
Забыл я тяжесть той цены,
Которой к солнечному входу
С тобою мы вознесены.

Но, вспомнив дом, по-свойски строго
Веду тебя в обратный путь.
Переоденься у порога
И вровень с днём моим побудь.

Он мирный, грозный, нежный, грубый
Он труден другу и врагу.
Мне пот очерчивает губы,
Но, утверждаясь, я — смогу.

Ты учишь верить. Ты не идол,
Но заставляешь сколько раз
Подняться так, чтоб свет я видел,
Как, может, видят в смертный час.

Тебе не стану петь я гимны,
Но, неотступная, всерьёз
Ты о несбыточном шепчи мне,
Чтоб на земле моё сбылось.

1964

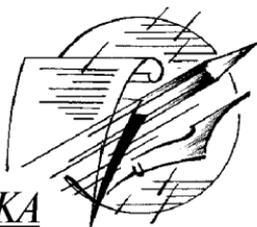
Нина ТИХОМИРОВА,
руководитель музея Народной славы г. Лиозно Витебской обл.

МОСКОВСКАЯ БИТВА

К 75-летию разгрома фашистов под Москвой

За 40 лет моей поисковой работы по военно-патриотическому направлению и руководству музеем Народной славы не было ни одной встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, чтобы ребята нашей средней школы №1 г. Лиозно не слышали от них взволнованных рассказов из своей фронтовой биографии или о своих погибших друзьях. Мы понимали, что память о войне неотделима от памяти о тех, кто отдал Родине самое дорогое — жизнь. Ибо память связывает — должна связывать! — прошлое с настоящим. Мы понимали, что наши ветераны, пережившие войну, горечь отступлений и встретившие Великую Победу, не просто одержимы воспоминаниями о ней, но полны тревоги за будущее. И мы, наконец, понимали, что их остаётся всё меньше и меньше, и придёт день, когда уже не от кого будет узнать живых рассказов о героическом времени военных лет, и потому бережно записывали их рассказы, чтобы оставить их для будущих потомков.

В 70—80-е годы мы разыскали сотни живущих фронтовиков, установили десятки имён ранее неизвестных погибших воинов, изучили и описали боевые

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

пути многих воинских соединений, освобождавших Витебщину, в т.ч. формировавшихся в Москве в лето и осень 1941 года и принимавших активное участие в Московской битве. Организовывали и провели 17 слётов Советов музеев совместно с ветеранами 158-й Лиозненско-Витебской (5-й Московской) стрелковой дивизии, участвовали в юбилейных встречах воинов 28-й гвардейской танковой, 47-й механизированной и 4-й противотанковой истребительной бригад, 472-го отдельного гаубичного полка, 114-го мотоинженерного батальона, 91-й стрелковой дивизии. По нашему ходатайству в 1983 году в Лиозно водружен на постамент танк Т-34 — памятник воинам-освободителям. По нашему проекту и нашим денежным средствам установлена барельефная мемориальная плита «Военному поколению Лиозненщины от благодарных потомков», по нашей инициативе на центральной улице Лиозно создана Аллея Памяти Героев, и некоторые улицы носят имена героев-освободителей.

Рядом с Храмом Христа Спасителя в Москве на Гоголевском бульваре, 4 расположен светлый особняк, на фронте которого две вывески: справа — Российский Комитет ветеранов войны и военной службы. Слева — Общероссийская общественная организация ветеранов войны и военной службы. А до 1992 года было одно название: Советский Комитет ветеранов войны. Здесь в начале декабря 1986 года в дни 45-й годовщины Московской битвы из рук прославленного летчика Героя Советского Союза Алексея Петровича Маресьева нам вручена Благодарность «За активное участие в работе по героико-патриотическому воспитанию молодёжи». Вот уже 30 лет эта реликвия хранится в нашем школьном музее.

В школьном музее собран материал о 70 воинах-земляках — «Бессмертный полк», портреты которых занимают целую стену. С этими портретами наши ученики шествуют в колонне и встают в почётный караул на воинском кладбище во время митингов. В 350 папках хранятся материалы об истории боевых путей воинских соединений и с воспоминаниями фронтовиков.

Тематическую экскурсию «Битва за Москву» в школьном музее Народной славы я начинаю с выступления по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 года, которое в тот же день было напечатано в областной газете «Віцебскі рабочы». Именно эта речь великого вождя всколыхнула весь советский народ, и москвичей в особенности, так как они находились в самом сердце нашей Родины — Москве, куда обращены были взоры не только нашей страны, но и всего мира.

Г.К. Жуков в своих «Воспоминаниях...» пишет : «3 июля в своём выступлении по радио И.В. Сталин от имени ЦК партии объяснил сложившуюся на фронте обстановку и призвал советский народ незамедлительно перестроить всю жизнедеятельность и экономику страны соответственно требованиям войны с сильным, коварным и жестоким врагом. И.В. Сталин призвал партию и народ подняться на священную борьбу с врагом, покончить с беспечностью и резко повысить бдительность... Речь Сталина, обращённая к народу, звучала как могучий тревожный набат, и чувствовалось, что гневный и призывный голос этого набата замолкнет лишь тогда, когда фашистский захватчик покинет пределы нашей Родины... В трудные, кризисные времена в жизни любой страны, в момент атаки внутреннего или внешнего врага величайшее значение имеет объединяющий всех призыв, лозунг, в котором должна быть выражена суть всеобщих усилий». Как же актуален такой лозунг и для нашего времени!

Г.А. Рыбников — бывший командир пулемётной роты 879-го полка вспоминает: «3 июля 1941 года — очень памятный день в моей жизни. Это, прежде всего, выступление по радио Председателя Государственного Комитета Оборона И.В. Сталина. Меня сразу назначили в этот же день командиром роты истребительного батальона Дзержинского района столицы. Один за другим приходят ко мне бойцы пополнения. Записываю в список личного состава: М.Г. Сергеев, полковой комиссар запаса, последнее место службы — посланник СССР в Греции; В.И. Чивилёв, лётчик запаса, референт Наркомата иностранных дел; А.Ф. Цветков — депутат Верховного Совета Белорусской ССР, ответственный работник путей сообщения; Н.Г. Смирнов, с тремя шпалами, обозначающими воинское звание батальонного комиссара, — начальник научно-технического подразделения наркомата внутренних дел; Ф.И. Гудков, тоже со шпалами в петлицах, — заведующий учебной частью высшей школы НКВД... После такого солидного состава новобранцев я растерялся. Смогу ли я, молодой лейтенант, только вышедший из комсомольского возраста, командовать ими? Но бывший мой начальник Н.Г. Смирнов подбодрил меня и помог правильно расставить людей. М.Г. Сергеева, как старого коммуниста, — парторгом роты, А.Ф. Цветкова — политруком, которые стали сразу душой роты».

А.П. Серцова — бывшая медсестра 875-го стрелкового полка: «4 августа 1941 года командующий войсками МВО генерал-лейтенант Артемьев отдал приказ об организации обороны Москвы против авиадесантников противника. Этим же приказом на окраинах Москвы были созданы 5 оборонительных сек-

---

торов и маневренный резерв под общим командованием коменданта г. Москвы генерал-майора Ревякина. Боевой и численный состав батальонов имел уже 26 370 человек, 19 000 винтовок, 8 орудий 45-мм и 120-мм, пулемётов крупнокалиберных — 4, станковых — 57, ручных — 525, велосипедов — 574, мотоциклов — 128, зенитных установок — 4, танков — 19, бронемашин — 41, миномётов — 35, ручных гранат — 26 412, противотанковых бутылок — 26 354. Протяжённость фронта всех пяти боевых секторов составляла 60 км. Такими силами и средствами располагала Москва до 14 октября 1941 года. Войск, специально предназначенных для обороны Москвы, ещё не было. Их надо было сформировать в ходе строительства оборонительных рубежей».

Безуглый И.С. — генерал-лейтенант, бывший командир 158-й стрелковой дивизии: «Московская битва длилась полгода — с 30 сентября 1941 года по 20 апреля 1942-го. Она чётко делится на два периода: оборонительный — до 5—6 декабря и наступательный — до его завершения в апреле.

Ставка ВГ, придавая исключительное значение созданию прочного заслона на пути фашистских армий, делала всё возможное для укрепления обороны московского направления. На оборонительные работы вышли тысячи и тысячи жителей, юношей и девушек Смоленской, Калининской, Калужской, Брянской, Рязанской и Московской областей. Их невероятным трудом в короткие сроки были построены ржевско-вяземский оборонительный рубеж, Можайская линия и московская зона обороны. На одной только Можайской линии обороны в 120—130 км от Москвы трудились 63 тыс. жителей Подмосковья и 20 тыс. москвичей. 6 октября Ставка отдала распоряжение о приведении этого участка обороны — главного рубежа войск Западного фронта в боевую готовность. На строительство Московской зоны обороны вышло 450 тыс. добровольцев — жителей Москвы и Подмосковья. Строилось 5500 огневых точек и 1350 противотанковых рвов и эскарпов.

Большое внимание советским командованием уделялось ускоренному формированию крупных резервов в тылу страны. Однако большинство намеченных мер по укреплению обороны не было завершено из-за недостатка времени, сил, и, как отмечают историки, из-за ошибок со стороны руководства фронтами Будённого, Ерёменко, Конева и др.».

Томин К.А. — бывший командир 879-го стрелкового полка: «С 12 сентября командующим Западным фронтом являлся генерал-полковник И.С. Конев. И хотя под его руководством и был проведён ряд мероприятий по укреплению и совершенство-

---

ванию обороны, именно в его командование произошли трагические события на Западном фронте.

Наступление фашистов на Москву началось 30 сентября ударом 2-й танковой группы по левому крылу Брянского фронта. Началась Великая Московская битва. С обеих сторон были вовлечены свыше 3 млн. человек, более 22 тыс. орудий и миномётов, до 3 тыс. танков, более 2 тыс. самолётов.

На Москву была нацелена половина всей мощи вооружённых сил противника, три четверти всех танков. По плану «Барбаросса» Москва должна была быть взята к середине августа 1941 года. Но прошли и август, и сентябрь, а до Москвы ещё было далеко.

Совершив перегруппировку своих сил к концу сентября, гитлеровское командование рассчитывало концентрированным ударом из трёх направлений уничтожить в районе Вязьмы основные советские войска, прикрывавшие столицу с запада, и одновременно ударами по группировкам севернее Москвы (Калинин) и южнее Москвы (Тула) окружить большим кольцом, создав огромный восточный вал.

2 октября перешли в наступление главные силы группы армий «Центр» из районов Ярцево и Рославля против войск Западного и Резервного фронтов.

Погибли почти все воины 1-го батальона 897-го стрелкового полка 242-й стрелковой дивизии.

Начальник радиостанции, который докладывал в штаб полка об исключительной стойкости батальона, в последний момент передал: «Взрываю радиостанцию. Прощайте, дорогие товарищи».

В первых числах октября танковая группировка гитлеровцев прорвала нашу оборону на стыке 30-й и 19-й армий, углубилась в тыл фронта и охватила с севера Вязьму наши крупные соединения. А с юга к Вязьме прорвались на Юхновском направлении ещё отдельные группы фашистских танков».

3 октября был взят Орёл, 4-го — Спас-Деменск, 5-го — Юхнов, 6-го — Брянск.

В районе Вязьмы в окружении оказались соединения 19, 20, 24-й и 32-й армий. Но в условиях окружения советские воины упорно сопротивлялись, уничтожая тысячи вражеских солдат и офицеров и выводя из строя массу техники, беря на себя огонь и тормозя движение на Москву 28 вражеским дивизиям.

Некоторым нашим разрозненным соединениям к середине октября удалось вырваться из окружения и влиться в ряды фронта.

Тысячи добровольцев и ополченцев-москвичей и Московской области погибли в «Вяземском котле» — наиболее трагической странице Московской битвы. В альманахе «Смоленская дорога» №5 за 2011 год опубликовано письмо одного из жертв этой «Русской Голгофы», как назвал это жуткое событие иеромонах Даниил (Сычѳв): *«Дорогие русские люди, соотечественники, не забывайте нас. Мы, как могли, боролись с немецким псом. Ну вот, пришѳл конец. Нас захватили в плен, раненых. Истекаем кровью и умираем от голода и побоев. Много народу уже умерло. Кто найдѳт эту записку, пусть передаст еѳ в органы власти. Может быть, останутся люди живы кто-нибудь на русской земле. Не может быть, чтобы эти гады всех перебили. Кто после нас будет жив, пускай помнит, что мы боролись за свою Родину, любили еѳ, как мать. Мы непобедимы.*

Я рядовой красноармеец 45 танковой дивизии 58 полка Круглов Степан Маркелович».

«Русская Голгофа»... Это не просто синоним мученичества и страданий, это в прямом смысле — жертва во имя спасения человечества.

Смертность доходила только в пересыльном вяземском дулаге №184 до 300 человек в день. На территории лагеря 45 рвов размером 4x100 м, где, по разным данным, закопано от 70 до 90 тысяч человек. В своих «Воспоминаниях...» Г.К. Жуков пишет: *«Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравищиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии... Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внѳших вклад в общее дело защиты Москвы, ещѳ ждѳт своего описания».*

Меркулов Н.И. — председатель Совета ветеранов подольских военных училищ: *«Беспримерный героический подвиг проявили курсанты подольских пехотного и артиллерийского училищ. Прочувшись три месяца, 17—18-летние ребята первыми по приказу Ставки встали на защиту Москвы. Это была крайняя мера. Решиться на неѳ было нелегко. Все понимали, что курсанты — это золотой фонд для развития армии. Но другого выхода не было. Переходя с одного рубежа на другой, курсанты наносили врагу огромный урон в живой силе и технике, но и потери среди юных защитников были тоже огромные. С 6-го по 15 октября в боях за Москву погибло 2500 курсантов. Ими было уничтожено 100 танков и около 5 тыс. живой силы противника. Своим мужеством и самопожертвованием они выиграли драгоценное время, позволившее нашему Верховному главнокомандованию подтянуть резервы из глуби-*

ны страны в самые трудные для Москвы дни и дали возможность нашим войскам создать прочную оборону на реке Наре».

А грозные дни продолжались... Усиливались бомбёжки Москвы. Воздушные тревоги объявлялись почти каждую ночь. С 20 октября в Москве было введено осадное положение, установился строжайший порядок. Паникёрам сами жители Москвы давали отпор. Около 100 тыс. москвичей проходили боевую подготовку без отрыва от производства.

Военный совет Западного фронта в тяжёлые дни октября обратился к войскам с воззванием:

«Товарищи! В грозный час опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне. Родина требует от каждого из вас величайшего напряжения сил, мужества, героизма и стойкости. Родина зовёт нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной Москве. Сейчас, как никогда, требуется бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию».

10 октября в командование Западным фронтом вступил генерал армии Г.К. Жуков. На протяжении всей Великой Отечественной войны И.В. Сталин направлял Г.К. Жукова не только на самые ответственные, но и на самые кризисные участки боевых действий, где особенно требовалось наивысшее воинское мастерство и полководческий талант. Сталин был уверен, что Жуков всегда из почти неизбежной катастрофы сделает «непоражение» и не только выравнит ситуацию, но поставит свои войска в преимущественное положение перед врагом. Г.К. Жуков был инициатором создания специальных штурмовых групп и отрядов при захвате опорных пунктов противника и во избежание излишних потерь требовал от подчинённых командиров неперменного их применения. Вот только лавры победителя ему доставались не всегда. Так, в Сталинградской битве за два дня до полного окружения 6-й армии Паулюса Г.К. Жуков был направлен подо Ржев — в очередной раз выручать командующего Западным фронтом И.С. Конева.

По распоряжению Сталина в газетах был помещён портрет командующего. Это должно было свидетельствовать, что во главе войск, защищавших Москву, поставлен полководец, на которого народ и армия вполне могут положиться. С первого же дня Жуков энергично взялся за организационно-оперативную работу: *«Нужно было срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск— Можайск— Малоярославец— Калуга. Создать вторые эшелоны и резервы фронта; организовать наземную и воздушную разведку; наладить материально-*

техническое обеспечение войск. А главное — поднять моральное состояние воинов и укрепить их веру в свои силы, в неизбежность разгрома противника на подступах к Москве», — писал полководец.

Но уже в этот же день, 10 октября, танковые войска фашистов подошли к Можайской обороне. Инженерные сооружения ещё не были готовы, не хватало военной силы. В основном это были курсанты военных училищ, ополченцы, истребительные отряды, партизаны, а 5, 16, 33, 43, 49-я армии, на которые была возложена защита Москвы, находились в стадии формирования.

Защитники Можайской линии обороны задержали врага на 10 суток. Ожесточённые бои разгорелись на Волоколамском, Можайском и Малоярославецком направлениях, где наступали крупные танковые группировки фашистов.

Костягин П.И. — бывший председатель Совета ветеранов 158-й стрелковой дивизии: *«Особенно мощные препятствия были построены на Клинском направлении в районе Черкизово. Здесь проходила дополнительно сплошная линия противотанковых метательных ежей, густо обтянутых колючей проволокой. Через это проволочное заграждение пропускался электрический ток. Протяжённость электропрепятствий достигала в длину более 420 км, а количество железобетонных огневых точек превышало 1280 штук. Были также проведены работы по отрывке пулемётных, миномётных и стрелковых окопов, ходов сообщения, патронных и перевязочных пунктов, землянок и укрытий. Количество их исчислялось тысячами. Одни только москвичи отрыли 2377 тыс. кубометров земли. Сотни тысяч человек Московской области работало на строительстве лесных завалов. В ночь с 15 на 16 октября 1941 г. Военный совет Московской зоны обороны выслал на автомашинах в сторону фронта 8 отрядов по минированию территории вслед отходящим с боями частям Западного фронта. Было установлено 28,5 тыс. мин на Дмитровском, Ленинградском, Пятницком, Волоколамском, Звенигородском, Можайском, Старо-Киевском, Киевском, Старо-Калужском, Подольском, Каширском шоссе. А также были заминированы мосты на Дмитровском и Ленинградском шоссе и мост через реку Клязьму».*

Нам было трудно представить, что кругом, где широко раскинулись кварталы Юго-Запада столицы, где высится громада МГУ им. Ломоносова и красуется Дворец пионеров и школьников, земля была изрезана километрами траншей и противотанковых рвов, опутана рядами колючей проволоки, топорщилась металлическими «ежами» и колдобами.

Обычно в музее в процессе экскурсии я показываю увеличенные фотографии из фотоальбома Александра Устинова «Война в объективе». На 1 ноября 1941 года 2-я бригада московских рабочих (5-я Московская стрелковая дивизия) на ближних оборонительных рубежах имела следующее вооружение: винтовок — 6961, пулемётов — 271, ППД и ППШ — 2, орудия всех калибров — 29. Общая численность бригады составляла 7291 человек. Командиром был назначен полковник Исаев С.И., военкомом — Жженов И.И.

Из исторического формуляра о боевом пути 158-й (5-й Московской) стрелковой дивизии: *«В первую победу над врагом в великой битве за Москву внесла свой весомый вклад 158-я стрелковая дивизия. В числе других частей Красной Армии, опоясавших столицу неприступным кольцом обороны, бойцы, командиры, политруки 158-й стрелковой дивизии зорко несли свою боевую вахту, с честью выполнили боевую задачу по созданию неприступной обороны... В первые дни боёв дивизия, будучи недостаточно оснащённой техникой, без средств усиления, с большим наступательным порывом и героизмом личного состава вступила в бой, преодолевая упорное сопротивление врага, взламывая его укрепленные узлы обороны и уничтожая живую силу. За период общего наступления дивизия овладела 17 населёнными пунктами, каждый из которых представлял собой сильно укрепленный узел обороны».*

Свою зловещую операцию по захвату Москвы гитлеровцы назвали «Тайфун». По силе удара и быстрого продвижения войск они сравнивали своё наступление с мощью и быстротой тропических циклонов. Гитлер был уверен, что танковые колонны, подобно тихоокеанским тайфунам, уничтожат всё на своём пути, разгромят советские войска Западного направления и откроют путь к вожделенной Москве. Гитлер с генералами решил, что капитуляция Ленинграда, а позже Москвы, не должна быть принята, даже если она будет предложена советским правительством. Обсуждался план затопления Москвы, превращения её в «колоссальный концлагерь», создания такого кольца, «чтобы ни один житель не мог из него выбраться». И в то же время следовало распорядиться подготовить резиденцию для командующего группой «Центр» фон Бока в санатории «Архангельское», а «чинь» готовились занять кабинеты в Кремле. 7 ноября предполагалось устроить парад гитлеровцев на Красной площади и грандиозный фейерверк стоимостью 15 тыс. марок, а для участников парада были сшиты тысячи белых мундиров». Тут уместно вновь обратиться к «Воспоминаниям...» маршала Жукова: *«1 ноября 1941 года я был вызван в Ставку, И. В. Сталин*

сказал: «Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как Вы думаете, по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как Вы думаете, на фронте позволит нам провести эти торжества?» Я ответил: «В ближайшие дни враг не начнёт большого наступления. Он понёс в предыдущих сражениях серьёзные потери и вынужден пополнять и перегруппировывать войска. Для противодействия авиации, которая наверняка будет действовать, предлагаю усилить ПВО, подтянуть к Москве нашу истребительную авиацию с других фронтов».

И вышло всё так, как решили эти два великих человека. Не удалось захватчикам осквернить священные камни Красной площади! 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Бойцы прямо с Красной площади шли на фронт.

«В этих рядах участников парада, — рассказывал ветеран 158-й стрелковой дивизии, Герой Социалистического Труда, заслуженный учитель РСФСР Воздвиженский Борис Васильевич, — нам виделись незримо и брестские пограничники, и растерзанные советские моряки, и умирающие от голода ленинградцы, и герои Смоленского сражения, задержавшие наступление фашистов на Москву на два месяца, и тысячи москвичей, погибших на подступах к столице».

Враг стоял в 40 км от столицы, и в эту трагическую пору прозвучал с трибуны Красной площади уверенный голос Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ великих предков, заступников Земли Русской: Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, Павла Нахимова, Фёдора Ушакова, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского». У какого русского человека не содрогнётся и не наполнится отвагой сердце при упоминании наших великих полководцев?!

Романов В.А. — почётный член Совета музея Народной славы: «С первых дней войны я добровольцем пошёл на фронт. В октябре 1941-го после ранения и лечения в госпитале зачислили меня в противотанковую роту 64-й отдельной стрелковой бригады, сформированной из моряков Тихоокеанского флота и пополненной уральцами. Третьи сутки продолжался бой... Впереди за заснеженным оврагом на возвышенности чернели остовы спаленных огнём строений подмосковной деревни. Там укрепились гитлеровцы. По три раза в день лезли они напролом, поддерживаемые танками. Но дальше линии окопов, занятых морской пехотой, нога ни одного захватчика не ступала. Насмерть стояли моряки на своём участке. Но и этого казалось им недостаточным, нужно было скинуть гитлеровцев с занимаемой ими высоты и самим идти в наступление. Распахнув

чёрные бушлаты, держа перед собой противотанковые ружья, они сплошной бушующей волной внезапно поднимались в рост и с криком «Полундра!» бросались в лобовую атаку, наводя на фашистов страх и ображая их в бегство. А я и мои друзья бросали заранее приготовленные бутылки в приближающиеся танки, и они горели.

В один из ноябрьских дней морской пехоте удалось откинуть гитлеровцев на три километра. Батальон занял новые позиции. Меня послали в ту ночь в боевое охранение. Прижавшись животом к мёрзлой земле, сжимая приклад противотанкового ружья, я вглядывался вперёд. Гитлеровцы по всему фронту возобновили наступление, старались по Дмитровскому шоссе прорваться к столице. В любой момент могли выйти их танки и на этот участок. Когда меня сменили к утру, я не ощущал собственных ног. С обмороженными ногами меня доставили в московский госпиталь. Здесь и застала меня радостная весть о начале контрнаступления Красной Армии под Москвой».

Сушков М.И. — председатель Совета ветеранов 3-й Воздушной Армии: «Все авиагруппы и ВВС Западного фронта были брошены сюда. Только за одни сутки — 27 ноября — на Клинском направлении было произведено более 1500 самолетовылетов. Летчики сбросили здесь на врага в этот день шесть тысяч авиабомб, нанесли удар по танкам тысячами реактивных снарядов, били из пулеметов по живой силе и автомашинам. Взятые в плен немцы заявляли, что шоссе на участке Клин—Солнечногорск стало для них «дорогой смерти». Наряду с большими бомбардировщиками Пе-8 и Ил-3 в глубокий тыл отправлялись и маленькие — По-2, не имевшие никакой защиты от зенитного огня и от истребителей. Однако особые качества этих самолетов — малая скорость, маневренность и возможность летать на малых высотах, помноженные на исключительный героизм советских летчиков, дали изумительные результаты. В битве под Москвой совершилось боевое крещение учебного самолета У-2. В воздушных боях на подступах к столице летчик А.Н. Талалихин впервые в истории совершил первый воздушный таран. А всего в боях под Москвой летчики совершили 24 воздушных тарана».

Боронин Н.П. — командир танкового взвода: «25 ноября передовой отряд 2-й танковой армии Гудериана прорвался к Кашире, однако был остановлен зенитным артиллерийским дивизионом майора А.П. Смирнова. 27 ноября контрудар 2-го кавалерийского корпуса генерала П.А. Белова и 112-й стрелковой дивизии полковника А.Л. Гетмана отбросил врага в район Мордвеса. Вскоре Гудериан был вынужден отдать приказ

об отводе главных сил на рубеж: железная дорога Тула—Узловая, река Дон.

Фон Бок понял: надвигается катастрофа. Он предпринял еще одну попытку прорваться к Москве, ударив из Наро-Фоминска. 1 декабря 4-я армия фон Клюге продвинулась до Голицына. Однако уже 5 декабря фронт по реке Наре был восстановлен контрударями 33-й и 5-й армий. На поле боя враг оставил 10 тыс. убитых, свыше 50 танков, десятки орудий, машин, тягачей.

6 декабря 1941 г. войска Западного и Калининского фронтов перешли в контрнаступление. Ожесточенные бои за Истру шли днем и ночью.

К исходу дня 11 декабря Истра была полностью очищена от врага. Это был первый подмосковный город, освобожденный от немецко-фашистских захватчиков. На Клинском направлении 30-я армия за три дня продвинулась на 18 км, освободила Рогачев, Ямугу, Яхрому, а 12 декабря — Солнечногорск, самый молодой в то время город Подмосковья. На его улицах осталось 20 подбитых вражеских танков, 18 орудий, 25 машин и шесть бронетранспортеров.

15 декабря — день освобождения Клина. К концу февраля 1942 г. наши войска полностью освободили Московскую область, отбросив врага на 150—200 км от Москвы. Победа под Москвой была предвестием нашей Победы в Великой Отечественной войне. И хотя до нее еще было далеко, разгром немцев в «белоснежных полях под Москвой» вселял в сердца людей веру в то, что она обязательно придет».

В 1986 году как руководитель школьного музея Народной славы я побывала в местах начала боевых действий на подступах к Москве вместе с большой группой ветеранов 28-й отдельной Гвардейской Лиозненской танковой бригады. Почтили память погибших воинов при обороне Москвы в Рузе, селе Рождествено, Ново-Петровском, у Скирмановских высот. Там я услышала и навсегда запомнила взволнованный рассказ бывшего санинструктора Е.В. Мироновой, жившей до войны в Ново-Петровском: «В контрнаступлении кавалерийский корпус генерала Л.М. Доватора действовал в составе 16-й армии К.К. Рокоссовского. Доватор получил приказ: перехватить дорогу Руза—Ново-Петровское, не дать врагу сосредоточиться и подтянуть резервы. В тяжелейших условиях бездорожья и глубоких снежных заносов легендарный командир повёл отважных конников в свой последний бой, в своё бессмертие... 19 декабря у крутого берега Рузы разгорелся ожесточённый бой, горело село Палашикино. Враг занимал выгодные позиции на высотах, часть танков были закопаны в

землю и превращены в доты, вёлся прицельный огонь в наступающих казаков-доваторцев. Сам командир корпуса ни на минуту не забывая, какая возложена на него задача, дерзко и стремительно вводил своих конников в прорыв и преследовал отступающего противника. Но и враги не просто отступали, а укреплялись на каждой высотке, на подступах к каждой деревне всеми возможными средствами, получая с тыла подкрепление. Поэтому выполнять приказы было непросто. В этот день особенно яростно бил шквальный огонь вражеских пулемётов. Казаки залегли в снег. Атака могла сорваться. Спешившись, Доватор по пояс в снегу спустился с крутого берега Рузы к цепи бойцов и дал последний приказ: «Коммунисты — вперёд!».

Раздалось стоголосое русское «Ура-а!», но смертельно раненный их командир уже не видел победного результата атаки и отступления фашистов от Рузы, которые в панике покидали подмосковные рубежи...»

В Москве, на Ново-Девичьем кладбище, рядом с могилами генерала И.А. Панфилова и лётчика В.В. Талалихина воздвигнут памятник с надписью: «Герою обороны, защитнику Москвы в 1941 году Доватору Льву Михайловичу от Министерства обороны СССР». Его именем названы улицы в Москве, Минске, Витебске, Рузе. Стоят памятники ему и на родине — в селе Хотино Бешенковического района Витебской области.

Овсянникова М.Д. — бывший политрук 158-й стрелковой дивизии: «Большой вклад в победу внесли предприятия Подмосковья. В Коломне, Серпухове, Ногинске, Подольске, Кунцево, Химках, Загорске, Мытищах, Орехово-Зуеве наладили ремонт боевой техники и оружия — танков, самолётов и артиллерийских орудий. Построили три бронепоезда, один из которых участвовал в Берлинской операции. Выпускались противотанковые гранаты, миномётные плиты, танковые сани, бронеколпаки. Фабрики выпускали тёплое обмундирование, мыло, махорку, сапоги, валенки.

Жители Подмосковья проявляли большую заботу о раненых красноармейцах. В области и Москве находились свыше 200 госпиталей, в которых лечились 330 тыс. бойцов.

2500 девушек Подмосковья в качестве сандружинниц встречали санитарные поезда с ранеными, доставляли их в госпитали, обрабатывали вагоны, тяжелораненых выносили на носилках, дежурили около них ночами, устраивали концерты и торжественно провожали на фронт выздоравливающих. Собирали и посылали на фронт посылки с варёжками, носками и другими нужными вещами.

Неоценимую помощь фронту оказывали школьники: работали на производстве нередко наравне со взрослыми, собирали урожай на полях, были конюхами, доярками, телятниками, собирали металлолом, помогали партизанам в качестве разведчиков, связных и даже бойцов.

По мере приближения врага к столице на оккупированной территории Московской, Смоленской, Брянской, Калининской областей и Белоруссии разгоралось партизанское движение».

Только в одном Лиозненском районе Витебской области отрядами бригады Алексея Данукалова за первый год войны было проведено 185 боевых операций, из них 32 боя с крупными карательными группами врага. Разгромлено 10 немецких и 17 полицейских гарнизонов, 14 волостных управ, убито и ранено около 6 тыс. гитлеровцев, пущено под откос 44 эшелона, из которых более половины шли с боевой техникой и новым пополнением на Москву.

Известно, что москвич Герой Советского Союза Николай Гастелло совершил свой подвиг в Белоруссии, а наши земляки — лётчик И.А. Авеков и кавалерист Л.М. Доватор — героически увековечили себя в боях за Москву. Командир истребительной эскадрильи капитан И.А. Авеков совершил 178 боевых вылетов, из них 45 — на штурм аэродромов противника, сбил 15 вражеских самолётов, 1 таранил, 23 уничтожил на аэродромах.

Ещё в первый день Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года, сопровождая наши бомбардировщики на Юго-Западный фронт, он со своим звеном вступил в бой с семёркой «мессершмиттов». Несмотря на более чем двукратное численное превосходство врага, наши лётчики одержали полную победу. Они сбили четыре и повредили один вражеский истребитель. Два М-109 в том бою лично уничтожил Иван Авеков. Бомбардировщики, выполнившие боевое задание, вернулись на свой аэродром. Не имело потерь и звено Авекова.

Куприяненко Н.Ф. — бывший санинструктор 879-го стрелкового полка: *«В начале февраля 158-я стрелковая дивизия согласно приказу Ставки ВГК вошла в состав 22-й действующей армии Калининского фронта и была отправлена на боевые действия в район Холмеца Оленинского района Калининской (ныне Тверской) области. 19 февраля прямо с марша наши части вступили в бой. Это был страшный по ожесточённости и неравный бой. Ведь наша пехота и стрелки совершенно не имели поддержки артиллерии и авиации. Полковая батарея 76-миллиметровых пушек отстала от пехоты — застряла где-то в труднопроходимых снегах. В небе господствовали только*

фашистские самолёты, в упор расстреливавшие нашу пехоту. Вражеские части укрепились в селе Холмец очень основательно. Всё село находилось на возвышенности, в центре его — церковь с высокой колокольней. С неё местность просматривалась вокруг на 10—15 километров. Село было окружено сильной системой оборонительных сооружений — доты, дзоты, дома, приспособленные под огневые точки, а весь спуск от центра села был окружён снежным валом, покрытым льдом. Все точки на подходах к селу были пристреляны. Так же были укреплены и соседние деревни — Васильки, Яблонька, Сазоново, Макарово и другие. К тому же наши наступающие части постоянно обстреливала вражеская артиллерия и бомбили самолёты врага. Потери были огромные. Раненые поступали непрерывным потоком. Все медработники не оставляли своих мест круглосуточно, работая под бомбёжкой и обстрелом вражеских самолётов. Они летали над нами на бреющем полёте, обстреливая даже ползущих раненых бойцов, за которыми оставался кровавый след на снегу». «Да и на нас самих, — говорила со слезами Нина Федосеевна, — не высыхала кровь. А зима была очень суровая. Морозы доходили до 40 градусов».

Герасимова К.А. — бывшая медсестра 875-го стрелкового полка: «Была у меня близкая подруга, Валентина Манушкина. С первых дней войны она вступила в истребительный батальон Тимирязевского района. Под Холмцом Валя по настойчивой просьбе комиссара полка А.П. Мостового и командира И.В. Лебединского стала пулемётчицей. Бесстрашию и выносливости её, казалось, не было предела. Она даже в военной форме выглядела настоящей русской красавицей: голубоглазая, стройная, с вьющимися пшеничного цвета волосами, открытым смелым взглядом. Единственная в дивизии девушка-пулемётчица по несколько суток подряд не выходила из боевых порядков пехоты. В стужу, на ледяном ветру, укрывшись в мерзлых окопчиках, постоянно находилась у пулемёта, часто без горячей пищи. Огонь вела расчетливо, прицельно, и, видимо, крепко доставалось от неё фашистам, если они начали буквально охотиться за её пулемётной точкой. В её руках было разбито три пулемёта, она же чудом оставалась невредимой. Но на войне, как и в жизни, чудеса многократно не повторяются...»

Пламенная патриотка, девятнадцатилетняя Валя Манушкина героически погибла в неравном бою. Она одна из первых была посмертно представлена к награждению орденом Красного Знамени. Похоронена там же, в селе Холмец Оленинского района Тверской области в братской могиле. Мы, участники поисковых отрядов, вместе с ветеранами на каждом слёте, проводимом в Оленино и Холмце, отдаём дань памяти всем

воинам 158-й стрелковой дивизии, покоящимся в братской могиле, над которой высится Монумент Боевой Славы, со- оружённый комсомольцами завода имени Лихачёва.

Последний 4-й совместный слет поисковцев и ветеранов при советской власти прошел в предмайские праздники 1991 года в Духовщине Смоленской области. Но уже не было с нами председателя Совета ветеранов 158-й стрелковой дивизии бывшего командира 879-го артполка этой дивизии, освободителя Лиозно Томина Константина Алексеевича. Не было и членов Совета Туманова П.В. и Пономарева П.И. А с начала 90-х годов, потрясенные развалом Советского Союза и предательской политикой Горбачева и Ельцина, стали один за другим уходить из жизни остальные члены Совета ветеранов, активные участники первых наших слетов. Все они начинали свой боевой путь от Москвы до Бранденбурга. Эти дорогие нашему сердцу славные советские воины заслужили, чтобы назвать их имена: Пантелеев Никита Андреевич, Нагач Владимир Викентьевич, Дворецкий Иван Демьянович — умерли в 1992 году, Чежин Василий Васильевич — в 1995-м, Рыбников Георгий Иванович, Костягин Павел Иванович, Вавилов Николай Ильич — в 1996-м, Губачев Дмитрий Дмитриевич, Воздвиженский Борис Васильевич, Генкин Зиновий Михайлович — в 1997-м. В нулевые годы ушли из жизни Гуслев Иван Павлович, Григорян Давид Георгиевич, Константинов Иван Степанович, Морозова Евдокия Ивановна, Василенко Александр Иванович, Ермишина Мария Андреевна, Агафонова Мария Ивановна, Авдеев Василий Ильич, Куприяненко Нина Федосеевна, Рябов Дмитрий Васильевич, а также дети погибших под Холмцем воинов — Пospelов Юрий Сергеевич, Куделин Валерий Николаевич — и это только члены Совета ветеранов! Сегодня из членов Совета осталось лишь трое — Матыцин Сергей Никифорович, бывший сын полка Николаенков Александр Сидорович и руководитель детского оркестра «День Победы» Кузаков Александр Васильевич.

Всегда, когда мы приезжали на слеты в Москву, то вместе с ветеранами возлагали цветы к памятнику героев народного ополчения и изгнания поляков из Москвы — Минину и Пожарскому, а у Кремлёвской стены — Сталину, Жукову и другим военачальникам. Затем посещали Музей-диараму войны 1812 года и музей в средней школе № 48 в Теплом Стане, где отражен весь боевой путь 158-й (5-й Московской) дивизии, Центральный музей Обороны Москвы и Музей на Поклонной горе, с гордостью взирая на портреты наших земляков — Героев Советского Союза. Вечная им память!

---

110 особо отличившимся воинам, защищавшим Москву, было присвоено звание Героя Советского Союза. 36 тысяч бойцов и командиров были награждены орденами и медалями. Но впереди ещё ждали тяжёлые испытания, великие кровопролитные битвы...

В настоящее время именно патриотизм должен являться базовой идеей и ценностью нашего общества. Именно деятельная любовь к Отечеству остаётся показателем высокой гражданственности и сопричастности судьбы каждого человека с судьбой государства. Нам, старшим поколениям, военным и уже послевоенным, очень важно, станут ли для нашей молодёжи такие понятия, как честь и совесть, долг и любовь к Родине, значимыми и весомыми, потребностью для формирования личности.

Память о Великой Отечественной войне, о Победе, о Народе-победителе священна. Так было всегда, так должно быть и завтра.

РАССКАЗЫ

СЕНТЯБРЬСКИМ ДНЁМ

— Батюшка, там паломники, — поднялась на второй этаж свечница Ирина.

— Сейчас закончу, — не отрываясь от компьютера, ответил отец Анатолий.

Дописав несколько строк и закрыв компьютер, он начал спускаться вниз. Перила были не крепки, ступени скрипели, да что же, зданию семьдесят лет. Здесь был когда-то детдом, позже сделали общежитие, а шесть лет назад передали церкви. Из окна в коридоре священник увидел, что возле храма столпилось человек двадцать. Заглянул в трапезную, сказал, чтобы шей приготовили и олады.

На дворе было зябко, куры ушли в сарай, коза уныло щипала травку. Пересек двор, дорогу, подошел к приезжим.

— Батюшка, — окружили его. — Почему церковь закрыта?

— Потому что полы покрашены.

— Да мы бы на цыпочках.

— Я окреститься хочу, меня зовут Юрием.

— А к святому источнику как пройти?

ПРОЗА

— Сейчас, минутку, — остановил их отец Анатолий. Подо-
звал помощницу, которая шла убирать опавшие листья: —
Матушка Ольга, нельзя ли полы квасом вымыть?

Она кивнула.

— Церковь теперь как подснежник, — с улыбкой сказала
женщина в синей ветровке. — А я была здесь лет двадцать
назад: купол полуразрушен, из стен кирпичи торчат... Козы бро-
дили в храме, все было разбито, только несколько фресок ввер-
ху уцелело. Помню, во лбу у Христа торчал остаток бревна.

Пока в церкви мылись полы, пока высыхали, священник
отвечал на вопросы.

— А правда, что царица Елизавета купалась в здешнем
источнике?

— Да кто его знает, говорят, что купалась. Тут следопыты
дорогу нашли среди леса — ровная, как столешница, брусом
покрыта. Для кого-то же строилась эта дорога. А в источни-
ке, когда стали мы чистить, в тине монеты лежали. Давние...
очень давние. Я покажу вам потом.

— Иверскую уже реставрировали?

— Денег пока не хватает.

— Я мусульманин, — пробрался вперёд молодой человек с
тёмной густой шевелюрой. — Я могу в эту церковь войти?

— Конечно, входите. Можем и окрестить, если вы пожелаете.

— Нет... — парень повернулся к товарищу, что-то тихо
сказав.

— Он стихи пишет, — пихнула его под локоть накрашен-
ная, как на продажу, дама. — Творческим людям необходи-
мы впечатления. А мы вот с дочерью рериховки. Вы уверяете,
что Христос был распят во спасение человечества, но мы по-
лучаем информацию несколько иного свойства. Объединим-
ся! Объединимся! Негры, индусы, китайцы, японцы, рус-
ские, англичане, татары!... Возьмемся за руки! Спасемся!

Глаза отца Анатолия стали грустными. Дама ещё что-то
выкрикивала. Он заметил ей:

— В притворе юбки лежат, наденьте поверху брюк. В пра-
вославный храм нельзя в брюках. У кого нет косынок, —
обратился к остальным женщинам, — возьмите там же, в при-
творе. Пожалуй, можно уже войти. Только будьте добры, ра-
зуйтесь. Никто не простудится — место святое.

В тишину храма входили сосредоточенно. Мирская суэта
осталась за дверьми. Купили свечи. Мусульманин, несколь-
ко конфузясь и не смея спросить, разрешается ли ему, тоже
купил две свечи. Разошлись, кто куда. Одни молились, дру-
гие, зажегши свечу у икон, просто стояли, третьи зевали на
фрески, частично подштукатуренные и подкрашенные.

У Иверской Божьей Матери сгрудилось человек семь. Небольшая, темная от времени, с обгоревшим правым углом, икона была вставлена в застеклённый киот, и внизу под стеклом лежала горстка золотых украшений, — пожертвования на реставрацию. Историю этой Иверской от кого-то и как-то, но знали все. В первые годы советской власти председательша поссовета распорядилась скинуть с церковного купола крест. В воскресенье согнали к храму толпу, однако желающих лезть на купол не находилось. И тогда эта женщина самолично залезла. А дальше не знала, что делать.глянула вниз, а народ уже разошелся. Спустя короткое время в церкви, закрытой для верующих, случился пожар. Сельчане и два отставных священника загасили огонь. Во избежание следующего пожара, люди забрали иконы себе по домам. А храбрая председательша вдруг начала заговариваться. К ней перестал наезжать любовник из города, и в одно осеннее утро сельчане увидели, как она катит в тележке скомканное ватное одеяло, рыдая над «доченькой», которую надо похоронить. Несчастную женщину отправили в психбольницу. Долго церковь стояла закрытой. Потом стала колхозным складом. Потом и вовсе ничем — доступная козам, телятам и воробьям. Спрятанные иконы со смертью хозяев исчезли, убереглась только Иверская.

— Намоленная, — проговорила старая женщина, любовно оглядывая икону. — Чувствуете, как от нее тепло идет?

Рериховка сняла с левой руки кольцо и опустила во внутрь киота.

— Посильный вклад, — громко сказала.

Ей никто не ответил.

Отец Анатолий стоял в стороне, не удивляясь, не возмущаясь тому, что не все понимают значение храма: нельзя человека принудить, он сам осознает со временем.

Выходили так же сосредоточенно, как входили. Опускали деньги в ящичек для пожертвований. Священник всех пригласил в трапезную:

— Пообедаем, и отправимся в надкладезную часовню крестить раба Божия Юрия. В церкви сегодня крестить не получится, пол обдерем купелью.

Народ поспешил к автобусу забрать пакеты с продуктами, поскольку рассчитывали перекусить у святого источника. Меж пепельных облаков появилось солнце. Куры выбрались из укрытия, топтались на месте, словно не зная, в какую сторону им податься. Коза дергала кол. Отец Анатолий её отвязал.

— Ну-ну, погуляй...

В трапезной, с длинным столом посредине, топилась русская печь. Рядом с ней был еще один стол, за которым про-

---

свирня резала хлеб. Её помощница перетирала тарелки. Пахло дрожжевым тестом, растительным маслом и терпкой чайной заваркой.

— Ой, как тут хорошо! — воскликнула девушка, шедшая за священником. — Как будто в деревне. Я там никогда не была, а почему-то почувствовалось.

Отец Анатолий перекрестился на образа. Перекрестились все остальные, и лишь мусульманин стоял у порога, не зная, как ему быть.

— Проходите, — пригласил его батюшка.

Матушка Ольга разносила горячие щи. Разделись, прошли к столу, выкладывая печенье, конфеты, сыр. Стоя выслушали молитву. Ели, хвалили щи и душистый домашний хлеб. Потом пили чай, макая оладьи в мисочки с мёдом.

— Мёд у вас свой? — спросила священника рериховка.

— Свой, — ответил отец Анатолий. — Три улья стоят в огороде. Дед Михаил помогает, он пасеку раньше держал.

С печной лежанки спрыгнул белый с серыми пятнами кот.

— Ой, да у вас ещё кот! — зашумели, забыв, что находятся не в столовой. — Да как же тут замечательно!

— Вижу, вы пообедали, — поднялся отец Анатолий. Идёмте в часовню.

Шли по широкой немощенной дороге, расспрашивая батюшку, что было в том здании, где сейчас трапезная, кто помогал реставрировать церковь, есть ли у него собственная семья? Он отвечал. Свернули в лесок. Притихли. Святой ручеёк спускался с пригорка в колодец, и над колодцем стояла надкладезная часовня. Она была крохотной, с такими же крохотными сенями, в которых на полке стояли ведра.

— Вот что, — сказал отец Анатолий, — кто хочет, будем вместе крестить раба Божия Юрия, кто хочет, берите ведра и обливайтесь святой водой. Не простудитесь, не волнуйтесь.

В часовне сперва побывали все; тихо горела лампадка, освещающая иконы; посредине слегка возвышался колодезный сруб, накрытый большой деревянной крышкой с православным крестом. Поставили свечи, и от их огоньков стали янтарными стены, крышка колодца, иконостас.

Церковная чтница прочла молитву, после чего она и несколько женщин остались крестить.

Юрий стоял босой, обнаженный по пояс, но, очевидно, не чувствовал холода. Священник трижды дунул ему в лицо, трижды благословил и, возложив ему руку на голову, начал молитву. Женщины в нужный момент подпевали, пение было нестройным, робким, — что же, крестили они в первый раз.

После чтения запретительных молитв батюшка повернул Юрия лицом на запад, задавая вопросы, на которые тот отвечал с полной ответственностью. Потом был повернут лицом на восток, троекратно покаявшись в верности Христу. Была прочитана и пропета великая ектения, крещаемый помазан елеем, затем церковная чтица внесла ведро, и над колодцем, зачерпнув из него, отец Анатолий, творя молитву, трижды окатил Юрия святой водой. Надел на него крестик, помазал миром. После чего обошел с крещёным три раза вокруг купели, читая Апостол, состриг с головы его прядку волос; дальше были сугубая ектеня и отпуст.

Когда из часовни все вышли на улицу, священник был удивлен, что люди стоят и ждут.

— Я думал, вы по лесочку малиной лакомитесь, — улыбнулся.

— А мы тут поздравить Юрия.

— Никогда не забуду, — сильно волнуясь, сказал крещёный. — Не ожидал, что вот так всё получится.

— Кто еще хочет облиться? Берите вёдра в сених, — обратился отец Анатолий к женщинам, вышедшим из часовни.

Рериховка сунулась к ним с напутствием:

— Нужно сначала мантру пропеть, сконцентрировать свою энергию, получить духовный код... Возьмитесь за руки, пройдите вверх по источнику, вы обретете крылья, вы вознесётесь... Увидите, как ваши тела наполнятся воздухом.

Ее не слушали.

Подождав, когда женщины обольются, процессия двинулись к церкви. Ни вопросов, ни разговоров больше не возникло. У храма простились с отцом Анатолием.

— Спасибо! — кто кланялся, кто просто благодарил.

— Спасибо, — тепло сказал мусульманин, приложив руку к сердцу.

Автобус отъехал. Священник ещё постоял, и пошел в дом.

В коридоре ждала свечница Ирина.

— Паломники все продукты оставили. Что привезли — ничего не поели. Батюшка, я отнесу Николаю? Один с пятью душами мается.

— Конечно, носи. А я поднимусь наверх, надо отчет закончить.

ЛЕСНИК

В этот отшельнический уголок приезжали те, кому прелести современной цивилизации хотелось забросить хоть на неделю, послушать живую природу, спеть у костра и попла-

---

вать в прозрачной речке. Дорога была каменистая, в гору, зато от стоянки автомобилей какой открывался вид! Внизу, буквально вспоров тайгу, неслась по камням река. Шум воды, мостик в три бревнышка... Спускались пешком по тропе, переходили по мостику, и там поразились ещё сильнее: за крепким бревенчатым ограждением стоял деревянный дом, палатки, длинный стол посредине поляны, лавочки, а немного поодаль — банька.

Хозяином этой роскоши был лесник Владимир Игнатьевич. Длинный, костлявый, но лицо как у женщины мягкое. Говорил очень мало, скупыми словами, и те, кто общался с ним, понимали, что это сугубо лесной человек.

Когда-то он жил в палатке, работал по две недели, но небольшая зарплата отпугивала людей, напарники часто менялись, потом он и вовсе остался один. Пришлось ему строить домик. Теперь и жена вместе с дочкой бывала летом, и народ наезжал. Кое-кто так по нескольку раз. Много поклонов и благодарностей принял Владимир Игнатьевич.

— Что вы, да не за что... — скромно моргал.

Ему оставляли продукты и деньги, смущая еще сильнее, но выходила из дома жена — большая, красивая, и всё забирала как должное.

— Чё ж, — говорила ему потом, — у нас как курорт. Там же ведь платят!

— Так ведь это... там не работают, а мне всякий раз помогают.

— Ты же не просишь.

— Стараются...

— А для кого? Для себя!

Приезжие сами построили баню, обнесли территорию крепкими лагами: мало ли кто из зверья вдруг ночью заглянет, перепугает детей. Хотя, кроме белок и зайцев, тут никого не бывало. Да еще птицы. Им иной раз специально ставили кашу на стол, и они безбоязненно к ней слетались. Овощные очистки кидались через забор, и там, к забаве ребят, пиروвали зайцы.

— Ты не жалея их, они же богатые, видишь, в каких машинах? — сердилась жена.

— Может, богатые, только не надо бы, Люда.

Нынешним летом в гостях был двоюродный брат Константин, живший в Саратове. Как ошалелый, бродил он по лесу! Запрокидывал голову в темных кудрях, смеясь над кедровками: кедры были увешаны шишками, и все-таки этим завистливым птицам казалось мало. «Крррэй! Крррэй!» — только и было слышно. Когда приближался, они начинали стра-

---

шать, мяукая кошками! Но отойдя, показав, что не будет тревожить, слышал нежное «фи-иу». Смеялся и над собой, приняв крик тетерева за петуха, решив, что поблизости тут жилие. Пока не увидел огромную чёрную птицу, мощно махавшую крыльями!

Всё увлекало его в лесу: дремучие ели, прыжки молодёнок белок с ветки на ветку, бурундучки, цветастые мухоморы в бархатном мху...

Вечерами присаживался за общий стол на поляне и вместе с другими шутил и смеялся. Поймав надоедного комара, выговаривал: «Дай я в глаза тебе посмотрю!» Однажды увидели странные высверки. «Что это? Что? — Помчались узнать, освещающая дорогу фонариками. — Поймали?» — «Ково поймали. Следит!»

Было немного жутко. Кто наблюдает за ними? Инопланетное существо? Но все оказалось проще — светодиодила личинка короёда.

Перемещались к костру и пели, а наглотавшись дыма, спускались к бревнам у речки, разговаривая вполголоса. Мелкие лягушата лезли к ногам, и кто-нибудь говорил: «Да поддай ты ему, чтоб в реке утонул».

Константин рассказывал брату, что видел и слышал за день, и не было конца-края его восторгам. Порой вместе с братом ходил на обход. Брали лопаты, специальные ёмкости с распылителем для воды — на случай пожара.

— Низовой пал бывает, — пояснял Владимир Игнатьевич. — Мшистая местность. Вот и следим... заливаем, окапываем. А если уж сильно, то в городе помощи просим.

— Не страшно тебе одному-то?

— Да звери ведь тоже боятся людей. Сначала, конечно, мне страшно было. Ружьё с собой брал, потом по привычке.

— Смотрю, и Людмила твоя тут как дома.

— Угу... Помогает. Она за продуктами ездит, садится в «Жигуль», да поехала.

— Мою бы жену не заставить, ей надо театры и рестораны.

— Есть деньги, так что же, пускай.

— Нету их, нету! Похвастаться любит. У них вся семья хвастуны. Тёща про дачу взახлеб говорила, ну, думаю, дача — картинка! Приехал, а там... курятники лучше бывают. Я тут в настоящем раю, Володя! Мирно, приветливо... В речку залезешь, вода ледяная, а выйдешь под солнце, сразу тепло!

Мимо шагали туристы, чтобы подняться к вершине горы. Владимир Игнатьевич раз предложил:

— Давай и тебя проведу, Константин? Завтра пойдём. Мне всё равно туда надо.

— А что тебе там?

— Да мхи. Там возгораний почти не бывает, но мало ли.

Утром пошли по горной тропе. Было похоже, что здесь пересохшее русло реки, прыгали с камня на камень. Скоро сменила тайгу лесостепь: могучие травы, султанчики синих цветов поднимались над ними. Потом началась лесотундра с изогнутыми деревьями, а дальше — тундра, где по колено осины, берёзы, сосны, а мох под ногами как дышащая подушка. Если нажать на него посильней, выдавливалась вода.

— Почему тут вода? — спросил Константин. — На самой горе.

— Подземные ручейки. Посматривай всё же. Может, дымок заметишь. Сушь ведь стоит.

Внимательно всё обошли, устали, сели перекусить. Солнце палило.

— И как ты здесь целыми днями ходишь? — мотнул головой Константин.

— Привык.

— Платят-то хоть нормально?

— Сейчас нормально, восемьсот рублей в сутки. А если в дожди, то снижают зарплату.

— Мол, делать нечего в дождь?

— Ну да.

Брат рассказал, что участок его — это личная собственность бизнесмена, что был марафон три года назад, гости перепились, не до конца загасили костёр, лес загорелся. Хватило бы одного рукава — погасить, но городская администрация ожидала дождя. Пока ожидали, сгорело двенадцать гектаров. Можно рубить обгорелые кедры и сосны, древесины целая, лишь кора опалёна.

— Гадство! — вырвалось у Константина. — Повсюду оно у нас!

— Ладно... — вздохнул Владимир Игнатьевич. — Хочешь попить? — подал пластиковую бутылку. — И дальше пойдём.

Подъём был крутым, пробирались между базальтовых глыб, и Константин представлял, что следом за тундрой будет ледник. Как удивился, внезапно увидев альпийский луг! Громадный, усыпанный невиданными цветами!

— Батюшки! — вырвалось.

— Весной приезжай, — улыбнулся Владимир Игнатьевич. — Уж я тут бывал по сто раз, а все равно дух захватит.

— Что там? — указал брат. — Вроде бы озеро?

— Озеро.

— А высота?

— Полтора километра над уровнем моря.

— Точно приеду! Останусь здесь жить!

— Пойдём, проведу к кресту.

Добирались минут пятнадцать. Прыгали куропатки, ничуть не боясь людей, ярко-зелеными пятнами выделялся золотой корень, от высоких белых цветов исходил чудесный медовый запах.

— Вот пасеку-то куда! — Константин посмотрел на брата.

— Не надо, — ответил он.

На кресте, когда подошли, была металлическая дощечка, и Константин прочитал:

«Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю. Господь — хранитель твой. Господь хранит тебя от всякого зла. Сохранит душу твою Господь. — Библия. Псалом 120.»

— Да это что же такое, Володя? Я только на днях подумал, как люди чисты здесь. Не с чего им озлобиться, нечем душу отягощать. Володя, ведь разные приезжают, а только никто не сказал тут грубого слова. Словно другая планета!

Брат опустил глаза, вспомнив, наверно, свою жену. Откуда вот в ней нетерпимость и жадность? И, видно, распутная баба — не раз Константин ощущал на себе ее взгляд.

Спускались назад осторожно, Константин уже сильно устал, боялся прыгать на шаткие камни. Когда добрались до дома, ноги его гудели, но счастье было бескрайним!

На другой день он начал расчистку речного дна. Вытаскивал камни, сносил на берег.

— Костя, на что тебе это? — села Людмила на брёвнышко, выказав крепкие ноги из-под халата.

— Будет бассейн. Видишь, купаться-то ходят куда? Со всем вода обмелела.

— Костя, а ты ведь похож на цыгана, — кокетливо протянулась она. — Такой кучерявый, красивый.

— Что на цыгана похож, то правда, а красоты во мне мало.

— Цыган! Цыган! — стала дразнить Людмила, делая ударение на первом слоге. — Цыган, ты любишь свою жену?

— Конечно, люблю. — Константин застеснялся, что он перед ней в одних плавках.

— А ты на гитаре играешь?

— Нет.

— А хочешь, сыграю тебе?

— Некогда, Люда.

Часа через два войдя в дом, у Константина спёрло дыхание: Людмила брякала на гитаре, а ее дочка плясала. Плясала в каком-то экстазе, тряся волосами, плечами и изгибаясь

худеньким тельцем. Было так гадко, так стыдно смотреть на этот припадок ребенка, что Константин отвернулся.

— Цыган, пляши! — приказала Людмила.

— Люда, ты что? Опомнись! — Он отшатнулся к двери, но Людмила, бросив гитару, загородила дорогу:

— Не нравлюсь? А жить две недели задаром понравилось?

У Константина задергались губы. Какое двусмысленное положение!

— Я завтра уеду, — сказал. — Деньги возьми хоть сейчас.

Но в эту минуту вошел Владимир Игнатьевич, держа в руках чашку с капустой.

— Туристы вот дали на ши, — улыбнулся.

— Ага, — протянула Людмила. — Картошку, капусту, бери, крохобор!

— Ты что? — округлил он глаза. — Люди от чистого сердца.

— Ты тоже от чистого сердца: мог бы деньгу зашибать, а живёшь как скотина! — Людмила в запале не думала, что говорит.

— Тварь! — муж, размахнувшись, ударил ей чашкой по голове. Квашеная капуста разлетелась по сторонам. Людмила упала на лавку, взывая о помощи.

— Костя, Алёнка, пойдёмте!

Всё было скомкано, опоганено.

— Володя, я завтра уеду, — сказал Константин. — Денег оставлю, возьмешь?

— О-оо, простонал болезненно брат. — Ты хоть не плюй мне в душу.

Последнюю ночь Константин не спал. Сидел за столом на поляне, смотрел на палатки и дом, синеватые в лунном свете. Падали пересохшие шишки сосны, журчала река, тени деревьев ложились округло... «Не надо пасеки», — вспомнились слова брата, и Константин согласился с ним. Да, не должно быть владельцев на райской земле, никакой меркантильности быть не должно. И больше уже ни о чем не думал, только сидел и слушал тихие звуки ночи.

ТИХОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

— Ну как же свадьба не нужна? Скажете тоже, тётка Таня! Очень нужна, и должна быть весёлой, а то моя однокурсница сделала свадьбу, так только жевали. Как кролики! Сидят и жуют, сидят и жуют! А у Насти свадьба была на «пять» — с тамадой, всякими фокусами... Настю Никита на

руках пронес по дорожке, — значит, равенство будет в семье. Жалко, что ты тогда уезжала...

— Раз хочется, делай, — махнула рукой Татьяна Михайловна. — Мне-то что? Я тебе тётка, не мать. Но всё-таки зря ты, Дашута, меня не слушаешь: лучше куда-нибудь вырваться на недельку вдвоем.

Тётка прошла в бывшую детскую, где лежало её пальто, ибо в прихожей вешалка чудом не падала от одежды. Старья тут висело без счета, а выкинуть было жалко: вдруг пригодится? Из тех же соображений в комнатах негде было ступить от давно отслужившей мебели, по коридору сложно пройти, лоджия хламом забита под потолок.

Забирая с дивана пальто, тётка словно вживую увидела, как валяется тут здоровенный парняга в татуировке; в зале пируют почтенные сослуживцы сестры, Дашута и Настя со своим женихом-аспирантом, а здесь, изгоем, давит пружины любовник Дашуты. Дашута носила ему кусочки бисквитов, алела, стараясь скорей исчезнуть, зато не стыдилась брать у него подарки. Мать у любовника торговала на рынке, была, очевидно, уверена, что сын её женится на Дашуте и ублажала её как могла: девушка из культурной семьи, скоро окончит вуз.

«Знала бы, что за «культура», — фыркнула тетка. — У Насти с пятнадцати лет мужики и больницы. С какими-то хиппи связалась, ходила в рванье, вся куртка в булавках, с фаллосом на косынке. Не дома ходила, не на тусовки, — по улицам! Правда, училась отлично. Но в школе ее называли ма-какой».

Татьяна Михайловна гневалась на сестру: зачем Дашута связалась с этим татуированным? Такая девочка славная, светлая...

— Ну, принято, чтобы у девушки был любовник. Он для здоровья, к тому же парни на девушек смотрят так: если ты никому не нужна, то и мне не нужна.

— Врешь! Ей девятнадцати нет, какое «здоровье»? А «ты никому не нужна» было и в наши дни. Что же ты никого не водила домой? И нечего плакать, Лида, ты виновата. Ты восторгалась, когда после первого курса преподаватель вручил Дашуте открытку с собственной надписью: «Пусть всегда будет у тебя спорт для здоровья и секс для души». Для души! Всего-то и надо душе? Ты хоть подумала? Нет, ты гордилась, что он к открытке ещё и книжечку приложил: как быть приятной мужчине при разных позах и кроме поз... И Настю ты довела до распутства. Именно ты! Кто ей внушал, что надо любить только себя?

Сестра психовала, бордовела, брызгали слезы, но доказать свою правоту было нечем. Как презирала ее Татьяна Михайловна! Они были с Лидой двойняшки, вместе росли и учились, вместе, когда наступила пора, влюбились: предмет вздыханий брал дополнительные уроки фортепиано у их отца, преподававшего в музыкальном училище. Первая с пареньком подружилась Татьяна. Стыдливо топтали они осенние лужи в кромочке льда, смотрели на звезды и говорили о пустяках. Сестра вмешалась к ним третьей, и вскоре Татьяна была нежелательна. Не умея отстаивать, выдирать для себя, она уступила. Увы, парень не чувствовал к Лиде расположения. Тогда в первый раз Татьяна увидела, как сестра, осознав свою подлость, может беситься: стыд заставлял ее плакать, кричать и бордоветь.

Они были разные. Татьяна — домашняя, книжная, Лида любила спорт, математику, физику, — в семье полагали, что Лида будет ученой и очень гордились ею. Не замечали её эгоизма, а он между тем углублялся.

Одевшись, Татьяна Михайловна вышла в прихожую. Выскочила Дашута.

— Тётечка Таня, ты на меня не сердись, мне хочется, чтоб как у всех. У Павлика тоже свадьба была.

— Ну да, и невеста там пела, помнишь? «Все мы бабы стервы, милый, бог с тобой! Кто у нас не первый, тот у нас второй». Прямо как у Высоцкого: «И пока жених корпел, кто-то крикнул между дел: «Кто из вас еще невесту не имел?»

— Ну, зато честно, — засмеялась Дашута.

— Тебе-то смешно, а мне какво? Я мать.

— А живут они дружно.

— Напелась, наверно. Ладно, мне время. И где Лида шляется? В восемь уже охрана приходит, никого в институте быть не должно, а сейчас полдесятого.

— Ты мне сошьёшь пелеринку? Я кроличий мех куплю, беленький, очень красиво будет. Когда на улице станем фотографироваться, я не замёрзну.

— Сошью.

Выходя из квартиры и дожидаясь лифта, Татьяна Михайловна морщилась: «Кролик на пелеринку. Будто бы денег нет. Эх, Дашка, Дашка! А это всё Лида, ее воспитание».

Уже на площадке около дома столкнулась с сестрой.

— Уходишь? — спросила сестра. — Я в магазине была: купила задешево килограмм сои. Полезнейший из продуктов, англичане тысячу лет едят. Нужно по ложке, всего только ложку, и сытость на восемь часов.

— Меньше бы слушала аферистов.

— А ты хоть задумалась, чем питаешься? Нет? Надо, моя дорогая. До завтра!

Они работали в одном НИИ: Лидия Михайловна занималась радиологическими исследованиями, сестра заведовала институтской библиотекой.

На автобусной остановке не было ни души, только светились окна ночного ларька. Татьяна Михайловна несколько раз обошла площадку, не умея спокойно стоять и ждать, заходила в ларек, ничего не купив, — и наконец подъехал автобус. Села к окну. Всегда старалась садиться к окну: через пять остановок будет родительский дом. Многие годы — при свете, без света, проезжая мимо него, она безошибочно видела те четыре родных окна, за которыми прошли её детство и юность. Отец теперь жил одиноко, матери не было. В последние годы с матерью что-то случилось: стала копить всякую рухлядь. Отец потихоньку выбрасывал, и тогда начинались скандалы. Каждая баночка и коробочка были у матери на счету, каждый негодный будильник и старые тряпки. Даже спросонок, наверное, знала, где что лежит. И так же, как Лида сейчас, пеклась о здоровье. Знакомая дама снабжала ее просроченными лекарствами, которые «годны еще», и в зале стояла большая коробка. «Вот и прикончила свою жизнь, — с тоской подумала дочь. — А Лидка прикончила жизнь Антону. Это же надо, в сорок пять лет, не военное время, — и дистрофия! И хоть бы слезинка скатилась по смерти мужа...»

«Заеду к отцу», — решила.

Выйдя на остановке, прошла в обратную сторону и вернулась во двор. Горький комочек приткнулся к сердцу — сюда наступали высотки, росшие как грибы: «Скоро исчезнет родимый дом. Как скоротечно всё!»

В подъезде были широкие лестницы из превосходной мраморной крошки, — за семьдесят лет ни одна не протерлась, — витые решетки перил, просторные коридоры. Ещё простоял бы сто лет этот дом, но кто же позволит, когда вместо трёх этажей можно воздвигнуть махину в пятьсот квартир.

— Вот молодец, что пришла! — встретил отец. — Давай, раздевайся, поужинаем.

Поставил в микроволновку плов.

— Книгу недавно прочёл о музыке Баха. Зачем люди пишут, чего не знают? «*Фуги гремели... Свет сзади оркестра делал фигуры музыкантов бесплотными...*» Фуги не имеют оркестрового сопровождения. Это же полифония.

— Много глупого пишут сейчас.

— Да в том-то и суть, что это давно написано. И автор был уважаем мною. Постой, принесу его книгу, я там закладки сделал. Грей пока чайник. Плов посмотри. Я утром его готовил.

Отец сходил в кабинет, принес злополучную книгу.

— Танюша, ты собирай на стол, я почитаю тебе. *«Я опять подумал о Бахе. И — совпадение — в доме поставили токкату ре минор»*. Это как же поставили? На попа, что ли? Или разыграли спектаклем? Но дальше слушай: *«Мелодия взмывает языками огня — и, как искры, рассыпаются аккорды... Великая сила есть в токкате, в ее могучих аккордах»*. Таня, аккорды — это твердая поступь, «искрами» могут сыпаться только звуки верхних регистров, да и то на фортепиано, орган — духовой инструмент. Великая сила токкаты ре минор не в ее «могучих аккордах», а в ее первых девяти звуках! Они были взяты Бахом случайно, как берёт любой музыкант, пробуя инструмент, но оказались в сочетании фантастическом. И Бах продолжил — прибавил еще семь звуков. А дальше пошла разработка.

— Напиши критическую статью в «Литературную газету».

— Думал уже. Но кто пойдёт против всеми признанного автора? А он, между тем, вознамерился определить, из чего же возникла музыка? Перебирает тепло, свет, огонь. Да нет же! Музыка возникла из боли. Больше ей не из чего было возникнуть, потому что выше человеческой боли нет ничего. Дочитал я рассказ, и мне расхотелось иметь этого автора в личной библиотеке.

— Ладно. Садись к столу, — улыбнулась дочь. — Вкусный плов получился.

— Потому что не думаю о калориях и о жирности. Каким-то холестеринотом страшат, будто можно прожить двести лет.

— А я у Лиды была, Дашута замуж выходит.

— Пусть не зовут меня, не пойду на свадьбу, — буркнул отец. — Был у Насти, уговорили. Какая сама, такого и мужа нашла.

«Уж это точно, — согласилась с ним дочь. — Как поженились, её Никита мгновенно оттяпал две комнаты, оставив Дашуте и Лиде бывшую детскую. Лида и тому рада — лишь бы не бросил Настю. Да разве бросит? Квартира в Челябинске, тёщины акции и сберкнижка... Сначала дождётся, чтоб теща преставилась».

— Ф-фы! — отец презрительно дернул губой. — Как это он заявил? «Если в России будет война, никто за родину воевать не пойдёт, народ уже не тот». Говорю ему: «Плохо ты думаешь

о себе». «Я обо всех», — отвечает. «А все — это разве не ты? Ты — не народ?» И всё они с Настей чего-то ломались: кушали только сыр с запахом прелых портянок, на конференцию в Томск он собирался с плачем — видишь ли, могут в вагоне быть вши!

— Взял с собой полиэтиленовую плёнку накрыть матрац. Зато, возвратившись, даже двух слов не сказал о науке, а только о ресторанах и ценах. Уехали, слава богу, в Москву за длинным рублём, дома спокойно стало.

— А у Дашуты парень хороший?

— Хороший.

— Образование?

— Высшее. Программист. Ты приходи, а то открестился от них.

Отец мотнул головой:

— Я там дышать не могу. Лидка в мамашу пошла. Только у матери это под старость случилось — тащить и копить, а Лидка смолodu тащит. Пусть приезжают сами.

Он после смерти жены кулями выкидывал мусор, не понимая, зачем это Шура копила, зачем разводила вечную пыль? Просторной души человек, быстро навел порядок. Форточки были открыты без опасенья «заразной» мухи, которая «вдруг залетит, сядет на хлеб и испортит кишечник»; тяжёлые шторы убрал.

— Танюша, они не заглянут ко мне. Надо же разориться на тортик. Очень смешно: с пустыми руками идти неприлично, а что-то купить — денег жалеют. Ты-то вот ходишь хоть как, ты понимаешь, что мне одиноко... — Глянул в окно, за которым светился фонарь. — Хоть бы зима поскорее кончалась! Не потому тягочусь я зимой, что старость подходит, я просто ее не люблю.

— Ты поиграешь мне?

— Да ради бога. Сегодня были студенты, я тоже играл. Душаю вот: замечательно быть педагогом — ты нужен долго.

Покончив с пловом и чаем, прошли в кабинет, и Михаил Викторович сел за фортепиано. Играл Шопена, которого дочь любила. Она любила и этот кабинет с широким ковром, книжными стеллажами, старинным диваном и такими же креслами. Здесь всё осталось как прежде, как было при матери, которой сюда запрещалось тащить «добро». Здесь вечерами они сидели все вместе, обсуждали новый спектакль или книгу, а то и просто болтали, о чём придется.

Слушая музыку, дочь листала альбом по живописи. Леви-тан, «Берёзовая роща», — что-то нежное, романтическое, очень схоже с шепеновскими ноктюнами.

— Таня, — сказал, закончив, отец, — оставайся, ночуй, я бутылочку раскупорю...

— И правда... Дома не ждут, муж на вахте.

Устроились в креслах друг против друга, пили сухое вино, и отец со смехом рассказывал, как был студентом.

— Чудесное время! Школа не так запомнилась, как студенчество. Порой на кильку и хлеб не хватало, но с шиком ездили на такси.

— И ложки украли в столовой, — напомнила дочь.

— Это не мы, это из Тулы ребята.

Дочери нравилось слушать его. Не было мелких тем, не было скуки. «Странно свела его жизнь с моей матерью, — думала. — Мамины интересы касались только семьи, врачей и диет, а отец — весь размах и душа».

Теперь каждый день в институтской библиотеке Татьяну Михайловну навещала сестра, делаясь новостями.

— Володя оставил квартиру, где жил, мне как-то не нравится это: я полагала, что после свадьбы он заберет Дашуту к себе. Заняли комнату Насти...

— Что же? Там, кроме мебели, нет ничего.

— А что нам Никита скажет? — сестра натурально боялась Никиты. — Мог бы отец принять молодых, но отказался! Устроить Дашуту с Володей в бывшую детскую? — там всё заставлено. В зале — диван не раскладывается. Да ещё мать жениха обещает приехать... Таня, возьми мою сватью к себе?

— Нет, не возьму. Выкинь свой хлам, и все образуется.

С хламом расстаться сестра не могла; наоборот, притащила домой обрубок березы с сучками, поставив в углу прихожей — шапки можно повесить. Будущий зять этот обрубок высмеивал каждый вечер, и Лидия Михайловна жаловалась сестре.

Та уставала от её жалоб, а она как будто не замечала ее потускневших глаз, и что отвечает сестра невпопад.

— Володя схватил мое мыло! Оно лежало для красоты. Мылась другим, а на это смотрела. Так и сказала ему. Думаешь, что он ответил? «Куплю вам три пачки, чтоб не смотрели, а мылись». Ведь это же издевательство!

— Выкинул в мусоропровод мочалку! Пусть она рваная, пусть! Но до конца же еще не истерлась!

— Зачем-то купил настольную лампу, а у меня — три настольные лампы, которые можно бы починить. И как он смеет перечить мне? Как смеет он издеваться: «Не сотвори себе кумира»! Это он про меня и Никиту...

Вскоре из Омска приехала «сватья», — румяная, мило-видная женщина. Встретили ее чаем, во время которого Дашута и мать обсуждали тему полупроводников, а Владимир молчал. Потом Дашута провела ее в бывшую детскую, вручили пачку журналов советских лет, и застелила постель. Уже перед сном подошла к ней хозяйка, присев в уголке. Спросила:

— Как вы доехали, Анна Матвеевна? Вы сейчас в отпуске?

— Нет, попросила без содержания. Очень хотелось увидеть вас, познакомиться...

— Вы с мужем в разводе, квартиру не стали менять?

— Она небольшая.

— Я думаю, Даша с Володей поженятся и могут уехать к вам, скрасят вам одиночество.

— Очень бы хорошо, только Володе сложно работу найти, здесь он устроился по протекции; а как бы я рада была!

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Утром Анна Матвеевна решила помочь хозяйке. В этой семье еду не готовили, обходились чаем, обедая на работе. Изредка в выходные Дашута варила манную кашу с вкраплениями колбасы. «Сватья» об этом конечно не знала, пошла в магазин и купила продукты. Думала, что порадует жареной курицей, но оценил её труд только сын. Дашута блюла фигуру, кормясь таблетками, хозяйка, вернувшись с работы, до курицы не дотронулась. С одной стороны, ей было стыдно, что не сама приготовила, с другой стороны, съесть, это значит на завтра идти в магазин, раскошелиться. Достала селёдку из холодильника, очистила луковицу и отрезала кусок хлеба.

Когда вскрыла вакуумную упаковку, кухню наполнила вонь.

— Мама, что там такое? — примчалась Дашута. — даже в комнатах пахнет!

— Я не чувствую. — Мать попыталась разрезать селёдку, но та разлезлась. И всё-таки ела. Со злостью и со слезами, вполне сознавая всю неприглядность картины.

— Мама! — опять вбежала Дашута. — Тебя же отправят в реанимацию! Немедленно выкинь селёдку, промой марганцовкой желудок!

Мать не ответила. Остатки селёдки она завернула в пакет и сунула в морозилку, — доест потом. Но через час началась сильнейшая рвота. Бегала в туалет, опрастывала желудок, не закрывая дверь, — страшная вонь заполнила всю квартиру.

— Господи, спаси и помилуй! — шептала Анна Матвеевна, не смея распахнуть форточки. Но распахнул ее сын.

Стало немного свежее.

— Я ехать должна, — сказала стеснительно «сватья». — Поезд придет в час ночи, билет купила заранее. — И заспешила собраться.

Она солгала, сын это понял, вызвавшись проводить.

Лидия Михайловна легла на диванчик в зале, ее морозило и мутило. Зазвонил телефон.

— Мама, Никита зовет! — окликнула дочь, взяв телефонную трубку.

— А? А? — мать безумно вскинула руки со скрюченными и растопыренными, как у Кощея, пальцами. — А? Минуту! — Сползла с дивана, доковыляла до телефона в прихожей, села на стул. — Что там, Никита? Все хорошо? В доллары деньги перевести? Сделаю завтра!

— Зачем от рублей избавляться? — спросила Дашута, когда мать положила трубку.

— Никита узнал, что доллар сильно подорожает. Вам тоже немедленно надо перевести, — обратилась к будущей сватье, и словно бы выздоровела.

Та посмотрела на сына, — было понятно, что переводить ей нечего.

Лидия Михайловна снова вернулась в зал, села в кресло-качалку любимого зятя, включила старенький телевизор. Грохот, визг тормозов, смятый в лепёшку автомобиль, автодорожная служба; дальше — кадры из морга, опознание трупов...

— Зачем вы смотрите это? — спросил, подойдя, Владимир. — Запросто можно свихнуться.

— Говори громче. — С тех пор, как он поселился у них, Лидия Михайловна стала «глохнуть».

— Зачем смотрите? — повторил он. — Есть же спокойные фильмы.

— Прикажешь, как страус голову прятать под мышку?

На кухне сидела «сватья», нетерпеливо поглядывая на часы.

— Пора мне, — вышла она в прихожую одеваться. — Желаю вам счастья!

— Постой! — отозвался сын, все так же стоявший в зале, с иронией наблюдая за будущей тещей.

Тоже оделся. Вызвал такси. Дашута их проводила до лифта и пригласила будущую свекровь на свадьбу:

— Мы телеграмму отправим вам. Омск ведь недалеко...

— Я постараюсь, — ответила та.

На улице было морозно. Пока ожидали машину, стоя возле подъезда, мать объясняла сыну, что дома собачка, оставила у соседки и беспокоится, потому и в гостях побыла недолго... Ни о «сватье», ни о Дашуте не проронила ни слова, считая бестактным вмешаться в чужую жизнь. Она и в такси, и потом на вокзале, говорила о мелочах. И лишь во втором часу ночи, садясь на поезд Челябинск — Чита, грустно вздохнула.

— Не волнуйся, всё будет как надо, — ответил Владимир на её вздох.

Ночь он провел на вокзале, утром пошел на работу, и, позвонив хозяйке квартиры, откуда недавно съехал, узнал, что квартира не занята. Свадьба не состоялась.

ПРЕСТУПНИК

— Встать, суд идет!

Истец и ответчики поднялись.

Молоденький мировой судья зачитал необходимое вступление, где главным было говорить правду и только правду, все сели, и он приступил к опросу.

— Истец, изложите, в чём заключаются ваши претензии.

Истец, невысокого роста, поджарый, кинул испепеляющий взгляд на ответчиков и патетически провозгласил:

— Призываю к суду и правде!

— Излагайте по существу.

— По существу будет так: весной я купил тридцать цыплят. Кормил, как положено, — он вынул листок из кармана, надел очки. — Творог — пятьдесят граммов на птицеголову, куриное яйцо — по половине в раскрошенном виде, отварное пшено по сто граммов...

— Чё же они не росли? — огрызнулась ответчица. — У Васьки куры как куры, а у тебя птицеголовы!

— Мария Павловна, прекратите! — призвал к порядку судья.

— А чё прекращать? Одни перья торчат.

— Я буду вынужден вас удалить.

Она умолкла.

— Продолжайте, Петр Гаврилович.

— Уважаемый суд! Сегодня двадцатое августа, и вы можете подсчитать, какой я понёс расход. Но где результаты и прибыль? Где?! — истец театрально взмахнул рукой. — Кот сожрал! Именно ихний кот! — указал на ответчиков. — За восемь ночей удушил тридцать штук! Уважаемый суд, в

«Деле» есть фотографии, можете видеть сами. Одну я держал в морозилке, как вещественный аргумент, но в суд меня с курицей не пустили, она за входными дверями, сбоку. Уважаемый суд! Если позволите, я принесу...

— Вот же дурра-ак! — не выдержала ответчица.

— Мария Павловна, выйдете! — распорядился судья.

Она недовольно вышла.

— Скажите, истец, вы видели сами, как кот душил?

— Этого я не видел. Мы с Сёмой ходили. Сёма — сосед, он сварщик, надел специальные рукавицы. Кот очень хитрый, не появился, но у меня фотография есть, как он крадется к нам по забору.

— Не кот подушил твоих кур, а ласка, — буркнул ответчик. — У нас в позапрошлом году сразу четыре ласки залезло в курятник. Три ласки кот изловил, детеныши, а за четвертой гонялся два дня. Всё брюхо было в смоле, — в лес, выходит, загнал, на дерево лазил. Только не знаю, поймал или нет.

— Зверь у тебя, а не кот! — вскрикнул истец. — Ещё к индюкам моим подберется! Знаю, как он куриные лапы жрёт! Как пёс! Уважаемый суд, ответчик кормит куриными лапами пса, а кот их жрёт!

— Хищник, — согласно кивнул ответчик.

Дверь в кабинет приоткрылась:

— Можно войти? — спросила ответчица.

— Заходите.

— Пока я стояла на улице, встретила нашего ветеринара. Он говорит, что кот никогда не задушит куриц, уж если крышу только снесло. Пригласите его, он ожидает, а то у Петьки зудит содрать восемь тысяч. Ишь, богачей нашел! Да я тебе даже рубля не дам! У меня вся скотина как люди! На остановке меня встречают! Пёс Спиридон, кот Никифор и свинка Зося. Корова с теленком не ходят встречать, они с пастухом.

— Была ли какая-то курица съедена или обглодана? — задал вопрос судья.

Истец опустил голову: нет.

— Суд удаляется на совещание.

— Ветеринар сам сказал, что не будет мой кот душить! — вцепилась в истца ответчица. — Выйди на улицу, выйди, он там стоит!

— Ты заплати мне пять тысяч, и разойдемся, — промямлил тот.

— На! — сунула кукиш ответчица. — Кот на забо-ооре гулял! Он вольный, за ним жена не следит. Где хочет, там

и гуляет! Мой кот не голодный, как твои куры, я кормлю не по норме...

— А что ты пристала к моей жене?

— Я к ней пристала?

Они препирались, пока не вошел судья.

— Встать, суд идет! — сказала его помощница.

Судья зачитал заявление истца, законы, параграфы, пункты, подпункты, — слушали напряжённо.

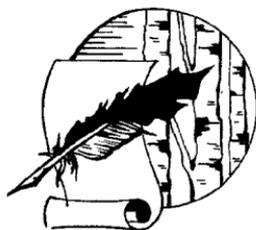
Затем произнёс своими словами:

— Исходя из того, что куры были задушены, но не обглоданы, кот оправдан. Обжаловать решение можно в вышестоящей инстанции.

Весь покраснев и раздувшись как провансальский петух, истец рванулся вперед:

— Уважаемый суд! Я позабыл вам сказать, что Мария Погудина и Михаил Одинцов не расписаны!

г. Губаха Пермского края

Валерий ХАТЮШИН

ОТРАЖЕНЬЕ

НЕ ТОРОПИТЕ ЖИЗНЬ

(Триптих)

1

Не торопите жизнь, она сама — мгновенье.
Как отошедший снег, отцветшая сирень...
День, канувший во тьму, без вздоха сожаленья —
забвенью отдаем, встречая новый день —
И так спешим догнать мечту, удачу, голос,
куда-то день за днём с тоской зовущий нас, —
и видим впопыхах, как солнце расколосось,
а свет его в глазах затмился и погас...

2

В морозной полумгле, в вечернем полусвете
у входа в сонный парк блестит февральский снег...
Душе твоей, мой друг, слова смешные эти
неведомо зачем запомнятся навек.
Я брёл среди людей, своей звезде послушный,
и пел я не как все, и путь мой был — иной...
Уйдя, я не уйду, мой друг равнодушный.
Прочти мои стихи — услышишь голос мой.

3

Меня не станет здесь — всё будет, как и было:
цветы весной — цвести, и птицы — щебетать,
и ветер в ноябре опять споёт уныло...
Но всё ж чего-то здесь вам будет не хватать.
Чего не передать обычными словами,
что брезжит, словно луч, над сумраком скользя,
что грезится во тьме бессонными ночами,
чего не изъяснить, но что забыть нельзя...

---

* * *

Как ни грустно говорить об этом,
в снах растаял *белых яблонь дым*.
Юноша, мечтавший стать поэтом,
стал уставшим, хмурым и седым.

Было всё: любовь и ласки женщин,
хоть ни с кем покоя не обрёл,
только с Божьим Промыслом, не меньше,
сто смертей и бед переборол.

И весною шестьдесят восьмью —
отпускаю то, что не сбылось.
Я теперь живу мечтой другою,
шелестя остатками волос.

Невозможно той мечте не сбыться —
я, как прежде, стану молодым,
и опять, конечно, мне приснится
этот нежный *белых яблонь дым*...

* * *

Чего хотеть всезнающей душе?
Какого ждать никчемного итога?
Когда слова все сказаны уже,
когда никто не нужен, кроме Бога.
Когда твоё молчанье слышит Он.
Когда не надо ни любви, ни света...
Ты яркой болью сердца освещен.
Любовь людская смертна для поэта.

Бесследно сгинут лишние слова.
С тобою звёзды говорят негромко.
Подруга жизни — подлая молва
запрячет боль твою к себе в котомку.
Не жди любви. Лишь Он — твой главный суд.
И лишь к Нему в веках твоя дорога.
Ты победил, Ему вручив свой труд,
коль вырвался из этих грешных пут
и ближе стал к Нему хоть ненамного.

---

* * *

Одинокое облако в небе ночном,
одинокая рядом звезда...
Не жалеть ни о чём, не грустить ни о ком
я, увы, не умел никогда.

И жалел, и грустил, и любил, и желал...
Не хватало и слёз, и вина...
Столько сердца истратил и слов расплескал,
что теперь на душе — тишина.

Но как прежде, как прежде, грустят обо мне
уходящие вдаль поезда
и белёсое облако в тёмном окне,
и манящая эта звезда...

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПАСХА

Пробуждение жизни в природе.
Просветление неба и глаз.
Воскресение сердца приходит
для неверием скованных нас.

Алый цвет первомайских полотнищ!
Воздух мёдом листвы напоён!
Ветер в шуме зелёном полощет
колокольный малиновый звон!

Свежий шорох прозрачных фонтанов,
и яичко в руках у детей...
Золотое волненье тюльпанов,
изумрудная дрожь тополей...

Солнце дарит несметную ласку,
мотыльки серебрятся в траве...
Мир справляет весёлую Пасху,
и на церкви сияет «ХВ».

* * *

Последний аромат
сирени возле дома
доносится в моё
открытое окно.

А в воздухе висит
вечерняя истома,
волнуя и пьяня,
как сладкое вино.

Последний аромат
угаснувших соцветий
то воскресил в груди,
что умерло давно...
Слеза туманит взгляд
за весь мой путь на свете
и на губах горчит,
как терпкое вино.

Последний аромат
весны, мелькнувшей мимо,
состарил этот год
со мною заодно.
Закатный час падёт
в рассветный час незримо
и сердце оживит,
как нежное вино...

* * *

...Ангелы вышли из огненной пыли
и растворились бесследно во мраке...

...Два самолёта свой груз отцепили
над Хиросимой и над Нагасаки.
И развернувшись, ушли на Бермуды,
скрылись в безумии позавчерашнем,
чтобы в наш век, прилетев ниоткуда,
точно вписаться в нью-йоркские башни...

* * *

Половина лета — позади.
И в запасе — половина лета.
Грусть моя, не надо, подожди —
песнь тепла и света не допета.

Долгожданным светом и теплом
напитаться дай глазам уставшим,

чтоб я мог, в холодном и чужом,
выжить в этом мире одичавшем.

Чтоб дрожащей на ветру листвою,
на лугу берёзкой сиротливой
и водой реки неторопливой
укрепил я дух ослабший свой.

Чтобы память о сырой траве
мне была бы голосом бодрящим,
о шмелях, о мхах, о муравье,
с удивленьем на меня глядящим...

МОБИЛЬНЫЕ ЗОМБИ

Идут, уставившись в мобильники,
вокруг не видя ничего,
в ушах — наушники-дебильники,
рабы безумства своего.
А этот мир? Да словно нет его!
они, довольные собой,
уже ушли из мира этого
в мир невозвратный, в мир иной...
Он зазеркально, соблазнительно,
зазывно манит каждый взгляд...

Упорно, ярко, упоительно
в себя затягивает ад.

* * *

В одно единое не слиты,
но тщась невзгоды превозмочь,
заветным языком молитвы
мы просим Бога нам помочь.

За веком век упорно просим,
ответа ждём хоть одного...
Спасенья искру в сердце носим,
не слыша голоса Его.

Мы ждём ответа, ждём ответа —
с тоской, с надеждой пополам...

И Словом Нового Завета
Бог отвечает грешным нам...

КТО?

Одни из нас — давно в фаворе,
в своих делах валютных — профи.
Другие — с жизнью в вечном споре
спасают нервы крепким кофе.

И каждый грешный — явит вскоре
лица угасший, острый профиль.
Но кто — с надеждой на Фаворе?
И кто — с молитвой на Голгофе?..

* * *

И познаете истину,
и истина сделает вас свободными.
Иоанн (8; 32)

Сияет Слово, как звезда
на неприютном небосводе...
Под светом грозного Суда
познавший Истину — свободен.

Оставьте мёртвым их гробы.
Лишь тот Всесильному угоден,
кому не страшен меч судьбы.
Познавший Истину — свободен.

Поверь, художник, в путь к Нему.
Без этой веры ты — бесплоден.
Но, не подвластный никому,
ты с Ним — воистину! — свободен.

* * *

Когда со мной наедине
в ночной усталой тишине
лиц проплывают очертанья, —
спешат ко мне воспоминанья.

Моих любимых голоса
зовут меня из дальней дали,
я вижу, полные печали,
большие чёрные глаза...

И каждый свой неверный шаг
как будто снова совершаю,
и горьких слов сырой сквозняк
опять всей кожей ощущаю.

Душевной музыки разлад,
и безнадежных слёз обряд,
навек прощанье и прощенье...

И матери я вижу взгляд
в моём зеркальном отраженье...

* * *

Пока открыты царские врата,
я устремляю взгляд к Его распятию,
молитву шепчут бледные уста,
а сердце грешной сковано печатью.

И силы нет оковы разорвать.
Но шепчут губы главную молитву:
«Услышь, Всесильный Боже, эту битву,
из сердца вырви адову печать!»

Творят молитву слабые уста...
Свеча в руке трепещет, догорая...
И недоступный вижу отсвет рая,
пока открыты царские врата...

* * *

Когда уходят ласковые дни,
ты знаешь — это жизнь уходит с ними.
И ты по ним без ропота вздохни.
Тоска смертельной немощи сродни.
Гони ее минутами слепыми.
Когда уходят ласковые дни...

Что ж, может быть, последнее тепло
тебя хранит последним этим летом.

Оно пока еще не истекло,
и солнце лишь на краткий миг зашло,
чтоб растопить тоску твою с рассветом.
Да, может быть, последнее тепло...

В твоей душевной памяти оно
тебя не раз утешит и согреет.
Нам всё, что было, встретить суждено...
Хоть и уснёшь навеки, все равно
не раз тоску смертельную развеет
в твоей душевной памяти оно.

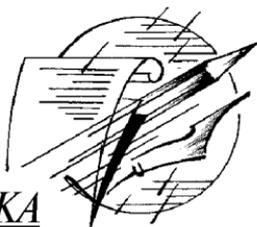
Смакует август ласковые дни.
В зелёном сквере — щебет воробьиный.
Цветы на клумбе — яркие огни.
Не верят в скорый листопад они.
Как ты тоске не веришь беспричинной...
Считает август солнечные дни...

ТРИ ДНЯ В АВГУСТЕ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО БЕЗЗАКОНИЯ

25 лет назад, в августе 1991 года на подмостках московского театра политических действий появились танки, а затем на одном из них с «эстрадным номером в разговорном жанре» выступил Борис Ельцин. Насколько срежиссированными и в чем именно были те события, историки спорят до сих пор, но то, что они привели к реальной трагедии для страны и народа, уже мало кто сомневается.

Поэт в свое время сказал: «Лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстояньи». И, казалось бы, по прошествии стольких лет нам сегодня должно стать кристально ясно — что это было? Что за шоу устроили путчисты, вместо того, чтобы навести порядок, почему не арестовали Ельцина и разрешили ему гулять по танкам и выступать по ТВ? Почему молчал, как узник в железной маске, якобы больной Горбачев? И чем же руководствовался Ельцин «всёя Руси», взобравшись на танк?

Да, «большое видится на расстояньи», но со временем события тех дней выглядят все более и более загадочно, хотя и сегодня многие пытаются представить все так, будто в 1991 г. Ельцин

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

был борцом за добро и справедливость, а путчисты пытались незаконно власть отобрать и совершить госпереворот.

Но на самом деле госпереворот не пытался, а совершил - Горбачев; а развал СССР — демократ и тогда персонаж положительный — Ельцин. Выходит, путчисты — герои? Да и какие они путчисты? Это были высшие чиновники, руководители страны. Да и «переворот» они, как теперь выясняется, согласовали с Горбачевым, который, отправляясь на дачу в Форос, сказал: «Делайте, что хотите». Другие исследователи говорят, что у КГБ была договоренность с Ельциным — он должен был сместить Горбачева.

Имел ли место заговор с целью переворота? Да, безусловно. Только с координатами ошибочка выходит. Переворот начался за год до горячих дней августа. Третий съезд народных депутатов СССР в марте 1990 г. избирает президентом СССР Михаила Горбачева. Выборы — не всенародные, а делегатами съезда. Съезд изменяет формулировку 6-й статьи Конституции СССР. Теперь не КПСС является «направляющей и руководящей силой советского общества», а «КПСС, другие политические партии, так же как профсоюзные, молодежные и другие общественные организации... принимают участие в выработке политики советского государства».

«Я в августе 1991 г. был крайне либерален, поэтому я, конечно, оценивал тогда происходящее в Москве как государственный переворот, — рассказывает публицист, политический консультант Анатолий Вассерман в беседе с Накануне.RU. — Думаю, что и сейчас это можно по формальным признакам квалифицировать именно как государственный переворот. Но, по сути, это была как раз попытка предотвратить государственный переворот. Конечно, тогда действия Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) были достаточно явным нарушением действующих в тот момент законов, но сами законы были, мягко говоря, крайне сомнительны и запутаны, поскольку в ходе перестройки то и дело менялось все, что только можно поменять — законы сами противоречили друг другу и поэтому оправдать можно было любой вариант дальнейшего хода событий. Точно так же именно в силу противоречий этих законов был непонятен правовой статус готовившегося нового Союзного договора, и, по сути, руководство ГКЧП как раз и начало действовать накануне его подписания, понимая, что он подорвет всю существующую юридическую базу».

Как это стало возможно? Здесь нельзя не вспомнить такую злокачественную опухоль в государстве, как антисо-

---

ветски настроенная часть позднесоветской элиты. И если до 1985 г. ее контакты с границей — даже на высшем уровне — были ограничены, то в процессе перестройки встречи между сторонами стали особенно частыми. Интенсивно координировали свои действия с заграничными коллегами лидеры т.н. «демократической оппозиции», являлись ли они всего лишь «шестерками» для преследующих свои интересы западных идеологов Холодной войны, по глупости ли они вступили в предательскую связь, умышленно ли их интересы просто совпали — теперь трудно сказать. Скорее всего это была выгодная комбинация, и со временем эти «глашатаи перестройки» и «жрецы демократии» приобрели статус «агентов влияния».

Через сеть представительств Института Крибла и подобных ему учреждений инструктивную подготовку агентов влияния прошли сотни человек, составивших кадровый костяк разрушителей СССР и будущего режима Ельцина: Г. Попов, Старовойтова, Полторанин, Гайдар, Явлинский, Чубайс и другие «теневики» из окружения Ельцина, в частности, руководитель его предвыборной кампании в Екатеринбурге — Урманов, видные журналисты и работники телевидения. Таким образом, в СССР была сформирована «пятая колонна», существовавшая в составе Межрегиональной депутатской группы и «Демократической России».

Достоверно известно, что мистер Горбачев из сводок КГБ СССР знал о существовании специальных учреждений по подготовке агентов влияния, известны ему были и списки их «выпускников». Однако он ничего не сделал, чтобы прекратить их деятельность. Дж. Сорос еще в 1987 г. организовал так называемый «Фонд Сороса — Советский Союз», из которого позднее вырос советско-американский фонд «Культурная инициатива», имевший откровенно антирусский характер. Из средств щедрого «мецената» оплачивалась антирусская деятельность политиков, сыгравших трагическую роль в судьбе СССР, и в частности, Ю.Афанасьева. В 1990-м Сорос финансировал пребывание в США группы разработчиков программы по разрушению советской экономики «500 дней» во главе с Явлинским, а позднее и членов «команды Гайдара» (когда они еще не были в правительстве).

Потому законотворчество Горбачева перед событиями 1991 г. не встречало сопротивления, а, наоборот, агентами влияния приветствовалось. 24 мая 1991 г. были приняты изменения к конституции РСФСР по названиям автономных республик (АССР) — из них было убрано слово «автономные» и они стали именоваться как Советские Социалисти-

---

ческие Республики (ССР) в составе РСФСР, что противоречило 85-й статье Конституции СССР.

3 июля 1991 г. в конституцию РСФСР вносятся изменения статусов Автономных областей на Советские Социалистические Республики в составе РСФСР (кроме Еврейского АО), что противоречило 87-й статье Конституции СССР. Политики готовились к созданию нового Союза Советских Суверенных Республик (СССР). Именитые юристы того периода, которые делали анализ этого документа, сразу сказали, что фактически этот новый Союзный договор — де-юре и де-факто является приговором существованию единого Советского Союза. Вся эта информация не была доступна простому обывателю, потому что ее не публиковали в газетах, не озвучивали на радио и телевидении. То есть наши люди просто были введены в заблуждение.

А каким было желание народа? В марте 1991 г. состоялся известный референдум, на котором более 76% населения страны проголосовали за сохранение СССР.

«Новый Союзный договор, вообще сама эта тема впервые возникла еще на XIX партконференции в 1988 г. Ее активно пробивал небезызвестный товарищ Яковлев, один из главных архитекторов перестройки, агент влияния, ему в этом вопросе подпевали Медведев и Шеварнадзе, даже была принята резолюция по национальному вопросу, и вот именно с этого момента начинается фактически развал Советского Союза через создание так называемых движений в поддержку перестройки, — рассказывает автор учебников по истории России Евгений Спицын. — Например, на Украине это Рух, в Литве — Саюдис, в Эстонии — Народный фронт и так далее. Возглавили эти структуры совершенно откровенные русофобы, персонажи, которые при Брежнев и Андропове вообще вякнуть не могли, а теперь этих ребят активно поддерживал и курировал напрямую Александр Николаевич Яковлев, который всячески убеждал Горбачева в том, что эти националистические движения — это есть проявления некой гражданской зрелости, народной инициативы. Дескать, все эти движения — это движения в поддержку перестройки, и опасаться их не стоит, и власть, более того, должна с ними активно сотрудничать. Это была, естественно, дымовая завеса. Когда эти ребята уже овладели умами интеллигенции и простого обывателя, — дело было сделано. А дальше — уже чисто технические обстоятельства, и здесь, естественно, паскудную роль сыграла «Демократическая Россия» и Межрегиональная депутатская группа, где окопались все лидеры так называемой российской оппозиции. Я считаю, что в развале Советского

Союза ключевую роль сыграли не столько эти националистические движения в республиках, сколько руководство МДГ, Ельцин и Горбачев. Вот — главные виновники развала Советского Союза. А остальные уже сыграли роль гробовщиков».

Отвлекающим маневром, который мешает разобраться в преступности событий «тех дней в августе», является заклинание: «Советский Союз был обречен». Якобы реформировать систему собирался еще Андропов, он же для этих целей сделал ставку на Горбачева. Но теперь сложно сказать, насколько точно был воспроизведен план Андропова и вообще — какой был план (хотя известно, что Горбачев, не обладавший качествами умелого хозяйственника и лидера великой страны, действительно был переведен в Москву в конце 70-х именно по протекции Андропова). Но главным тезисом, которым до сих пор пользуются либералы, всё тот же: СССР якобы был экономически обречен. Однако взглянем на факты. Наша экономика на сегодняшний день демократический и рыночно-свободный день (по прошествии четверти века либеральных реформ) — 1—1,5% от мировой, а Советский Союз был второй экономикой в мире.

«Кризисы у нас начались с целым пакетом решений, принятых политбюро и союзным правительством. Я имею в виду, например, разрушение такой фундаментальной основы советской экономики, как монополия внешней торговли. Ведь именно союзное правительство разрушило этот основополагающий принцип, когда сначала разрешила в экспериментальном порядке около 60 предприятиям самостоятельно выходить на мировой рынок и вести внешнеэкономическую деятельность. Дальше, например, законы об индивидуальной трудовой деятельности, о кооперативах — это тоже сознательная политика на разрушение сталинской модели экономики. Снятие всех ограничений по фондам заработной платы — то же самое. Если смотреть по решениям политбюро и по постановлениям союзного правительства, там прямо пошагово можно увидеть, как шло сознательное разрушение и разбалансирование, в том числе и финансового рынка товаров. Ведь дефицит на потребительском рынке возник совершенно искусственно, он возник в результате принятых решений», — отмечает Евгений Спицын.

Что касается Союзного договора, то документ не устраивал обе противоборствующие в верхах стороны. Государственники (которые вошли в ГКЧП) понимали, что это путь к развалу страны, который произойдет в ближайшие два года. Сторонники же развала считали новый документ недо-

---

статочным. При формировании обновленного СССР было бы слишком легко отстранить Горбачева от власти и вернуть систему к прежним порядкам.

Складывалась ситуация, когда нужно было не допустить подписание Союзного договора — для этого «путчисты» объявили режим ЧП, а Ельцин рванул в Белый дом. Хотя, по мнению историков, на Ельцина рассчитывали не только зарубежные силы, на него сделал ставку КГБ.

«Верхушка руководства партии и государства — просто заигралась. Там свою долю вины несут все участники этих событий: и Горбачев, и Ельцин, и руководство ГКЧП. Потому что сейчас совершенно очевидно, что когда ряд членов ГКЧП еще до введения ЧП приезжали к Горбачеву в Форос, то, вероятнее всего, он им дал, конечно, отмашку на наведение порядка в стране, но в привычной для него манере — махнул рукой, мол, «делайте, что хотите», — говорит Евгений Спицын. — Это характерная черта поведения Горбачева. С другой стороны, есть довольно убедительная версия о том, что этот путь стал результатом сговора между руководством КГБ и Ельциным. Эту версию, в частности, озвучил известный петербургский историк Александр Островский».

Согласно ей в конце 90-го или в начале 1991 г. часть руководства КГБ, в частности, председатель КГБ Крючков, руководитель первого главного управления (это разведка) генерал-лейтенант Шебаршин и начальник аналитического управления генерал-лейтенант Леонов решили разыграть следующий сценарий — отстранить Горбачева от власти и поставить на его место Ельцина. Потому, что они прекрасно знали, каков Ельцин по своему характеру, по своему стилю управления. *«Это человек, который, если возьмет высшую власть, то никогда и никому ее не отдаст, он будет стоять за эту власть до конца и, если надо, то прибегнет и к реальной силе для подавления любого сопротивления. Но в самый последний момент Ельцин, который панически боялся КГБ, просто их «кинул», — объясняет Евгений Спицын.*

В результате сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в ночь с 18 на 19 августа вводится режим ЧП, создается государственный комитет, в состав которого входит высшее руководство страны, начиная с вице-президента Янаева, премьер-министра Павлова, министра обороны - Язова, председателя КГБ Крюčkова, министра внутренних дел Пуго, заместителя руководителя Главного Военного совета Бакланова и т.д. О каком перевороте идет речь, когда о создании ГКЧП говорили высшие руководители страны, побывавшие у Горбачева?

А с другой стороны, совершенно непонятно противодействие этому процессу со стороны руководства Российской Федерации. Когда ГКЧП начал выполнять согласованные и порученные им действия, Ельцин объявил их изменниками и путчистами. А вслед за ним — это повторил и весь мир. А что Горбачев? Ряд экспертов просто не верят в версию о «заточении». В августовские дни 1991 г. один из питерских журналистов дозвонился до дачи генсека по обычному телефону. На улицах Москвы внезапно появились толпы людей, подстрекаемые провокаторами. Начались столкновения людей с бронетехникой перед телекамерами западных каналов, и на алтарь свободы пролилась «священная кровь демократов» (на которых никто и не нападал) — и ГКЧП автоматически получил статус «путча».

После порвала ГКЧП процесс развала СССР (та самая «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века», по выражению В. Путина) стал логичным завершением начатого. Но ведь был и референдум — где люди ясно высказались «за» сохранение страны, и по всем нормам права — нашего и международного — всенародное голосование является высшей формой проявления демократии. Любые органы государственной власти должны действовать исходя из итогов референдума, все законодательные акты, которые входят в противоречие с итогами этого плебисцита, должны либо отменяться, либо приводиться в соответствие с ними. Но об этом быстро забыли. Когда мистер Горбачев вернулся в Москву, началось полное торжество беззакония.

«Начались аресты руководителей ГКЧП, того же Крюкова, Язова, Павлова и других. Они, помимо того, что были руководителями силовых ведомств, входили в состав правительства — Павлов вообще был главой правительства. Арестованные были депутатами Верховного Совета СССР, обладали депутатским иммунитетом неприкосновенности — их арестовывать без согласия Верховного Совета вообще нельзя было, — говорит историк Евгений Спицын. — Дальше, их арестовали не по ордеру Генеральной прокуратуры СССР (они ведь были высшими должностными лицами именно Союзного правительства), а по ордеру генеральной прокуратуры РСФСР, то есть генеральная прокуратура превысила свои полномочия. Дальше, Горбачев не имел права снимать их с должности без одобрения Верховного Совета, это было прописано прямо в Конституции — назначение и отстранение от должности членов кабинета министров происходит только с согласия Верховного Совета. Дальше вообще песня — своим указом Михаил Сергеевич распустил такой конституци-

---

онный орган, как кабинет министров. Он вообще не имел права этого делать — не его прерогатива. И в данном случае Горбачев не просто нарушил Конституцию, он фактически как гарант Конституции дал старт нарушению всех возможных норм Конституции и законодательных актов. Его уже тогда только по этим обстоятельствам можно было смело отрешать от должности, объявлять ему импичмент и заводить на него уголовное дело».

Действия ГКЧП были, безусловно, продиктованы лучшими намерениями, но исполнение было никуда не годным — начиная с дрожащих рук перед телекамерами и заканчивая введением танков.

«Намерения ГКЧП были, несомненно, очень хороши, более того — то, что они обещали сделать для граждан страны, еще за год до того было пределом мечтаний. Но страна ушла дальше, хотя, как выяснилось после этого — ушла дальше по направлению к обрыву, и то, что они обещали, уже никто не принимал всерьез, — говорит Анатолий Вассерман. — Действовали они бездарно и в чисто организационном отношении, я уж не говорю о том, что не были задержаны потенциальные вожди сопротивления, но, совершенно незачем было вводить танки в столицу. Это только озлобило людей. А вдобавок, когда техника уже уходила, произошло столкновение — три человека погибли под одним из бронетранспортеров. И это опозорило всю затею настолько, что после этого ГКЧП воспринимали как убийц, хотя уж чего-чего, а намерения убивать у них точно не было».

Август 1991-го стал прологом к октябрю 1993-го, когда танки по приказу Ельцина стреляли по зданию Верховного Совета. «Свидание с демократией» привело к гибели и ранениям сотен гражданских лиц — противников ельцинской клики, но это уже не волновало «реформаторов».

Ельцин пришел, чтобы взять власть любыми средствами, изъять собственность у народа и передать ее в руки приближенных.

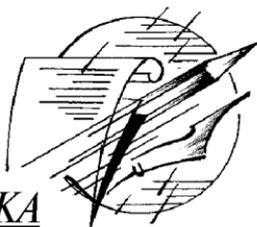
«СЛУЖЕБНЫЙ ЧЕЛОВЕК» КАК ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Сторонники генно-модифицированных продуктов (ГМО) в оправдание своих действий всегда выдвигают «коронный» аргумент, что население Земли с каждым годом стремительно увеличивается, а число голодающих в мире столь же бурно растёт.

Эта мистификация берёт свои истоки в теории англичанина Томаса Мальтуса, утверждавшего, что улучшение условий жизни человека и удлинение её продолжительности неизменно приведёт человечество к скорому перенаселению планеты и всемирному голоду.

С момента своего появления в восемнадцатом веке мальтузианство весьма укрепило свои позиции как целое направление в планировании стратегий развития цивилизации и стало удобной ширмой для прикрытия разного рода непопулярных намерений. Одной из таких стратегий стало создание ГМО как дешёвого и производительного корма для победы над «всемирным голодом».

При создании генно-модифицированных продуктов в ДНК растения вводят тот или иной ген другого организма

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

(например, скорпион — к томату), что позволяет придать ему новые качества — засухоустойчивость, устойчивость к вредителям, нечувствительность к гербицидам, урожайность, отсутствие гниения при хранении и т.п.

Противники ГМО справедливо опасаются негативных последствий употребления ГМО-продуктов для человека: онкологических заболеваний, бесплодия, уродств новорожденных и др. — всего того, что уже было установлено в опытах по влиянию ГМО на живой организм, в частности, в экспериментах на крысах.

И вот сравнительно недавно генетики объявили, что предлагают миру новую панацею, другой вариант генной инженерии — технологию CRISPR, которая «обещает революцию не только в медицине, но и в сельском хозяйстве».

Технология CRISPR — способ направленного редактирования геномов. Сторонники новой стратегии «борьбы с голодом» утверждают, что в этом случае в растение не внедряется «чужой» ген, а вносится правка в его собственный геном, но и тут речь, по-прежнему, идёт о вторжении в природу.

Ряд экспертов считает, что с помощью технологии CRISPR вряд ли удастся создать культуры, которые устойчивы к сорнякам или вредителям. Это лишь может позволить получать растения, к примеру, с разными вариантами углеводов.

По мнению общественности, важным тут нужно считать сам принцип придания теме ГМО позитивного контекста, что в ситуации неподготовленности и неинформированности общества позволит через какое-то время распространить эту положительную оценку и на сферу работ по созданию продовольственных растений со скрещиваемыми геномами растений и животных, и на опыты по «улучшению человека».

Франкенштейны нового времени

В феврале 2016 года научный мир облетела новость, что в Англии начнётся использование технологии CRISPR/Cas9 для редактирования генома эмбрионов человека — такое решение было принято Британским государственным агентством HFEA (Управление по эмбриологии и искусственному оплодотворению).

Великобритания стала первой из западных стран, официально разрешивших применение технологии редактирования генома по отношению к человеческим эмбрионам. При этом утверждалось, что ученые будут обязаны уничтожить полученные ГМ-эмбрионы в течение 14 дней после их получения; также пока запрещено подсаживать их женщине для вынашивания.

В апреле минувшего года аналогичная работа прошла в Китае в университете Сунь Ятсена, но в связи с этической составляющей эксперимента она вызвала бурную негативную реакцию научного сообщества.

Биоинженеры уже оценили новое направление и массово устремили на него свои усилия. Прежняя методика предполагала слепое встраивание гена в цепочку ДНК (куда попадёт — туда попадёт), и результат, соответственно, был весьма ограниченным — лишь для получения нового свойства, например, усиленной выработки гормона роста у ГМ-лосося.

Технология редактирования генома CRISPR позволяет, по мнению учёных, начать искать возможности самого различного его «улучшения» — от лечения наследственных заболеваний до опытов по улучшению породы человека, созданию «видов» не только с определёнными характеристиками, но и даже с заданным набором привычек и способностей, как, например, успехи в спорте или способность пить молоко во взрослом возрасте.

Технология CRISPR — это направленное изменение гена, и точность попадания здесь выше. Но и она не абсолютна, хотя в популярных источниках и распространяется утверждение, что технология CRISPR/Cas9 — «точное, как скальпель, исправление генома» — эффективность его редактирования в этой методике далека от совершенства.

CRISPR/Cas9 позволяет не просто встроить новую последовательность в ДНК, а заменить ее старую версию на новую. Но, по мнению специалистов, одновременно с нужным разрывом в цепочке ДНК в геном часто вносятся и лишние элементы, а это провоцирует мутации.

Долгосрочные последствия от такого вмешательства невозможно предугадать, а опыты на мышах не могут воссоздать полной картины изменений в человеческой природе в случае целенаправленного вмешательства.

Пока в мире состоялся только один случай с редактированием генома в человеческом эмбрионе — тот самый шумевший китайский эксперимент, в котором ученые работали с 86 оплодотворенными яйцеклетками. Из всего материала выжила 71 яйцеклетка, 54 из них были отобраны на анализ, в 28 из них фермент Cas9 внес нужные разрывы в геном, но только в четырёх случаях произошла необходимая замена последовательности гена. При этом нужно понимать, что речь идёт о самой настоящей зародившейся жизни, над которой ставились научные опыты, чем и был определён скандальный характер исследования.

Битва за деньги и награды

Несмотря на столь низкую эффективность, генетики всё равно намерены применять технологию CRISPR/Cas9 для внесения наследуемых изменений в зародышевую линию человека и использовать улучшенные клетки при проведении искусственного оплодотворения (ЭКО).

И научное сообщество, и общественность, и СМИ отрицательно отреагировали на новацию китайских учёных по вмешательству в геном человека: журналы Science и Nature не стали публиковать результаты исследования по этическим соображениям; директор американского Национального института здоровья заявил, что с геномом человека нельзя экспериментировать и что полученные его институтом от государства деньги никогда не будут использованы на подобные исследования; журналисты писали о том, что все это приведёт к моделированию и проектированию детей.

Тем не менее ситуация начала меняться: исследование университета Сунь Ятсена задало новый вектор в науке, когда этическая сторона потихоньку блекнет и теряет актуальность, и по этому пути уже устремились целые потоки исследователей и выделяемых для их работы финансов. Так, стартап Editas Medicine (стартап — организация, создающая новый продукт или услугу в условиях высокой неопределённости), связанный с первооткрывателями технологии, привлёк на свою работу 210 миллионов долларов инвестиций (в том числе, от Google).

Ещё не отработаны технологии, не получены ответы на многие важные вопросы, но уже начался делёж прогнозируемых прибылей: предполагаемая стоимость исключительно патента на технологию может достигать многих сотен миллионов долларов; а главная награда, на которую рассчитывают «первооткрыватели» — Нобелевская премия.

Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO) в январе 2016 года начало процедуру проверки на предмет «интерференции» уже существующих патентов, относящихся к CRISPR/Cas9: на основании анализа научных публикаций, свидетельских показаний, почтовой переписки и записей в лабораторных журналах чиновники выберут монополиста прав на данную технологию, который затем уже станет определять, кто из конкурентов останется на рынке генной инженерии.

Борьба ужесточается

Процесс начался и нарастает. В Японии правительственный Совет по биоэтике одобрил проведение генетических

экспериментов на человеческих эмбрионах. В США разрешили создавать детей от трёх родителей. Специалисты из Университета Джона Хопкинса смогли вырастить из стволовых клеток миниатюрный мозг, на котором можно будет проводить различные эксперименты. Управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов США впервые в истории официально разрешило употреблять в пищу генетически-модифицированное мясо, в частности, ГМО лосося.

В июле минувшего года Европарламент распространил заявление, что не позволит отдельным странам Евросоюза запрещать у себя на национальном уровне ГМО, которые Брюссель признал безопасными, поскольку это «может разрушить общий рынок и привести к появлению контроля внутриевропейского экспорта». Открытие своих границ для ГМО также является обязательным условием для вступления государств в ВТО.

Россия пока считается территорией, чистой от ГМО, и благодаря усилиям общества, в Госдуме сейчас проходит обсуждение принятого в первом чтении законопроекта правительства, запрещающего производство генно-модифицированной продукции за исключением случаев, когда производство осуществляется с целью научных исследований.

ГМО-лоббисты активно сражаются с законом о запрете ГМО и бомбардируют Думу «заявлениями учёных» с требованием немедленно снять закон с обсуждения, а производство ГМО разрешить. В СМИ то и дело появляются материалы на тему того, что у противников ГМО нет аргументов, что они протестуют в силу своей безграмотности и ретроградства, а в итоге страдает народ, у которого отбирают дешёвую картошку и кукурузу.

О негативном влиянии ГМО на репродуктивную сферу, иммунную систему и аллергический статус человека сторонники генной инженерии стыдливо умалчивают.

Что нас ожидает

Этические вопросы никуда не уходят — даже многократно отточенная на лабораторных мышах технология может иметь абсолютно другие последствия при её применении на детях, которые проявятся только, когда ребёнок начнёт расти. Ставить эксперименты на детях — аморально и противозаконно, к тому же никто даже не удосуживается подумать, согласен ли сам ребёнок на такое вмешательство.

Бурно развивающаяся технология по редактированию генома ставит человечество на путь выведения различных по-

---

род людей: от создания детей с улучшенными характеристиками для тех, кто сможет себе это позволить, до выведения человеческой популяции с заданными характеристиками под конкретную задачу, поставленную заказчиком.

Это позволяет говорить о появлении нового феномена, обозначенного директором Курчатовского института Михаилом Ковальчуком на одном из выступлений в Совете Федераций. Он заявил, что в мире появилась «реальная технологическая возможность выведения служебного подвида людей», которой, по его мнению, «помешать уже не может никто», поскольку «это по факту происходит, это развитие науки, и мы должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять».

Всё это, по его мнению, происходит в рамках мировых процессов борьбы за «иссякающие ресурсы». Идеи неомальтузианства — прекрасный питательный субстрат для глобализма, который диктует свои законы: так, креативный класс не должен быть многочисленным, а для обслуживания потребностей ТНК (транснациональных корпораций) нужны идеальные исполнители с выверенными характеристиками — интеллектуальный уровень не выше среднего, сформированные элементарные профессиональные навыки, уверенный пользователь ПК, исполнительность, послушность, готовность к коллективному труду и перепрофилированию в случае указания работодателя.

Итак, впереди реальное создание «служебного человека» — заявление о готовности включиться в эту гонку уже прозвучало из уст директора Курчатовского института. При этом обязательным условием для «нового подвида людей» должно стать ограниченное самосознание и минимизированные расходы на его содержание (дешёвый корм), а сама популяция не должна выходить за рамки количественной целесообразности (управление размножением). И этим целям успешно служат унификация образования, аборты, ГМО-продукты и ГМО-технологии.

РАССКАЗЫ

ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ ПРЕДЗИМЬЯ

Сергей Степанов собирался на премьеру собственной песни почти равнодушно, словно это была не первая его премьера. Предстоящее событие обильно радовало месяц назад, пока он не знал, где будут исполнять песню. Оказалось: где-то за городом! А он-то мечтал о сверкающем концертном зале, многочисленной публике. Мечтал взять на концерт семью, пригласить знакомых... Ещё более огорчился, когда композитор Владимир Балакин, написавший к его словам музыку и одновременно являвшийся дирижёром клубного хора, стеснительно недоговаривая, попытался объяснить по телефону, что, мол, предстоит не обычный концерт, а благотворительный — в интернате для больных нервными заболеваниями. Да-а... Хороший подарочек. Как только не называют в народе подобные интернаты, но Степанову ничего не оставалось, как согласиться из-за отсутствия выбора.

Вообще-то Сергею Викторовичу надо бы радоваться, что всё так удачно сложилось. Всего лишь два ме-

ПРОЗА

сяца назад его стихотворение о родном городе случайно попало к незнакомому композитору, неожиданно написавшему музыку. Когда диск с записью песни оказался у Степанова, он сперва радостно удивился, но, прослушав черновое исполнение, хотя и приятное для слуха, ужаснулся от несовершенства собственного текста. Эта незаконченность показалась ему — прозаику, автору нескольких романов и многих рассказов, привыкшему доводить произведения до профессионального уровня, непередаваемо обидной. Что это за песня, сложенная из трёх куплетов, два из которых повторялись?! Надо срочно дорабатывать!

Никогда, наверное, он не трудился с таким неистовством, прибавив к тексту три куплета, наполнив его законченным сюжетом, выверив стилистически, взглянув на него с исторической глубины, многократно проверив стихотворный размер. Эти двое суток показались тяжёлыми, но счастливыми. Многое вспомнилось: и родители, и любимый город, и вид, открывающийся с городского холма, красоту которого он стал понимать только с возрастом. И почему-то постоянно вспоминалась соседская девочка Таня, с которой дружил в начальных классах. Это потом он узнал, что Таня была неизлечимо больна, поэтому училась в специальной школе соседнего города. Родители привозили Таню лишь на каникулы, и он, маленький тогда Серёжка, все дни проводил с белокурой, такой хорошенькой и тихой девочкой, подолгу пристально смотревшей на него не моргавшими голубыми глазами, хотя родителей это часто сердило, и они придумывали всякие уловки, чтобы их разлучить. Он тогда не понимал, зачем они это делают, если ему очень хорошо с ней. Ведь никто так не умел смотреть, даже мама с папой, — только она, Таня! Его даже не отпугивали насмешки: «Не дружи с ней! Ребята будут дразнить женихом и невестой!». Их, действительно, дразнили, а он не обижался. Таня — тем более. Да и чего обижаться, если им так славно быть вместе. Они даже пели о всеобщем счастье на Земле. Запевала обычно Таня: «Будет людям счастье, счастье на века...», но пела по-своему: «Будэт людем счастье, счастье на века...» — и Серёжке казалось, что она нарочно неправильно поёт, перед каждым словом делая паузу. Её медлительность походила на игру и не мешала петь вместе; он легко приспособился к её забавной манере. Эту песню в те годы часто исполняли по радио. После первых строк о всеобщем счастье в ней мощно звучали слова о революции, о силе советской власти — красивая песня, что и говорить. Но они тогда всех тех красивых слов не понимали. Им было достаточно самых первых, понятных —

о бесконечном счастье, обещанном в скором времени. Им тогда казалось, что по радио поют о них самих, о том, что именно их ждёт то самое неизбежное счастье, которое с годами только будет усиливаться.

Но неожиданно оно оборвалось.

Серёжка в ту пору привык, что Таня появлялась на время каникул, ждал её приезда. Появилась она и после окончания второго класса, но, погостив дома несколько дней, вдруг сказала ему по секрету, что завтра уезжает. И правда: на следующий день родители куда-то увёзли её на машине. Серёжка едва успел проводить Танюшку и потом плакал весь день. Позже — ни родители Тани, ни свои — ничего по-настоящему не объясняли, а когда он уж слишком приставал с расспросами, то торопливо говорили, что она надолго уехала к бабушке в далёкий южный город. Серёжа хотел верить их словам, и почти верил, но всё-таки какое-то, хотя и малое, сомнение оставалось, потому что говорили они сердито, почти зло. К тому же никогда прежде он не слышал о другой Таниной бабушке. У неё ведь была своя, привычная, жившая вместе с Таней. Её он хорошо знал и даже любил, потому что она всегда угощала вкусными пирожками с вишнями или яблочным повидлом. Разве можно уезжать от такой? Поэтому и сомневался.

Почти год ходил, ничего не зная о Тане, даже начал забывать. Но следующей весной подрался из-за неё, когда играл с мальчишками в лапту, и кто-то из них сказал, что его невеста давно на кладбище, даже обещал показать её могилку, а он тогда стал доказывать, что она уехала к бабушке и вот-вот приедет на летние каникулы... Тем вечером Сергей вернулся домой с разбитым носом, в изорванной рубашке и расплакался перед родителями. Тогда они рассказали ему всю правду, впервые говорили не сердито, а жалеючи. Услышав всё, как есть, он плакал ещё горше, и его долго не могли успокоить. Родители, конечно, хитрые, говорили, что он совсем взрослый, будущий мужчина, что он всё должен понимать, а не размазывать по щекам слёзы, подобно плаксивой девчонке. Он соглашался, а в душе не мог смириться с такой ужасной несправедливостью.

Но всё проходит, мало-помалу прошло и это горе. И, наверное, окончательно забылось бы. Но через год-другой, когда Сергей учился в четвёртом классе, его не приняли в пионеры. Причина одна: отказался петь в классном хоре на смотре художественной самодеятельности! Учительница и члены родительского комитета пытались узнать у него причину отказа и столь глупого упрямства, но он упорно молчал и не хотел ниче-

---

го объяснять. Да и как скажешь о том, что будь какая-нибудь другая песня, он легко бы её спел, но песня, которую 4-й «А» класс готовил для смотра, начиналась словами: «Будет людям счастье...» Когда он начал петь на первой репетиции, то сразу вспоминалась Танюшка, и глаза разбухли от слёз. Он убежал из актового зала, чтобы никто не увидел его слабости. Эту историю в школе запомнили, и позже за отказ участвовать в самодеятельности Степанов остался без пионерского галстука; да и с комсомолом потом было не всё гладко.

Если смотреть на тогдашние события сегодняшними глазами, то они покажутся мелкими, не заслуживающими внимания, даже наивными. Но они были, и поэтому остались в душе навсегда, правда, спрятались так далеко, что почти не вспоминались или вспоминались без тогдашнего драматизма. Это теперь Сергей Викторович мог вспоминать спокойно, с лёгкой даже иронией: что было, то было — у кого в детстве не происходило чего-то похожего. Давние события, случившиеся полвека назад, и, конечно же, приглушённые временем, даже самые яркие и запоминающиеся поначалу, теперь лишь лёгким ветром радости или печали иногда возвращались в нынешнюю жизнь.

С такими волнующими мыслями ехал Степанов в подмосковный интернат на премьеру песни, сочиня которую, чаще обычного вспоминал свой районный город, детство и всё, что связывало тогда с ним и не отпускало в течение всей жизни. Может, и стихи-то сложились именно поэтому: из любви к детству, ко всем людям, жившим тогда и живущим теперь.

Хористы встретились в метро на «Правжской», потом разместились в заказном автобусе. Ехать недалеко. Если бы не московские пробки, домчались бы за полчаса. Да, собственно, никто не спешил, дорога знакомая: хористы ехали в этот женский интернат с шефским концертом не впервые. У некоторых из них даже имелись знакомые среди тамошних постоянных обитателей.

И вот автобус в посёлке — остановился у ворот, увитых зловещей спиралью Бруно. Подобные стальные сверкающие завитушки с режущими гранями, на вид красивыми, понятно, плохое украшение для чего бы то ни было. Они и здесь навевали не самые лучезарные мысли. Правда, из-за ограды виднелась часовня, и вид её радостно уравнивал первое впечатление, неожиданно сковавшее Степанова.

В интернате их ждали. Рядом с руководством интерната и заботливым отцом Димитрием, духовно окормлявшим здешних прихожан и организовавшим личным радением благотворительную поездку, можно было заметить невольных жи-

---

телей сего места, гроздьями выглядывавших из окон и дверей, хотя вокруг разлилась сырая ноябрьская стынь. Степанов вышел из тёплого автобуса в числе последних и следом за хористами ступил за распахнутые двери. Он никогда ранее не бывал в подобных заведениях, а тут сразу попал в другой мир, который мог только представлять в воображении. Но оказалось, что в этом мире внешне ничего нет необычного, особенно, если смотреть вдоль длинного коридора, похожего на больничный, по которому сновали нянечки в белых халатах и вольготно прогуливались жители интерната в цветастых халатах и не только в них. Здесь и запах был, как в больницах, — сложный запах лекарств, хлорки и то ли лука, то ли чеснока, который, видимо, использовали как народное средства от гриппа. Правда, жители вели себя не как в обычных больницах, а пытались обратить на себя внимание. Все дружно улыбались, наперебой здоровались, широко раскрытыми глазами пристально рассматривали гостей, отчего Сергей Викторович сразу вспомнил Таню, будто вернувшуюся из детства. Сам же он остерегался смотреть в глаза, словно боялся увидеть в них что-то запретное, пугающее — такое, что вслед за взглядом может переселиться в его душу; лишь с Таней он когда-то мог беззаботно переглядываться. Теперь же впал в состояние лёгкого переполоха, хотя суетой, хождением туда-сюда пытался вести себя так же, как и приехавшие гости.

Для женской части хора выделили комнату с пугающим названием «Изолятор», в которую хористки вошли в повседневной одежде, а вышли в сценических платьях и кокошниках — артистками. Мужчинам для переодевания достался кабинет врача. Вся эта привычная для них суета, короткая репетиция, вроде бы ничего не значили, но были важны для понимания окружающих людей, вхождения в образ. Своей подготовкой, негромкими загадочными голосами они обращали на себя внимание жильцов и разжигали их любопытство, словно пришельцы из иного мира.

Незаметно взглядываясь в окружающие наивные лица, Сергей Викторович вдруг понял, что они совсем не отталкивающие, а именно наивные, каждое по-своему несчастное, но одновременно и счастливое от беспокойной внутренней душевной жизни, известной только им самим. Можно лишь представить, что значит для этих людей приезд артистов, захлестнувший впечатлениями и эмоциями, если свобода жителей интерната ограничена высоким забором и спиралью Бруно. Ведь они всё понимают. Иначе не радовались бы, не заглядывали в глаза, не ласкались бы бездомными сиротинка-

---

ми. И возраст для них не имел разницы. Все они прилежно, с одинаковым энтузиазмом старались привлечь внимание, запомниться. Некоторые подходили к хористам, как к старым знакомым, и, держась за руку, долго не отпускали их.

В какой-то момент Степанов был ошарашен взглядом белокурой девчушки, будто случайно скользнувшей глазами — совсем не так, как смотрели другие. И едва он задержал на ней взгляд, как она широко раскрыла глаза, и в их чистой синеве он вдруг увидел тревожно-знакомый оттенок. Сразу даже не понял, что это были глаза Тани; девчушка и внешне была похожа. И хотя прошло полвека, но те бесконечно давние взгляды вдруг вспомнились Степанову так свежо и радостно, словно перед ним мелькала не эта девчушка, по виду будто случайно оказавшаяся здесь, а непостижимым образом вернулась его детская привязанность. За минувшие десятилетия он подзабыл её образ, а теперь вдруг обрёл заново, и её лицом стало лицо этой синеглазки, нашедшей среди хористок свою знакомую Аллу, называвшую её «дочкой».

— Как же зовут вашу «дочку»? — подыгрывая, будто бы серьёзно спросил Степанов у Аллы, цветущей от этой встречи, почему-то надеясь — а вдруг?! — услышать имя «Таня».

— Это — Лада, моя дочурка! Правда, Ладушка?! — обняла девчушку Алла, а Степанов подумал, что у них даже имена созвучные.

— Моя мама Алла... — негромко, неимоверно растягивая слова (точь-в-точь, как Таня!), произнесла девчушка и туже прижалась к Алле, как к настоящей маме, словно боялась её потерять. Они действительно очень походили одна на другую: обе светловолосые, обе пугливые и постоянно улыбающиеся виноватыми улыбками.

Степанов хотя и ошибся в имени Аллиной «дочки», но, глядя, как Лада доверилась покровительнице, подумал: «Какая разница! Не в имени дело, а в отношениях!» Взаимное тяготение незнакомых, в общем-то, людей повлияло на Сергея Викторовича по-особенному, сразу разволновало, окончательно заставило иначе смотреть вокруг.

Концерт намечался в столовой, вскоре торопливо наполнившейся шумными зрителями, и начался с поздравления отца Димитрия и исполнения тропаря празднику иконы Казанской Божией Матери. Степанов смотрел на зрителей, многие из которых осеняли себя крестным знаменем, исподволь изучая особенно запоминающихся. Но какими бы они ни казались своеобразными, всякий раз его взгляд останавливался на лице Лады — на вид самом обычном, но глядя на которое, ему раз за разом вспоминалась Таня. Казалось, Лада

вот-вот широко раскроет синие глаза и, трудно выговаривая каждое слово, запоёт с большими паузами: «Будет людям счастье, счастье на века...»

После православного песнопения батюшка передал слово Алле — ведущей концерта, и она объявила название первой песни. Кто-то в зале сразу продублировал, выкрикнув: «Я лечу над Россией!» Пока зрители оживлённо и крикливо обсуждали название, терпеливый баянист и хористы, предупреждённые Балакиным о сдержанности и тактичности, держали паузу, и только когда зал мало-помалу успокоился, начали песню по сигналу дирижёра. Когда она закончилась — слушатели, не жалея ладоней, оглушили аплодисментами.

Песня Сергея Викторовича прозвучала второй по счёту. Алла объявила о премьере, сообщила, что автором музыки является композитор Владимир Балакин — элегантный, подвижный дирижёр хора, а текста — писатель Сергей Степанов, находящийся в зале. Зрители принялись оглядываться, но, кажется, никто не признал в высоком человеке в лёгком сером свитере одного из авторов. Слова собственной песни, в исполнении хора, показались ему такими необычными и радостно-пугающими, восторженными, что не оставляли места никаким иным мыслям. Это чувство было схоже с давним, но незабываемым, отчётливо сохранившимся в душе с юных времён, когда он стал автором первой публикации в «районке». Помнится, от восторга, казалось, летал над землёй, парил — и даже не от самой заметки, а от вида собственной фамилии, напечатанной типографским шрифтом! Потом было множество публикаций, и впечатления от них мало-помалу сделались привычными, такими, какими бывают от обычной работы. И вот новый всплеск эмоций и радости, будто он всю жизнь копил в душе любовь и тепло к родному городу, а сейчас это всё вспомнилось и предстало перед глазами: его улочки, вид на речную излучину и дальние поля, открывающийся с крутого холма, на котором в средние века стояла крепость. Всё-всё вспомнилось, а ярче всего почему-то — Таня. И такими воспоминания получились подробными и ясными, что он чуть ли не прослезился и совершенно по-особенному посмотрел на застывшие лица внимательных слушателей. Ему даже показалось, что в эти минуты они все побывали на его родине и радовались вместе с ним. Когда же исполнение песни закончилось новыми аплодисментами, Алла представила Степанова, он вышел на поклон, и все по-иному посмотрели на него, словно до этого он выдавал себя за кого-то другого. Кто-то сказал, имея в виду его высокий рост:

— Мы его сразу заметили!

Все заулыбались, Сергей Викторович заулыбался вместе со всеми, вдруг подумав, что от волнения, всё-таки пришедшего к нему, почти не запомнил первого прилюдного исполнения собственной песни! Вот те раз! Ждал-ждал этого момента и... проморгал. И всё-таки теперь не это являлось главным. Поэтому и огорчался недолго. Он вдруг понял, что после незапланированного оживления стал своим в этом доме, и все здешние люди своими. И если ранее он отводил глаза, когда встречался с ними взглядом, то теперь улыбался в ответ. Сделав фотографии хора и солистов, он присел среди зрителей и почувствовал боковым зрением, что они рассматривают его, запоминая, а одна из женщин, скукоженная от возраста и напряжённая от волнения, даже дотронулась до локтя и попросила:

— Разрешите пожать вам руку!

Женщина осторожно подала узкую ладонь, рука показала Степанову холодной, но, встретившись с женщиной взглядом, он всё-таки увидел тепло, шедшее из её тёмных и уставших глаз, пусть и слабое.

А концерт шёл своим чередом. Песни сменяли одна другую, зрители без устали хлопали в ладоши, иногда комментируя либо название песни, либо слова ведущей. Но, странное дело, эти реплики не мешали выступлению, воспринимались всеми как само собой разумеющееся дополнение и — вот чудо! — усиливали восприятие. Дай слушателям волю, они бы не жалели ладоней до утра.

За чудесное исполнение, за внимание к обитателям интерната отец Димитрий преподнёс хору образ Царицы Небесной «Умиление» и пожелал, чтобы Матерь Божия была и впредь руководительницей и спасительницей всех верующих. В заключение концерта сделали общую киносъёмку и фотографии на память, раздали батюшкины подарки.

Лада, в которой Степанов увидел Таню из детства, не отходила от Аллы, освободившейся от обязанности ведущей, а когда зрители разошлись, обе вместе вернулись в столовую, где хористов угостили чаем с бутербродами и пирожками, и сели за стол рядом. Сергей Викторович взял пирожок и вспомнил Танину бабушку, а сама Таня, казалось, сидела напротив. По взгляду Лады, её поведению было видно, что она очень хочет, чтобы Алла забрала её с собой, но не знает, как сообщить об этом, и Алла, видимо, понимала её желание, но не отваживалась сказать Ладе, что это невозможно. Да и как объяснить наивному человеку то, о чём даже намекать никто из гостей не в праве, чтобы не растрожить его чувств и

чувств иных жителей этого дома, невольно не навредить им, заранее зная, что обычные слова здесь бессильны. Степанов видел, как отзывчивая Алла, видимо, скрепя сердце и чувства от невозможности помочь чем-то конкретным, мило улыбалась своей подруге, обещала, что совсем скоро они вновь приедут и тогда встретятся, поговорят. Лада слушала, слегка кивала и смотрела широко раскрытыми глазами, пытаясь отгадать: правду ей говорит Алла или лукавит. Ждать её или нет? Но как можно что-то по-настоящему понять среди суеты, разговоров, мимолётных взглядов? Как завладеть чьим-то вниманием впопыхах?..

Благословлённые отцом Димитрием, хористы выходили к автобусу, Степанов шёл рядом, и все они показались ему в эти минуты давно знакомыми, необыкновенно близкими, словно прожил с ними долгую и добрую жизнь. Вместе с гостями, как растревоженные пчёлы из улья, вытекали из здания хозяева. Они выскочили проводить артистов в свитерах, кофтах, совершенно забыв о дожде, наверное, от волнения казавшимся им тёплым и ласковым, словно не сырой и студёный ноябрь разлился вокруг, а цвёл приветливый май, всюду распустились цветы, и птицы небесные неугомонно заливались в нежной зелени. Женщины окружили автобус и, не обращая внимания на снеговую тучу, предвестницу близкого предзимья, неслышно кравшуюся от свинцово-синей Москвы-реки, настойчиво просили не забывать их, приезжать ещё и ещё, обязательно приезжать! И что им эта чёрная туча с белёсыми подпалинами, грозившая, как сказала бы Танина бабушка, ледяным чичером, когда уезжали любимые люди, мелькнувшие будто во сне. И никто из женщин не ведал, когда этот сон повторится, и повторится ли. Поэтому и не жалели эмоций, потому что не умели их жалеть: они жили сегодняшним днём — радостным и прекрасным.

Лишь Ладушка застенчиво стояла в сторонке в чёрных брючках и домашних шлёпанцах, скрестив руки на белом растянутом свитерочке, и что-то кричала «маме Алле». Кажется, плакала, или это лишь показалось Сергею Викторовичу из-за мокрых стёкол, хотя он и сам был готов разрыдаться. И опять, глядя на Ладу, вспомнил Танюшку, вспомнил последнее расставание с ней, когда её отец-фотограф навсегда увозил дочку на собственной «Победе». Тогдашний Серёжка верил во всё, что ему говорили родители: и свои, и Танины. До следующей весны верил, пока однажды не увязался с мальчишками играть в лапту. Лишь только тогда узнал, что Таню увезли не к другой бабушке, которой у неё к тому времени не было, а в областной закрытый интернат. Там

её здоровье окончательно расстроилось, и вернулась она в город в первую тихую осень, чтобы навсегда упокоиться под золотистой сенью кладбищенских лип.

Никто, конечно, не знал, о чём думал в эти минуты Степанов. У всех были свои мысли и чувства. Сам же он вдруг понял, что не зря Господь благословил премьеру песни именно на Казанскую, именно в этом месте. Ведь в песне говорилось о любви к Родине, призывном колокольном звоне и молитве, ведущей людей за собой. Он очень надеялся, что и Таня услышала в праздничный день эти благословенные слова, радужно ниспосланные с горней высоты.

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Вальжного доцента Нечайкина считали в университете старомодным из-за пальто покроя «реглан» и волнистой смоляной гривы, увенчанной чёрным беретом с сентября до июля. На пересуды доцент не обращал внимания, редко что могло его взволновать, но сегодня произошёл именно такой случай. Получилось всё само собой, едва он случайно встретился на выходе из метро с соседкой по дому, у которой вёл курс по литературоведению; Юля была на хорошем счету, и он всегда благоволил ей. Она знала об этом. Поэтому, сказав «здрасьте» и смешно сморщив остренький носик, хитро блеснув серыми глазками, Юля легко спросила:

— Ефим Леонидович, а вы бываете на катке?

Тема коньков для Нечайкина — родная, потому что в юности он увлекался ими по-настоящему, выполнил норматив первого разряда, правда, на этом достижении и остановился, а коньки, повзрослев, что называется, повесил на гвоздь.

— Давно, Юлечка, не ходил, но с тобой непременно отправился бы.

— Тогда давайте вечером сходим. Вспомните фигурное катание!

— Не было у меня ничего фигурного — сплошь тупое многоборье.

— Всё равно ведь на коньках уверенно себя чувствуете.

— Скажем так: чувствовал.

— Вот и классно! Так что пора доставать коньки. Или в прокате возьмёте?

— Без проката обойдусь... Во сколько встретимся?

— Можно в семь. Пока дойдём, пока то да сё — как раз сеанс начнётся.

Договорившись, они расстались, и Нечайкин вломился в квартиру совершенно шальным, едва не расплескав искры из чёрных глаз. Мама, Флора Матвеевна, хотя изрядно располнела в последние годы, стремительно появилась в прихожей и, запахнув на груди мягый халат, словно от сына действительно летели искры, отчаянно удивилась:

— Фима, что я вижу: на тебе лица нет! Что случилось?

Ответил Ефим не сразу, да и как скажешь, что собрался с девушкой на каток, решил вспомнить молодость. Он, конечно, старым себя не считал, хотя имел сына-подростка, которого жена после развода увезла куда-то в пригород. Мама придерживалась такого же мнения и чуть ли не каждую неделю приглашала малознакомых женщин, говоря при этом, чтобы Фима непременно выбрал какую-нибудь на предмет серьёзной женитьбы. И как сказать маме, что мечтает о студентке, пусть даже четвёртого или пятого курса. Ровным счётом ничего не скажешь. А ведь на их кафедре многие преподаватели женаты по несколько раз: Эдуард Иванов, Марк Цветнов, Георгий Подоржельский. Даже Степанов Николай, говорят, подал документы на развод. А чем он, Ефим Нечайкин, хуже этого фанфарона. Взять, например, ту же Юлию. Одна из лучших на втором курсе: прилежна, любознательна и на мордашку симпатична. Из прекрасной семьи. Папа в министерстве иностранных дел служит, мама — в банке на хорошей должности. Удивительные люди, особенно Юлин папа, с которым он однажды беседовал. Пяти минут хватило, чтобы понять, какая благородная душа у этого человека. Так что в случае женитьбы на его дочери перспективы открывались бы роскошные... Ефиму захотелось поделиться сегодняшними планами с мамой, порадовать её, но как скажешь с порога. Поэтому притворно удивился:

— Мама, о чём вы? Обычное лицо — всегда от работы такое.

— А мне кажется, Фима устал!

— Ничуть. Даже вечером иду на каток.

— Опять?

— Нет, мама! Приятель попросил коньки!

— О чём ты говоришь, какой каток в твои годы, когда о семье надо думать, о докторской — ведь всё забросил! Уже идёшь с какой-то студенткой?

— Нет, мама, — с приятелем! — ответил он спокойно и доверительно, чтобы не обидеть Флору Матвеевну, и пошёл мыть руки.

Воодушевившись предстоящей встречей, Ефим от обеда отказался, ограничился чаем с печеньем. Потом решил при-

---

готовить коньки. Пока рылся в кладовке, переложил кучу вещей. Коньки были беговыми, показались непомерно длинными и за всё цеплялись лезвиями. Проще взять напрокат, но Ефим резонно решил, что прокат ныне очень дорогой, да и грибок ногтей можно заразиться. Зато как радостно прокатиться на «ножах», вспомнить юность — прекрасное было время.

Приготовив коньки и переодевшись в спортивный костюм, Нечайкин нетерпеливо посматривал на часы, боясь опоздать. Чтобы не мёрзнуть, он вышел на улицу за две минуты до назначенного Юлей времени. Вскоре скрипнула дверь в соседнем подъезде, и вышла она: в сиреновой лёгкой куртке, белой шапочке и облегающих рейтузах, с коньками и термосом в сумке. Хочешь не хочешь, засмотришься. Но засматриваться некогда, да и неприлично.

— Пойдёмте! — сказала она.

— Да-да, непременно, — торопливо согласился Ефим и перекинув коньки через плечо, как прежде носил их, решительно попросил: — Можно твою сумку!

Они миновали почти безлюдные полутёмные дворы «сталинских» зданий, потом тоннелем, где обычно собирались хулиганы, нырнули под шоссе и железнодорожную насыпь и оказались на территории стадиона. Ефим, чуть отстав, незаметно косился на Юлю, представляя, как, взявшись за руку, будет кататься с ней, говорить что-нибудь приятное, а когда будут возвращаться — непременно пригласит на чай. Даже не верилось, что всё это может произойти сегодня, и для этого и делать-то ничего не надо особенного: всего-то сходить на каток, как в старые добрые времена, ну и немного потратиться на билеты.

В раздевалке они убрали куртки и обувь в шкафчики и, находясь в прекрасном настроении, вышли по резиновому коврику на лёд. А на льду вольготно расплескалась музыка, всё залито светом, от тесноты и улыбок приятно рябит в глазах. А воздух, воздух-то какой: морозный, сухой, звонкий!

— Покатили! — не сдержав озорного настроения, выкрикнула Юля и сразу же умчалась.

Ефим же, казавшийся толстым из-за цигейковой безрукавки, надетой под свитер по настоянию Флоры Матвеевны, сразу отстал, опасаясь кого-нибудь зацепить длинными коньками. Не имея возможности привычно разогнаться, едва переступая, катился следом неуклюже, по сравнению с другими, и пожалел, что не взял в прокате обычные коньки, называемые в детстве «гагами». Уж на что, помнится, были удобными, особенно для хоккея. Но Флоре Матвеевне очень не

нравился хоккей, и она убедила Фиму перейти в конькобежную секцию... И вот теперь все смотрели на Фимины обшарпанные ботинки и растрёпанные шнурки в узлах, на «ножи»-длинномеры, чёрный берет и ухмылялись, а ему ничего не оставалось, как делать вид, что ничего и никого не замечает, хотя видел, как Юля уехала далеко вперед, как, почти сделав круг, оказалась рядом с парнем в красном свитере.

Если бы Ефим мог слышать, о чём они говорят, то сразу расстроился бы, хотя Юля лишь спросила у парня, показавшегося Ефиму знакомым:

— Успел в больницу?

— Успел-успел — отец привет передаёт!

Они поцеловались и, взявшись за руки, влились в общее круговое движение, затягивающее, казалось, безвозвратно. Когда проезжали мимо, Ефим окликнул Юлю, даже слегка махнул ей, чтобы напомнить о себе, но она не отозвалась, а он вдруг понял, что более не нужен ей, что она, оказывается, шла на свидание, используя преподавателя лишь только для того, чтобы безопасно дойти до катка.

Через два круга Юля всё-таки соизволила подъехать, но лучше бы не останавливалась, потому что на неё, улыбающуюся, он теперь не мог спокойно смотреть.

— Вот, познакомьтесь, Ефим Леонидович! — указала она на парня. — Мой друг Алёша. Учится на третьем курсе в нашем университете.

Нечайкин пожал горячую руку, взглянул на розовощёкое лицо Алексея, его непокрытую голову и почувствовал, как его затрясло. Но виду не показал, даже высказался по-отечески:

— Мы немного знакомы... Очень рад! Вперёд, молодёжь!

Когда они упорхнули, Ефим окончательно расстроился от Юлиного предательства и не хотел более смотреть в её сторону. Когда же она вновь равнодушно проехала, то ему, совсем пристыженному, ничего не оставалось, как по-тихому исчезнуть с катка.

Переодевшись, он еле-еле брёл на ватных ногах, не желая более видеть счастливо улыбающиеся лица, не желая слышать назойливую музыку — ничего теперь не радовало и ничего не хотелось. Он лишь мечтал поскорее попасть к маме и сказать, что в очередной раз она оказалась права. Проходя мимо мусорного бака, Ефим сорвал с плеча неуклюжие коньки и в сердцах швырнул их в гулкое нутро, твёрдо решив, что с коньками расстался навсегда. И сразу на душе полегчало. Но ещё легче стало, когда вспомнил, что скоро сессия... «Вот тогда посмотрим, дорогие Юля и Алёша, как вы будете улы-

---

баться!» — согреваясь, даже закипая от радости, представил он, и ноги в этот момент налились силой, сделались невероятно крепкими и сами собой понесли домой.

Лишь на минутку он задержался у подъезда, вновь подумав о Юле. Ведь она, в сущности, ни при чём. Это всё вероломный её дружок. Вот кого наказать надо. А перед Юлиным папой будет стыдно, если вдруг она завалит сессию. «Надо как-нибудь позвонить ему и сказать, какая прекрасная у него дочка, какая она прилежная и уважительная!» — совсем уж воодушевившись, подумал Ефим и окончательно успокоился и решил ничего пока не говорить Флоре Матвеевне, чтобы раньше времени не волновать старушку.

АЛЛОЧКА + ЛИЗА

Парикмахер Костя Метёлкин поругался с невестой в самое неподходящее время: почти перед свадьбой и поездкой за границу, когда надо было выкупать путёвки. Поругался вполне справедливо, но не мог свою справедливость объяснить Лизе. Спокойно растолковать не удалось бы, а приклеивать некрасивые слова не хотелось, потому что тогда Лиза сразу начнёт обзывать Аллочкой. А это так обидно, когда дразнят девчоночьим именем, хотя и было из-за чего! Бывало, пацаны в сквере футбольный мяч гоняют, а Костя на детской площадке с соседками в «классики» играет. Зимой ребята шайбу дубасят, а Метёлкин в драматическом кружке разучивает роль Мальвины. Над ним подшучивали, даже смеялись, обзывали обидными словами, а он будто ничего не замечал, хотя и переживал. А когда и мама пристыдила, то и вовсе расплакался, но дружить с девчонками не перестал.

С возрастом эта привязанность прошла, но прозвище так и осталось. Рос Костя нескладным, немужественным, зато не курил, как большинство сверстников. Служба в армии, куда он сам напросился, не изменила его особенно, хотя демобилизовался окрепшим, жилистым — десять раз подтягивался на перекладине.

После армии сразу не мог найти работу, пока не разговорился с Лизочкой, с которой когда-то играл в куклы и «классики».

— Приходи в «Локон». Сейчас группу парикмахеров в училище набирают — не теряйся! Заодно подстригу бесплатно! — как-то сказала она.

— Ладно, подумаю! — пообещал нехотя.

Пришёл Костя в «Локон», а она сразу улыбнулась, засуетилась. Сама росточка невысокого, глазки зелёные изумрудно светятся. Метёлкин съёжился от её любопытства, а она уважительно пригласила в кресло. Пока подстригала, заглядывая через зеркало в его серые глаза, обо всём расспросила, а потом даже укорила, когда он отдал деньги за стрижку:

— Всю жизнь, что ли, будешь на мать надеяться?! Пойдём, поговорим с заведующей — она на курсы парикмахеров отправит.

За несколько месяцев Метёлкин действительно выучился на парикмахера и начал работать вместе с Лизой. И на работу они ходили вместе, потому что жили в одном дворе. Само собой произошло. А вскоре начали встречаться по-настоящему. Почти год хороводились, даже начали готовиться к свадьбе. Костя к этому времени накопил денег, чтобы потом съездить с Лизочкой за границу. Но когда и загранпаспорта выправили, и пришло время сыграть свадьбу — неожиданно всё расстроилось в их отношениях; Костина мама, Александра Захаровна, неожиданно разболелась, и дело дошло до операции. Тогда Костя отдал все накопления, и свадьбу стало не на что играть. Поэтому, слово за слово, они поругались с невестой. Да так, что не осталось возможности вместе работать.

Костя уволился, а найти работу в районном городе не очень-то легко. И тогда, дождавшись, когда мама оклемается после операции, Метёлкин решил отправиться в Москву: и от Лизы подальше, и подзаработать не мешало бы. Поэтому, получив материнское благословение, собрав в сумку инструменты, уехал на автобусе из родной Шуи. Оказавшись в Москве рано утром, он потом так намотался, ничего не найдя подходящего, что еле добрался до вокзала, чтобы переночевать. Хотя какая ночёвка на вокзале — сплошное мучение. Еле-еле Костя дождался следующего утра и отправился на новые поиски. Опять весь день ходил по улицам и всё-таки сумел найти работу, и несказанно обрадовался этому. Пусть зарплата низкая по московским меркам, зато с жильём повезло.

— Год поработаешь и домой на иномарке уедешь. А может, невесту здесь найдёшь! — грубовато сказала при устройстве полная, коротко подстриженная хозяйка парикмахерской, располагавшейся на первом этаже жилого здания. — Так что оставайся и с завтрашнего дня начинай работать! Всё равно ведь ночевать негде!

Комната, где предстояло жить Метёлкину, оказалась без окон, и до недавнего времени была кладовкой. Зато в помещении имелся санузел с душем, а это то, что надо, особенно

летом. Помимо него, в кладовке жил приезжий из Украины по фамилии Зинчук, оставивший на время семью. Надо бы, конечно, поговорить с соседом, разузнать о здешнем порядке, но он в этот день стоял у кресла в зале, из которого в кладовку притекал запах дешёвого одеколona. Костя прилёт на металлическую кровать, показавшуюся очень уютной после двух дней мотаний по столице, и долго представлял жизнь, которая начнётся с завтрашнего дня. Хорошая или плохая — пока не понять, но теперь он был готов к любой, потому что решил, если уж так повезло, поработать годик-другой, а далее будет видно, что делать.

В тесном зальчике стояло пять кресел. У трёх работали молодые женщины-мастера — упитанные, крепкие, тоже приезжие, снимавшие «однушку» в соседнем доме, ещё за одним суетился кучерявый, улыбчивый украинец, а пятое кресло пустовало.

— Вот, девчонки, жених вам свежий! — сказала хозяйка перед началом работы, указав Косте на его рабочее место. — Только учтите: если будете глазки строить — не поздоровится! Закончите смену, тогда делайте с ним, что хотите.

Парикмахерская открывалась в девять, и в первый «социальный» час обслуживали пенсионеров-льготников, выстраивавшихся по утрам в очередь. После них работа шла ни валко, ни шатко. Даже было время на шутки. Особенно Зинчук любил трещать. Одну из женщин звали Аллой, и когда он игриво называл её Аллочкой, то Метёлкин вздрагивал, особенно в первый день.

Отработав смену, Костя начал осваивать ближайшие магазины; ему было приятно ходить по московским улицам, чувствовать себя жителем столицы. Он заглядывал в глаза прохожим, пытаясь узнать: догадываются ли они, что он, можно сказать, гастарбайтер, живёт в подсобке без окон. Ведь скажи им о своём местожительстве — не поверят, что так можно жить. А он жил и не страдал от этого особенно и внешне ничем не выделялся среди прохожих.

Была и ещё причина, по которой он ходил по магазинам, — мечтал познакомиться с какой-нибудь местной девчонкой. Но первый день оказался неудачным, как и несколько последующих. Он так ни с кем и не познакомился, а на своих девах, с кем работал, он даже не смотрел по-настоящему. Во-первых, потому что все они курили, а во-вторых, были приезжими. Зачем ему такие, если он сам жил на птичьих правах.

Так прошли две бесполезные недели. Это обижало и удивляло. Всегда девчонки в нём души не чаяли, а теперь, если он

пытался заговорить с какой-нибудь, она сразу отворачивалась. «Или, может, в Москве все капризные?!» — думал Костя и не понимал, что происходит, почему не может хотя бы поболтать.

Он почти перестал звонить маме. Теперь чаще звонила она или посылала эсэмэски. «Как ты там?» — спросит заботливо. «Всё нормально!» — ответит он, особенно не откровенничая. Это как в армии, когда первое время трезвонил чуть ли не каждый день, а потом мало-помалу охладел к общению. Так и теперь, хотя на душе было не очень-то комфортно. Вроде и привык к коллегам-мастерам, и с соседом сложились нормальные отношения, а всё равно Косте чего-то не хватало. Будто он по ошибке оказался в этой компании, хотя его ласково называли Костиком. Это, конечно, нравилось. Лишь он сам себе не нравился.

Как-то некстати вспомнилась Лиза, хотя он пока не знал, сможет ли простить ей обиду, когда она в сердцах крикнула: «Ну и живи со своей мамочкой!» Не захотела понять, что родную мать он никогда и ни на кого не променяет. Но это всё-таки можно простить, списать на горячность. А как простить то, что обозвала Аллочкой?! Так что о Лизе и думать нечего: нет — так нет!

О его переживаниях никто, конечно, не знал, но мама словно что-то чувствовала.

— Лизоньке звонишь? — как-то спросила будто случайно.

— А почему я должен ей звонить?!

После встречного вопроса Александра Захаровна более ни о чём не спрашивала, видимо, надеясь, что со временем сын всё-таки помирится с недавней невестой. Конечно, если бы мама знала настоящую глубину размолвки, знала бы, из-за кого всё произошло, то, быть может, и сама забыла бы Елизаветку. Но, ничего по-настоящему не зная, постоянно напоминала о ней, и Костю это стало раздражать.

— Я давно забыл о ней! — сказал он, когда Александра Захаровна в очередной раз напомнила.

— А мне показалось, что она ждёт тебя... Недавно заходила...

— Чего она, вещи, что ли, забрала?!

— Нет, мы просто чаю попили...

Лучше бы Костя ничего не знал об этой подхалимке! Хотя, нет. Хорошо, что узнал, какая она есть на самом деле, лишний раз удостоверился, что с девочками только интересно в детстве водиться. А теперь от них надо подальше держаться. Особенно от таких, как Лизка.

Думать-то так Метёлкин думал, но с того звонка, когда узнал о визите Лизы, в нём всё-таки что-то изменилось. Чуть-чуть, в самой глубине души, но изменилось. Теперь, что бы он ни делал, вспоминал о ней. И почему-то чаще всего вспоминались детские годы, когда играли в «классики». Именно в те годы они были по-настоящему счастливы своей откровенностью, далёкой от лукавства взрослых. Они всё принимали буквально: обида — так обида, дружба — так дружба! А теперь и не поймёшь, у кого что на душе.

Мысли одолевали, но всё-таки они забывались, когда он стоял в зале и обслуживал клиентов. Когда клиентов не было — выходил во двор, нежился на солнце, пытаясь хоть чуть-чуть загореть. Ведь на календаре июнь, а он будто только что из подземелья выбрался — бледный, как картофельный росток. В одну из таких минут расслабления он возьми да позвони Елизавете! А почему решил — хоть убей, не смог бы объяснить даже самому себе. Рука будто сама потянулась к телефону. Он даже сразу и не понял, когда услышал в трубке голос, что это Лиза нарисовалась.

— Слушаю! — сказала она. — Ты где?

— Во дворе загораю!

— Не надоело по дворам болтаться? Уехал, мать бросил, а она переживает.

— Тебе-то откуда это известно?

— Известно вот... В магазине встретила. Долго говорили о тебе.

— Ну и чего ей наболтала?

— Ничего...

— Ничего так ничего... Ладно, я пошёл, а то меня зовут! Я всё-таки на работе.

Разговор их начался неожиданно, и оборвался так же. И если сперва Метёлкин не придал ему особенного значения, то мало-помалу разогрел себя воображением, ему уж казалось, что поговорил с Лизой совсем мало, ничего не узнал, как она обходится без него, чем занимается в свободное время. «Ведь наверняка не одна! У парикмахерш это не заржавеет — весь день среди мужиков вертятся!» Костя думать об этом думал, но всё-таки успокаивал себя тем, что Лиза у него не такая. Ведь сколько он её знал, никогда не замечал за ней ничего сомнительного, а ведь больше года вместе работал! За это время любой человек сто раз проявит себя.

После разговора ему хотелось ещё позвонить ей, но сдерживал себя. В конце концов, она его обидела, а не он. Вот теперь пусть побегаёт. А то маму в магазине встретила... Хотя бы не врал — больше веры было бы! Но нет — женщинам

обязательно надо соврать, что-нибудь придумать-напелсти даже и тогда, когда врать необязательно, а потом притворно глазками хлопать.

Костя хотя и переживал, но мало-помалу отработал месяц, появились деньги, но они теперь и не радовали особенно. В эти дни всё более угнетало невыносимое однообразие и одиночество, хотя он весь день крутился среди людей. Да и лето разогрелось по-настоящему, даже по ночам было тепло, а иногда и душно. Особенно в их каморке без окон. Они включали вентилятор, но без притока свежего воздуха пользы от него почти никакой. Вроде гонит воздух, а он перегретый, перемешанный с запахом парикмахерской. Костя всегда любил этот запах, а теперь он стал невыносимым. Поэтому ночами, когда долго не мог заснуть, выходил во двор, дышал свежим воздухом, притекавшим из парка и напоминавшим воздух, разливавшийся вечерами из-за родной речки Тезы.

Может быть, от такой душевной неустроенности и печали, он как-то вечером позвонил Лизе, спросил о новостях.

— Какие у меня новости: работа и дом! А у тебя как дела? — поинтересовалась она.

— Обычно. Весь день на ногах, выходной один, да и тот частенько работаю. Как там моя матушка? — спросил Костя, зная, что Лиза ещё к ней навещалась.

— Не звонит, значит, нормально! — не открылась она, опять схитрила.

Костя не стал уточнять, сменил тему:

— А у тебя как на личном фронте?

— Никак... Тебя жду!

— Да ладно... Долго ждать придётся!

— Если уж из армии ждала, то теперь пара пустяков...

От такого признания Метёлкин чуть не поперхнулся. Таким оно показалось доверительным, сказанным с такой любовью, какую он совсем не ожидал. Он-то думал, что Лиза самая обычная, а она, оказывается, совсем другая. Какая именно — сразу не понять, если он даже не догадывался, что она ждала его из армии, ведь прежде-то никогда не говорила об этом. И с чего вдруг: провожать приходила вместе с подругами, звонить не звонила... Или, может, она кого-то другого ожидала, да сорвалось её ожидание. Поэтому и глаз на него положила, в отместку кому-то?!

Вопросов было много, и ответа ни на один не находилось. Всё это заставляло постоянно думать о Лизе, и сильнее хотелось увидеть её саму. Ведь всё так хорошо было в последние месяцы. Они и спать ложились, и вставали с улыбкой, с поцелуями — не могли налюбоваться друг другом... А потом как

стена выросла поперечная. Упёрлись они в эту стену упрямыми лбами, и никто уступить не хотел. А сейчас, получалось, каждый готов пойти на уступки, но не знал, как это сделать, чтобы самолюбие не огорчать. А как-то Лиза совсем раззадорила, сообщив:

— Не думаешь возвращаться? А то одна девочка скоро в декрет уходит — место освобождается... Если хочешь, поговорю с заведующей — она оставит его для тебя!

— Надо подумать!

Он не стал всего объяснять, что тревожило в последнее время, потому что до конца не знал: готов ли вернуться, готов ли простить Лизе капризные зигзаги. Или, может, зря сердчает?.. Ну, вспыхнула, ну, не очень-то симпатично проявила себя. Теперь что: всю жизнь казнить её за это?! Ведь и его вина была в ссоре, пусть и небольшая. Надо бы проявить выдержку, спокойно объяснить, что у них будет ещё время съездить за границу, но вместо этого он и разговаривать не захотел. Всё закончилось тем, чем закончилось: теперь она ожидала его в Шуе, а он томился в московской душевной кладовке.

Частенько Зинчук приводил после смены в кладовку свою Аллу, а его просил часок «подышать» воздухом во дворе. Метёлкин не только часок, а всю ночь, была бы возможность, провёл во дворе, потому что возвращаться в кладовку после таких «встреч» сослуживцев было не очень-то приятно.

Может, это обстоятельство повлияло, а может, что-то иное, но однажды он позвонил Лизе и спросил:

— Ты серьёзно говорила о нашей парикмахерской?

— Что — созрел?

— Пока не очень, но начинаю с одного бока краснеть!

— Тогда приезжай, пока не поздно, а то кого-нибудь другого возьмут!

— Сперва с хозяйкой надо переговорить! — пообещал Костя.

Сказал вроде бы нехотя, но теперь сам неожиданно загорелся новой мыслью. Поэтому на следующий день сообщил хозяйке, что надумал уволиться. Другой бы сказал напористо, даже грубо, но у Метёлкина характер не тот. Поэтому договорились, что доработает до конца месяца. Это и к лучшему: подкопит денег и, вернувшись в Шую, женится. А чего тянуть. Как раз август будет — самое время!

Костя пока только строил планы, не решаясь сообщать о них ни маме, ни Лизе. Первой — потому что сразу расскажет Лизе, а той — потому что всё расскажет Александре Захаровне. Он бы молчал до самого отъезда, но Лиза на следующий день сама спросила:

— Ну и как идёт созревание?

— Нормально... Через две недели закончится. Так что держи место в нашем «Локоне». Приеду — устроюсь, заявку подадим, если, конечно, не будешь против!

— Мы уж раз подавали, но зря суетились...

— Зато проверили себя! А заявку подадим теперь по-настоящему!

— Правда?! — спросила Лиза, и Костя даже по телефону почувствовал, как она замерла, дожидаясь ответа.

— Правда, правда... Только маме моей ничего не говори. И своим родителям — тоже. А то увидят друг дружку — сразу всё станет известно! — сказал Костя и вздохнул.

— Всё поняла... Целую тебя!

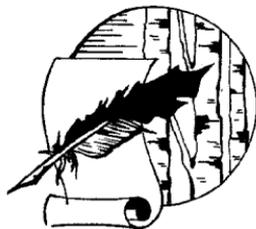
— Я — тоже!

Теперь, когда обо всём договорились, он начал работать спокойнее, ни на что не обращая внимания, зная лишь, что надо ехать в Шую не с пустыми руками. Он и раньше-то прихватывал смены, а теперь с утра до вечера стоял у кресла. Даже хозяйка удивилась:

— Хочешь все деньги заработать? Или жениться собрался?

— Собрался! — похвалился Метёлкин и прищёлкнул языком.

И так ему сделалось славно от этого признания, такой показалось хозяйка доброй, хотя он всегда недолюбливал её, что теперь был готов простить ей ворчания и жадность. Всё простить, чтобы вернуться домой с лёгкой, почти невесомой от радостного замираня душой. Он даже представил, как совсем скоро полетит, помчится, как на крыльях, в родной город, как обнимет и по-настоящему расцелует свою зеленоглазую Лизу-Лизоньку.

Наталья ЕГОРОВА

ОЧИЩАЮЩИЙ СВЕТ

* * *

Бессловесная наша словесность
Не такие забыла стихи!

Светлана Кузнецова.

Этот русский анапест, что плачет во имя любви...

Татьяна Глушкова.

Опять взойдут, сметая тьму обмана,
Готова мысли резкий поворот,
Две музыки — Светлана и Татьяна —
Среди навек закрывшихся широт.

Еще мы пьем, поем и лиц не хмурим,
Как в детстве, беззаботны и легки.
И всё вокруг — затишье перед бурей.
И всё вокруг — звенящие стихи.

Еще светлей сибирских льдов окраины
Глаза Светланы с правдой о другом.
Еще черны как чернозем Украины
Глаза Татьяны под высоким лбом.

И в их союзе обоюдоостром
Есть что-то свыше — как ни назови.
Две русских музы — в отчет слове сёстры —
Два света, две печали, две любви.

Но нет в холодном воздухе спасенья
От тьмы рвачей и ханжества невежд,
И слышен голос близкого крушенья
В трагедиях поломанных надежд.

Они уже так скоро станут солью
Земной России, обращенной в прах,
И без торгов заплатят смертной болью
За родину в руинах и слезах.

Но и тогда, сметая мрак обмана,
Споют святые строки на крови —
Две музыки — Татьяна и Светлана —
Два русских сна о вере и любви.

* * *

Нависли, как тучи, над громом лесной тишины
Сосновые кроны — и кругом идет голова.
Здесь бремя событий еще не рождает вины,
А голос молчанья еще не распался в слова.

Не жизнь ли моя пролетела? А вовсе и нет!
Ведь ближе мне вечность, чем времени шумный порог.
Народы проходят, и страны, и тысячи лет,
А я всё сижу, у обрыва присев на пенек.

Так — всё пролетело. Казалось, и жизни огонь
Давно уже должен мигнуть и иссякнуть — ан, нет!
То белка-вертелка несет боровик на ладонь,
То крылья стрекозок из хвои мерцают, как свет.

А как всё несло! Размывало державную мощь,
И корни народов смывало бурливой водой.
Но жизнь не проходит мгновенно, как мир или дождь,
И если ты жив, ты до самых седин молодой.

Так что же выходит — что молодость некуда деть? —
Нахлынут года — и заполнят тебя до краев.
А ты всё моложе, и помнишь всё меньше про смерть,
А если не помнишь — так значит, не встретишь ее.

Так значит, оставишь настырным и умным другим
Вопрос бесполезный и праздный — а всё ли пройдет? —
Коль время в тебе не совпало с привычным земным
И делает трудно какой-то другой поворот.

Что тлело в начале — огнем заблестало в конце.
Смешались все даты под птичий ликующий гам.
А станешь ребенком с корою морщин на лице —
Тогда и заскачешь вприпрыжку к другим берегам.

Тогда и узнаешь, зайдя за последний предел,
Что нету предела тому, что зовется тобой:
Ты был муравьишкой, а нынче ты, сущий, везде —
И в кронах, и в звездах, и в мерном качании хвой.

* * *

Догнивают двory на замерзшем Чудском.
Жмутся к озеру черные хаты.
К ржавой банке примерзшая сеть со снетком
Колокольню звенит на закаты.

Словно княжеский плащ расстелили в огне
Между млечного звездного хора —
Александр Ярославич на белом коне
Земли вечным обходит дозором.

Та же глушь — лишь соступишь с дороги в пургу —
И в сугробы нырнешь по колено.
Те же Псков и Смоленск в непролазном снегу,
Тот же Новгород с льдами славенов.

Та же ночь, та же хмарь, тот же морок времен,
Те же лютые немцы и шведы,
Тот же русский усталый пронзительный сон,
Где еще далеко до Победы.

Но о князе святом в полыханье побед,
Чтобы местный задумался зритель,
Прокрутил киноленту забывшихся лет
В догнивающем клубе учитель.

И мальчишка, лишь кончится в школе урок,
Рубит палкою льдины чудские,
Бьет ливонцев и, верности давши зарок,
Мчит с дружиною в ставку Батыя.

Батяка спился, а добрая мамка его
Плачет: «Хоть ты помри — всё едино!»
Он же словно не видит вокруг ничего —
Перепрыгнет со льдины на льдину —

И клянется не сдать ни кола, ни двора
Никакому врагу на потребу
В этом мире, где святы снега и ветра
И пронизано святостью Небо.

САМОРОДОК

И там я однажды сронила в сугробы
Тяжелый наследственный крест золотой.
Светлана Кузнецова

Рассказывала мне моя подруга:
В поселке ссыльных, смерти обреченных,
Где Лена мыла золото на камни,
Где зеки жгли далекие заимки
И князь якутов резал русских женок
За веселящий душу чистый спирт,
Она нашла огромный самородок.

Она кричала детям: «Посмотрите,
Что я нашла!» — и хвасталась без меры
Удачливостью детского похода
От зоны смерти — к сытым берегам.
А Лена мыла золото на камни,
И дети одобрительно глядели
И трогали сияющий металл.

А вечером пришла с работы мать.
Запричитала тихо, обреченно:
— Зачем взяла ты в руки самородок,
Зачем ты в дом тащила это горе,
Зачем его не бросила ты в воду,
Зачем не потеряла по дороге!
Затем — надела старую ватовку
И вышла на порог. Уже ложились
На мхи и травы золотые тени,
И солнца шар — огромный самородок —
Несла река в песок, напоминая:
Вот-вот наступит комендантский час.

Зачем приносит нам беду и горе
То, что считали предки божьим даром,
Везением, великою добычей,
Сном золотым праматери Земли?
Но что за дело нам, как жили деды?

Мы сотворили новые законы,
Кресты сорвали и взорвали гены,
И с шумом повернули реки вспять.

А кто рожден во времени жестоком,
Тот целый век несет воспоминанья
О золоте растоптанной любви.

Твердит закон: не сдашь сегодня слиток —
Пойдешь в тюрьму. А если не вернешься
До часа комендантского в поселок —
Пойдешь в тюрьму. Но как вернуться в срок?
Дом коменданта — в двух часах пути.

...И мать бежала по тайге, не помня
Саму себя, сквозь ночь, сбивая ноги,
Цеплялись лапы сосен за ватовку,
Вздыхались корни, преграждая путь.
Она успела вовремя. ...Но знала
С тех пор моя подруга: верить счастью —
Ребьячье хвастовство и взрослый грех.

Все вывернет завистливая сила,
Все подчинит слепым своим законам,
Все хвастовство, все детские желанья,
Все взрослые бессонные труды,
Всю веру, всю надежду, всю любовь.
Землей рожден ты — в землю ты уйдешь.
И лучше не гоняться за удачей.
...А Лена мыла золото на камни...

Так что ж, усталый золотодобытчик,
Трудись всю жизнь, намой в свое корытце
Две-три крупинки золота и вспомни,
Что жизнь — прошла. Свело подагрой спину,
Скрутила пальцы каторга земли.

Пусть иногда в ладонь намочит память
Былой огонь любви и детской веры,
И вдруг — талант сверкнет как самородок,
И сердце-самородок стуком частым
Подарит миру песню и любовь.

Знай: самородок огненный опасен,
Он порождает многие прозренья
И знания, и мечты о лучшей жизни.
Пусть твой талант всегда лежит в земле.
...А Лена моет золото на камни...

Да и моя забытая подруга
Давно лежит в земле, как самородок,
И просит прах ее не беспокоить.
Ведь есть в тайге средь каторжных и ссыльных
Простой закон: где золото — там кровь.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

За блоковской вьюгой сжигающих слов
Промчались огни золотые.
Тебя не найти среди грязных снегов
Чужой бесконечной России.

Всего-то и век промелькнул на земле,
А ночь между нами всё круче.
И снова страна пламенеет во мгле,
И опыт немногому учит.

В огромной пурге затерялись пути
Народной украденной воли.
И что нас способно еще потрясти
В столетнем беспамятстве боли?

Но Русь, что любил ты, сгорая дотла —
С кометою, с тройкою шалой —
Такой, как ты пел, никогда не была,
Лишь внукам такую осталась.

Такой не была — да осталась такой —
Поверив судьбе неизбежной,
С волной ковылей и цыганской тоской,
С Христом над метелью безбрежной.

И ты ли ее сквозь пургу разглядел —
Она захотела другого —
Но Богом досель не положен предел
Живому творящему слову.

В огромном сияющем слове без дна
Тебя никогда не забуду!
Всегда разрушенью и смерти равна
Цена объяснённого чуда.

Пусть снова — крушенье державы, Христос,
Пусть жизнь всё вокруг растоптала —

Я знаю: то Бог тебя снегом занес,
То вьюга тебя целовала.

* * *

Зазвучит в тишине Иоанн Златоуст —
Золотое свеченье польется из уст.
Золотые слова — разгоняют печаль.
Загорится сильнее золотая свеча.
Златоклювая птица засвищет в горсти
Золотому «люби!» — золотое «прости!»

Иоанн Златоуст! На кресте своих дней
Каждый платит за слово судьбою своей.
Ибо в мире, где все о своем говорят,
Даже Бог сокровенного Слова — распят.

Но грядущее — скрыто, а прошлого — нет.
Золотые слова — очищающий свет.
«По Плаголу да сбудется мне Твоему!» —
Золотая молитва уходит во тьму.
Там — изгнание, и месть, и чужбины печаль,
И щемящего сердца открытая даль.

И терновый венец заушенья и мук —
Этот Крест золотой из раскинутых рук.

Тьмой покрыта судьба. Мглой покрыты пути.
Мы из Слова пришли, чтобы в Слово уйти.
Но за свет и за крест — ибо мука свята —
Славят Бога твои золотые уста.

* * *

И нас волною времени накрыло.
И для того, кто позже был рожден,
Мы стали словом песни огнекрылой,
Свидетелями минувших времен.

В том лучшем прошлом, в млечных далях света,
Луч ярче бьется в раму поутру,
И алый флаг летит над сельсоветом,
И девочка смеется на ветру.

И все, что было серо и уныло,
Храня Земли таинственный закон,

С любовью новой и бессмертной силой
Горит в волшебном стеклышке времен.

А мы взираем, как с другого света —
Какой ценой дались нам те пути.
Мы шли на смерть, но не испили Леты,
Сумев ее глубины перейти.

* * *

Прохожу по цветным тротуарам,
Струны дня проверяя на слух:
Стало меньше проулочков старых
И красивых старинных старух.

Этой жизни с улыбкою детства,
Говорящей о прежнем былом,
Что зовем мы советским наследством,
Вспоминая свой погранный дом.

В эти полдни открыта калитка.
Там желанья просты, как стихи.
Космонавты летят на открытках.
На дорогах цветут лопухи.

Ребяшня по околицам свищет,
Голубей отправляя в зенит.
Фронтвик в гимнастерочке нищей
Не гармошкой — сердцем звенит.

Дай нам Бог золотое искусство
И в беде оставаться собой.
Не мутится высокое чувство,
Как колодец с глубокой водой.

В безначальном великом истоке,
Где себе мы навеки равны,
Перемен бесконечные токи
Не заденут огонь глубины.

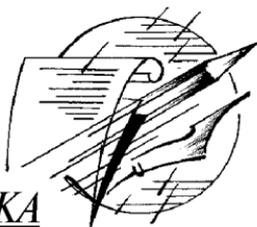
г. Смоленск

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ЭВОЛЮЦИИ

За что аборигены съели Кука...

Всем знакомы слова из песни Владимира Высоцкого «Одна научная загадка или почему аборигены съели Кука». В шуточной форме, с присущей ему иронией, вместо «общепринятой» версии автор песни выдвигает свои: «Мне представляется совсем простая штука, — хотели кушать... Хотели кока, а съели Кука». И тем не менее, среди многих версий до сих пор так и остается открытым вопрос «за что?». И по сей день «за что — неясно, молчит наука».

Обратимся к истории. В 1778 году экспедиция отважного английского исследователя Джеймса Кука открыла Гавайские острова. Уставших мореплавателей встретил настоящий рай на земле. На острове не знали болезней, люди умирали только от старости... Капитан Кук был весьма удивлен церемониальными торжествами в его честь. Гавайские туземцы, которые считали себя потомками полинезийского бога Лоно, приняли Кука за божество, чье возвращение с богатыми дарами предсказывали древние полинезийские легенды. Местные жители вначале воспринимали отважных мо-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

реплавателей, приплывших на огромном судне под белоснежными парусами, за небожителей. Старый вождь племени за особую честь принял дружбу и покровительство капитана.

Во время второго посещения острова ввиду неблагоприятных погодных условий отдых команды Кука чересчур затянулся. Аборигены лишались запасов продовольствия, да и «потомки белых богов», накаченные ромом, порой доводили себя до скотского состояния — английские матросы вели себя бесцеремонно и грубо. А туземки рассказывали, что англичане, увы, не боги и не ангелы, а точно такие же люди, как и их местные кавалеры, — того же человеческого «рода-племени». Вера в небожителей незаметно сошла на нет, аборигены не скрывали своей враждебности, атмосфера сгущалась...

В результате противостояния и конфликта Джеймс Кук не удержался и сгоряча высказался, что туземцы ведут свою родословную отнюдь не от древних богов, а от обезьян, чем страшно обидел и оскорбил вождя, всё племя и их религиозные чувства. Увы, такое оскорбление ему простить не могли. Джеймс Кук был убит разгневанными островитянами, его тело осталось у дикарей-туземцев... Выражаясь современным языком, конфликт произошел по религиозным мотивам. Так сказать, совершено убийство белого человека разъяренной толпой религиозных фанатиков и экстремистов...

Возможно, данная версия для кого-то покажется недостаточно «академичной» и чересчур «смелой», т.к. она немного расходится с общепринятой. Хотя, кто может знать, как развивались события на удаленных от мира островах посреди Тихого океана более 200 лет назад... Вместе с тем, для нас, современных людей, данная история весьма поучительна, ибо заставляет задуматься о происхождении человека. Невольно возникает вопрос: **от кого произошел современный человек?** От Бога, как сказано в Священном Писании, от человекообразной обезьяны, как пытаются доказать эволюционисты-дарвинисты, или человек вообще занесен на землю из дальних миров («эксперимент» неких высокоразвитых инопланетян-гуманоидов). Поскольку последняя гипотеза слишком сомнительна и абсолютно недоказуема, официальной наукой она, естественно, отвергается. Согласно доминирующей в науке теории принято считать, что современный человек (*Homo sapiens*) произошел от некой «промежуточной переходной формы» высокоразвитых обезьян-гоминидов, предположительно, от неандертальцев. А поскольку всё великое множество «переходных форм» якобы разделено друг от друга миллионами лет «эволюции», трудно установить конкретного «первопредка», и потому в современном научном мире

принято считать, что человеческий род берет свое начало от некой древней «праобезьяны».

Парадокс в том, что язычники, безграмотные дикари-людоеды, тем не менее считали себя потомками древних богов. Для непросвещенных туземцев и в голову не могло прийти выводить свою родословную и отождествлять себя с обезьяной. А вот мы, разумные представители рода человеческого, цивилизованные люди, вкусившие свет знания и познавшие премудрость науки, наоборот, считаем себя потомками древних приматов. Для большинства современных людей не принципиально, кто наш «первопредок»: австралопитек, питекантроп, синантроп, бандерлог* или наиболее «человекоподобная» из современных обезьян, шимпанзе — за давностью лет истину установить невозможно. Да, по сути, какая разница — ведь с точки зрения «эволюции» всё сводится к обезьяне. Итак, от кого же произошел современный человек — от Бога или от бандерлога? Вот в чем вопрос...

В переносном значении бандерлоги — это опустившиеся, морально деградировавшие люди, изгои общества — т.е. некий собирательный «тип неандертальца», только уже более современного. По мнению многих исследователей, неандертальцы — это вовсе не самые «продвинутые» в эволюционном отношении «обезьяно-человеки» и отнюдь не последнее «переходное звено», а скорее, наоборот, неандертальцы — это деградировавшие и одичавшие изгои материальной «цивилизации» древнего мира, по ряду причин отвергнувшие себя от социума. Это люди, утратившие веру в свое высокое божественное предназначение, люди, отрекшиеся от своего божественного происхождения и своего Создателя. Как мы видим сегодня, данный процесс не является чем-то исключительным, присущим древности, — и ныне мы своими глазами можем наблюдать толпы бездомных, отвергнутых обществом людей, бесцельно передвигающихся по улицам и подворотням мегаполисов в поисках пропитания...

Одна научная загадка

Рассмотрим подробнее официальную точку зрения и позицию «всесильной науки» на происхождение современного человека (*Гомо сапиенс*). Еще со школьной скамьи мы слышим азбучные «истины» современной системы образования: «человек произошел от обезьяны». Принято считать, что пред-

---

* Бандерлоги — стая диких обезьян, вымышленный обезьяний народ из сказки Р. Киплинга.

ставление о «родстве» человека разумного и обезьян пошло от английского ученого Чарльза Дарвина, который ввел в обиход так называемую теорию эволюции (ТЭ) и, развивая идею биологического происхождения человека, якобы ее «научно доказал». При этом обычно ссылаются на его труды «О происхождении видов» и «Происхождение человека и половой отбор».

Известно, что Ч. Дарвин окончил богословский факультет знаменитого Кембриджа, но постепенно его взгляды сильно «эволюционировали». До Дарвина люди были уверены, что в мире, однажды сотворенном Богом, все живые существа и человек в том числе, живут без больших изменений, и вдруг «выясняется», что виды животных вовсе не сотворены, а развились друг из друга в процессе эволюции, а сам человек произошел от обезьяны, т.е. от животного! Несмотря на откровенный вызов устоям того времени и очевидный абсурд, его гипотеза (идея некой перманентной «эволюции» растений, животных и человека) была принята многими из ученых того времени. Что делать, человеку свойственно соблазняться на подобную «новизну». С тех пор многое изменилось, получены новые научные факты и новые знания, в мире науки появились и другие гипотезы, другие теории, мнения. И тем не менее, теория эволюции до сих пор считается и научной, и истинной: сенсационная идея Дарвина засела в умах так крепко и укоренилась так глубоко, что и по сей день со страниц толстых энциклопедий умными глазами смотрят на нас «бабушки и дедушки» — наши «дальние родственники» обезьяно-человеки!

Удивительно и парадоксально, что мы, казалось бы, разумные люди, достигшие огромных успехов в познании мира, да и самого человека, имеющие доступ к различным источникам информации, продолжаем считать себя потомками обезьян-гоминидов. Разве это не мерзко, не унижительно для людей — высшего творения Божьего — думать подобным образом (ибо сказал: «вы — боги, и все вы сыны Всевышнего» (Пс. 81:6). И можно ли после такого добровольного низведения человека (ибо он есть икона, «образ Божий!») до уровня обезьяны, пусть даже и самой «человекообразной», называть современных людей разумными. Это «низведение» присуще жителям европейско-американской цивилизации.

Для древних евреев подобный вопрос вообще не стоял. Ибо они возводили свою родословную от первого человека Адама, которого Господь сотворил: «Мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога» (Инн. 8: 41). И Сам Иисус Христос свидетельствует: «Меня прославляет Отец

Мой, о Котором вы говорите, что Он Бог ваш» (Инн. 8:54). Древние греки и римляне, например, почитали особой привилегией иметь «родство» и общение с богами, что отражено подробно в их мифологии. Японцы и теперь, например, не находят в своем родстве обезьяны и наравне с другими обособленным народами островов Тихого океана считают себя потомками древних богов. Не вели свою родословную и не искали себе «подобных» среди обезьян китайские императоры. Также и в желтой жаркой Африке, в центральной ее части, например, в Нигерии, по свидетельству очевидцев, коренное население, имея живой опыт наблюдения за жизнью и поведением бабуинов и шимпанзе, совсем не спешит записаться в родню к «ближайшим предкам» современного человека. В отличие от своих цивилизованных «старших братьев» — просвещенных и образованных европейских народов, вкусивших «запретный плод древа познания» и почитающих за особую честь вести свою родословную от приматов-обезьян-бандерлогов. Удивительно, что именно современные европейцы и американцы, наследники великой христианской цивилизации и культуры, уподобившись «юродиво-мудрым» язычникам Рима начала I века н.э., «...осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце, называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку... и четвероногим, и пресмыкающимся... **Они заменили истину Божию ложью**» (Рим 1:21-25).

Адам сотворен Господом Богом, — в Св. Писании мы нигде не встречаем и намека, что он мог сформироваться в процессе эволюции. Наоборот, человек единственный, кто сотворен «по образу Божию» (Быт. 1: 27). Это означает, что люди разделяют природу Бога и таким образом обладают способностью к духовному общению с Творцом. Человек не безликое безвольное создание, как все животные и другие низшие твари, — он, как и сам Творец, личность. Человеку присущи стремление к истине, мудрость, любовь, жажда справедливости, святость. А некое умозрительно-гипотетическое «подобие» человека на отдельных приматов пусть будет на совети Дарвина и его последователей.

И тем не менее система образования сегодня устроена так, что современный человек еще со школьного возраста привыкает относиться к гипотезе Дарвина как к великому научному открытию. Из года в год каждому поколению школьников рассказывается о том, что за миллионы лет труд сделал из обезьяны человека. Дети надолго запоминают и палку-копалку, и острые камушки как первые орудия труда, и

первые проблески у обезьян необычной для животных сообразительности. На первый взгляд правдоподобными кажутся рассказы о том, как в первых сообществах этих еще недочеловеков, но уже не обезьян возникла необходимость общения, приведшая к появлению условных гортанных звуков. Как они в борьбе за существование образовывали первые семьи с примитивным разделением труда: папа ходил на охоту, мама готовила пищу и ухаживала за детьми. Своего рода «обезьянья идиллия», сказка для детей и для взрослых. И все это подается нам как наука вот уже более ста лет. Но по своей «научности» эти «сказания» не более чем человеческая фантазия, нечто вроде научной мифологии в стиле фэнтези. А по сути своей — не что иное, как наукоподобная глупость и мракобесие. Но эти идеи, эти образы западают в доверчивую детскую душу надолго, порою и навсегда. Известно, что сосуд долго хранит запах первой жидкости, которой он был наполнен...

Собственно говоря, во времена Дарвина его гипотеза о происхождении человека не была серьезно воспринята. Она являлась предметом досужего любопытства и бесконечных шуток. Друг и учитель Дарвина Сэджвик назвал ее «ошеломляющим парадоксом, высказанным очень смело и с некоторым правдоподобием, но в сущности напоминающим веревку, свитую из мыльных пузырей». Одно из своих писем он закончил так: «В прошлом — ваш старый друг, а ныне — один из потомков обезьяны». Художники соревновались в рисовании карикатур, наподобие удлинения рук у потомственных рыболовов или удлинения ног у потомственных почтальонов. Что же касается происхождения видов, всем было хорошо известно, что животные одного вида могут сильно отличаться друг от друга, образуя множество подвидов и пород, но возможность превращения одного вида в другой, конечно же, уже тогда казалась неправдоподобной.

Для полноты реализации чрезвычайно смелой по тем временам идеи «эволюции» обезьяны в человека долгое время не хватало «переходного звена», т.е. ископаемых останков некоего «первопредка». Да и сейчас их немного. Как обращает внимание американский ученый-богослов иеромонах Серафим Роуз, «все ископаемые свидетельства «эволюции человека» можно уместить в ящик размером с небольшой гроб, и происходят они из удаленных одна от другой местностей, без всяких указаний на то, как эти разные «люди» связаны между собой родством или происхождением».

Если изучить объективно все ископаемые свидетельства в пользу «эволюции человека», то обнаружится, что

убедительных или хоть сколько-нибудь разумных доказательств этой «эволюции» нет. Как отмечает далее о. Серафим Роуз, «считается, что они есть, — и потому только, что люди хотят в это верить; они веруют в философию, которая требует, чтобы человек произошел от обезьяноподобных тварей. Из всех ископаемых «людей» только неандерталец (и кроманьонец, который есть просто современный человек) представляется подлинным; но и он — просто homo sapiens, не более отличный от современного человека, чем современные люди различаются между собой. Картинки неандертальского человека в учебниках по эволюции являются измышлением художников, у которых предвзятые представления о том, как должен выглядеть «примитивный человек», исходя из их эволюционной философии».

И действительно, недостающее «переходное звено» нередко дополняется воображением художников. С этим талантом в истории теории эволюции связаны явно скандальные происшествия. Большой энтузиаст теории Дарвина Э.Геккель прославился также своими рисунками — это он сумел изобразить питекантропа еще до начала раскопок! Дальше — больше. Изучая изображения эмбрионов, он пришел к выводу, что в их развитии обнаруживаются признаки минувшей эволюции. Биогенетический закон Геккеля — каждый организм в период эмбрионального развития повторяет стадии, которые его вид должен был пройти в процессе эволюции. В доказательство Геккель приводил изображения эмбриона человека, на которых видны жабры, хвост. Публикация книги Геккеля вызвала в свое время бурю возмущений. Когда профессиональные эмбриологи взглянули на изображения зародышей, сделанные Геккелем, то уличили его в фальсификации. Он сознался, что несколько «подретушировал» картинки, но оправдывался тем, что, дескать, все так делают. Да, чего не сделаешь в одержимости великой идеей? Ученый совет Иенского университета признал тогда Геккеля виновным в научном мошенничестве и исключил из состава профессуры.

Понятно, что идея «эволюционирования» человека из обезьяны, равно как рыб в земноводных, пресмыкающихся в птиц, является выдумкой и плодом фантазии отдельных «ученых-мифологов». Она идет в явное противоречие со здравым смыслом и, главное, противоречит Св. Писанию, где многократно повторяется, что каждый из видов наследует сам себя и не может воспроизвести другого: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подо-

---

бию ее) и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так» (Быт. 1:11).

Генетика говорит, что в каждом виде животных заложена широкая возможность изменений, но исключительно в пределах вида. Это не отрицает также и Священное Писание, это может подтвердить любой здравомыслящий человек, неважно, верующий он или атеист. Например, собаки в зависимости от условий обитания могут мельчать или крупнеть, становиться пушистыми или гладкошерстными, но они всегда будут оставаться собаками. Предположение о взаимопревращении видов не подтвердилось ни фактическим материалом, ни серьезными научными исследованиями. Каждый вид имеет мощнейшую защиту от таких преобразований на генетическом уровне.

Доктор К. Паттерсон — главный палеонтолог Британского музея естественной истории — написал большую книгу об эволюции. Отвечая на вопрос, почему он не привел в ней рисунков переходных форм, Паттерсон откровенно признался: «Если бы я знал хоть одну из них (живую или окаменевшую), то непременно включил бы ее в книгу». Полная неудача интенсивных поисков палеонтологов в течение более чем столетия показала, что **промежуточные формы в природе никогда не существовали**. И потому всё больше ученых приходит к выводу, что даже наиболее известная из «переходных форм», неандертальцы, были вполне обычными *homo sapiens* (людьми разумными) и отличались от обезьян ничуть не меньше нас с вами, а их примитивный образ жизни свидетельствует, похоже, лишь об отсутствии материально-технической базы. Любой из нас, особенно изнеженных комфортом современных людей, вне социума, будучи изгоем, выглядел бы в условиях дикой природы ничуть не «цивилизованнее».

Многие из сторонников биологического (эволюционного) происхождения жизни и по сей день живут устаревшими представлениями времен Дарвина. Их доводы на первый взгляд действительно представляются не лишенными смысла, поэтому люди и заблуждаются, заключая, что если микроэволюция (небольшие изменения вида) — бесспорный факт, то и макроэволюция (формирование «эволюционного древа») — тоже реальность. Такие заблуждения были простительны сто лет назад, но не сегодня. С развитием генетики стало понятно, что генетические механизмы, лежащие в основе микроэволюции, нельзя беззастенчиво экстраполировать для объяснения гипотетической макроэволюции.

Возьмем конкретные научные данные, которыми располагает сегодня генетика. Известно, что у наших «ближай-

---

ших предков» — человекообразных обезьян (орангутанг, шимпанзе, гориллы) в ядре клетки содержится 48 хромосом (кстати, как и у зайца), а у человека — 46 хромосом (как у наиболее примитивных видов обезьян лемурув, прыгунков, игрунков). Из этого следует, что даже если различные виды «человекообразных» узконосых обезьян еще могут условно считаться «родственниками» между собой, то в генетическом родстве они весьма далеко отстоят от человека. Этого упорно не видят ученые-эволюционисты. Или, что гораздо более вероятно, одержимые идеей эволюции, в упор не хотят замечать!

И вновь обратимся к современным научным данным. Генетики, в частности, отмечают, что индивидуальные комплексы генов (геномы) двух людей из разных концов света отличаются значительно меньше, чем у двух горилл из одного леса в Западной Африке. Исследование строения Y-хромосомы человека показало, что у всех современных людей возможно был всего один общий предок по мужской линии! В результате изучения митохондрий оказалось, что все мы могли произойти от одной женщины. Ученые назвали их Адамом и Евой, к тому склонил сам факт их возможной единственности, весьма неожиданный для многих ученых.

Современным исследователям, углубившимся в тайны высшей нервной деятельности, в тайны строения и функционирования мозга, вполне очевидна несостоятельность ТЭ. На вопрос о появлении человека директор Института мозга академик Наталья Петровна Бехтерева ответила определенно: «Эволюцию я как-то не вижу, не могу себе ее представить».

Факты всё более красноречиво говорят о бессилии современной материалистической науки перед Тайной Созидания, о невозможности понять и постигнуть творческий акт Всемогущего Творца («да будет»), не говоря о том, чтобы повторить его.

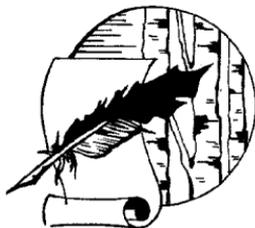
Нередко современные ученые противоречат друг другу, хотя, скорее, это обычное явление, известное еще с древности. Вспомним греческих философов-гностиков — интеллектуальную элиту того времени, — в бесконечных спорах так и не постигнувших истины. Смириться и признать правду, т.е. сверхъестественное происхождение жизни, многим из маскитых ученых не позволяет «честь мундира» и обыкновенная человеческая гордыня. Так можно ли им вообще доверять?

Дарвинисты — незаконно ворвавшиеся в культуру материалисты, имеющие психологическую потребность впикивать любое свидетельство в свою схему развития от молекулы

до людей с помощью бессмысленных, неуправляемых и бесполезных естественных процессов эволюции. В действительности они разрушают науку. Настоящие ученые, которые ищут способы исцеления болезней и наблюдают за работой клеток, а также исследуют пространство с целью понять законы физики и химии не имеют ничего общего с этими лицемерами.

А теория эволюции... Очень хочется верить, что она останется в памяти поколений весьма занимательной и поучительной фантазией на тему: «Как могла бы произойти жизнь на Земле без Творца, если бы это было возможно» — историей тщетных усилий мятущегося человеческого духа, пожелавшего обойтись без своего Создателя.

Светлана СУПРУНОВА

СУЕТНО, СУЕТНО В МИРЕ...

БАБА ОЛЯ

Докучают в лесу комары.
Выйдешь в поле — надышишься вволю,
А за полем уютятся дворы.
Кто не знает у нас бабу Олю!

Снег и ливни, менялись вожди.
Неохотно расскажет, бывало,
Как, дитя прижимая к груди,
От пылающих изб убегала.

А потом тишина, трудодни.
Жизнь покатится по нормативу.
Отдышавшись маленько в тени,
Заспешит на созревшую ниву.

Вроде скорби её далеко,
Только чёрный платок не снимает.
Как живётся? Ответит легко:
«Да на хлеб и одежду хватает!»

В огороде редиска, лучок,
И ни сорной травинки на грядке.
Приезжает на лето внучок.
Всё по кругу идёт, всё в порядке.

Нынче вьюга следы замела,
До могилы не стёжка — аллея.
Никого не ругая, жила
И ушла, ни о чём не жалея.

Кто плеснул бы на мир белизны!
И когда загибаюсь от боли,
Всё глядит на меня со стены
Матерь Божья с лицом бабы Оли.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сел в трамвай — тепло и сухо,
Катится народ,
И кондукторша-старуха
Денежку берёт.

В тёплом свитере, хромает,
Щурится слегка,
Мелочь сыплет — как считает
Сдачу с молока.

Песенку из доброй сказки
Я тебе спою,
Закрывай, малютка, глазки,
Баюшки-баю.

Хлебушек сегодня горек —
Невесёлый век,
И метёт наш тихий дворик
По утрам узбек.

Неуютно, одиноко,
И поёт узбек.
Тянет сквозняком с востока,
Выпал первый снег.

Всё присыпано порошей,
Зябко воробью.
Спи, мой сладкий, мой хороший,
Баюшки-баю.

Снова сверху: «Здрасьте, здрасьте!» —
Едет в кабинет,
Крепко так примазан к власти
Пухленький сосед.

Шандарахнет из стакана —
Вспомнит про народ,
Улыбнётся нам с экрана,
Что-нибудь соврёт.

На иконке взгляд лучистый,
Русь в святой горсти.
Спи, мой светлый, самый чистый,
Не спеши расти.

---

* * *

Так не должно быть — глупые рекламы,
На сцене и трибунах балаган,
Гламурные распущенные дамы,
Опять атаковавшие экран.

Уюта бы и воздуха почище,
Так не должно быть — паперть и дворцы,
И выстужено старое жилище,
И на хозяйстве снова подлецы.

И на пути то маклер, то пьянчужка,
И снова взгляд беспомощный ловлю,
Когда у кассы возится старушка,
Отсчитывая деньги по рублю.

И в голове проносится — доколе?
И замечаю воспалённый взор,
Как, отмахав косою в диком поле,
Мужик лохматый смотрит на топор.

Не обойти тогда судьбину вдовью,
Тяжёлой станет каждая верста.
Так не должно быть — с криками и кровью,
Так не должно быть — правда без креста.

* * *

О как, спрошу, свой век дожить,
В толпе не затыкая уши,
Чтоб этот мир не осудить,
Не растоптать чужие души?

Как отдавать не напоказ,
Не избегать молящих взоров
И не жалеть, что всякий раз
Была печальницей просторов?

Как обойти земной успех
И все дары с большой дороги
По-божьи разделить на всех,
Совсем не думая о Боге?

---

* * *

Сосед галичанский, скажи,
Зачем твои пули летают?
Боюсь не наветов и лжи,
Мне страшно, когда убивают.

Не видеть бы хаты в огне,
И ссоры не хочется, в целом.
Наверно, страшнее вдвойне
Тому, кто лежит под прицелом.

И страшно уже за страну,
Где каждый четвёртый — калека.
Мальчишки играют в войну.
Не целься, сынок, в человека!

* * *

Пожитки в нескольких пакетах
Для холодов и для дождей,
В цветастой юбке, старых кедах
Сидит на паперти своей.

Лицо молодки, взгляд старухи —
Всего намешано в судьбу,
И на платок садятся мухи,
И серый пот течёт по лбу.

Сидит под солнцем, одинока,
Чего-то там жуёт порой.
Печали мира так далёко,
Что мир уже как неродной.

Поднимется, возьмёт пакеты,
Когда проклонется звезда,
Пойдёт встречать свои рассветы.
Хотя бы голос: «Ты куда?»

* * *

Никому не скажу и уеду,
Ни друзей, ни любви не найдя,
И пойду с чемоданом по следу
Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
И ромашки надарят тепла.
Всё живое, такое родное,
Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы,
Так душевно — один на один.
Приживусь на недели, на годы
Среди ягод и тонких осин.

Забредёт сюда кто-то, возможно,
Помолчит, на места поглядит.
«Как там мир?» — расспрошу осторожно.
«Да куда ему деться? — стоит».

Так ответит — легко, равнодушно,
Потому и поверю ему.
Что желать? — ничего и не нужно,
Если сытно и тихо в дому.

* * *

В пятиэтажном улье комнатушка.
Комод и стулья дышат стариной.
В той комнатушке кроткая старушка,
Встаёт чуть свет, ложится со звездой.

Я увидала дверь при тусклом свете
И, ковырнув разболтанный замок,
Узнала всё: комод и стулья эти,
Упрятанные кольцами дорог,

И ватное родное одеяло,
Как яблочко сушёное, лицо.
«Чего так долго ты не приезжала?
Хотя бы за полгода письмецо...»

Всё слушала меня, всё удивлялась,
И тут смекнула радостно: «Погодь,
Что ж — насовсем? ужель навоевалась?»
И тихо так: «Храни нас всех Господь...
Война — оно занятие пустое,
А сердце всё же просит тишины...»
И обронила самое простое:
«Нельзя ли как-то миром, без войны?»

И сумерки надвинулись тревожно,
И я тогда подумала о том,
Что без войны, наверное, и можно,
Когда сердца наполнены добром.

Какая-то неведомая сила
Нам раздаёт смирение и покой,
Не то добра кому-то не хватило,
Не то другим насыпано с лихвой.

ДЕДУШКА

Снова от внуков сюрприз:
Быстро одели, обули,
Вывели под руки вниз:
«Мы на часок». Упорхнули.

Скрылось за домом авто.
Здесь бы сидеть-отсидеться.
Старое греет пальто,
Только душе не согреться.

Жизнь пролилась, как вода,
Съедено лиха до крошки.
Вон над макушкой звезда
И зажелтели окошки.

Думы — что в печке зола,
Мир не становится шире.
Внуки не едут — дела.
Суетно, суетно в мире...

В темень куда-то глядит,
Что-то нездешнее слышит,
Тихо под небом сидит.
Дедушка воздухом дышит.

СОСЕДКА

На чаёк засушит травки,
То в окошко поглядит,
То тихонечко на лавке
У подъезда посидит.

В однокомнатной клетушке
Так уныло и мертво,
Похоронены подружки,
Не осталось никого.

Ей бы с кем разговориться
Про дожди и огород,
Очень рано спать ложится
И ранёхонько встаёт.

Громко радио играет,
Но старушка, как на грех,
Ничего не понимает
В новомодных песнях тех.

На ольхе раскрылись почки,
И она который год
Снова в беленьком платочке.
Всё по кругу. Жизнь идёт.

* * *

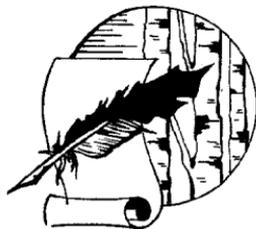
С годами видится простое,
И всё яснее каждый год.
Обиды, суета — пустое,
И правда в том, что снег идёт.

Всё заметёт к утру, похоже.
Фонарь под окнами горит.
Светло, и в этом правда тоже,
И в том, что город этот спит.

И знаешь, что не одинока,
Что где-то высоко луна
И чьи-то голоса далёко.
Благословенна тишина!

И вот фонарь потух. Светает.
Мы все у белого в плену.
А снег идёт, а снег не тает
И продлевает тишину.

г. Калининград

Николай КОНОВСКОЙ

ИСПОВЕДЬ

ДУХОВНЫЙ СТАЛИНГРАД

Слабая у нас защита, я бы сказала, нулевая.
Никто не отстоял и не защитил мои права.

Е. Исинбаева

Сдаётся честь державы втихомолку,
Предательства впитавшей трупный яд.
У самого подворья воют волки,
А им в ответ — молчание ягнят.

Согласные на всё, а что в итоге, —
Скажи, «отец», поведай, МОКа член.
«Они умеют раздвигать лишь ноги», —
Сказала чемпионка Лана Чен.

«Позор вокруг, и трусость, и измена» —
Всё то, что и сто лет тому назад.
Смахни слезу, великая Елена,
Не оставляй духовный Сталинград.

В ТВ триндит пустопорожним вздором
Никто, ничто, какой-то конь в пальто,
Позор избравший меж войной — с позором,
В итоге получивший — то и то.

Вставай же, вождь, сметая дни и даты,
Отдай приказ «Ни шагу, где, — назад!»
Ещё стоит, ещё врагом не взятый,
Пылает наш духовный Сталинград!

ЗЫБКО ЯВЛЕННЫЙ ЛЕС

Синевой отражённый,
Вешним водам вослед
Льётся новорождённый
Пробудившийся свет.

Ожиданье удачи,
Старой думы уклад —
Свет и ветер иначат
На неведомый лад.

Озарённый капелью,
В ожиданье чудес
Дышит юною прелью
Зыбко явленный лес...

Плещет золотом ливней,
Блещет грохотом гроз —
Горний дух благостынный,
Мир пронзивший насквозь!

МИРОМ

Существует древний,
Благочестивый православный обычай
Пожертвования
На строящиеся храмы:
Покупка своего, «именного» кирпичика,
Который встанет затем —
Плечо к плечу с другими —
В стену нового строящегося храма.

Так, миром, и возводится из руин
Историческая Россия;
Так, миром,
Как покаянием очищенные души,
И возводятся на Руси светозарные храмы.

НЕОТВРАТИМЫЙ ВЕЧЕР ЖИЗНИ

И вот он приблизился,
Почти вплотную,

Неотвратимый вечер жизни...
Мне говорят: ты столько жил,
Ты столько видел, —
Всяких людей
И всяких событий;
Ты — поэт, ты — владеешь словом, —
Возьми, напиши, —
У тебя наверняка получится —
Ну, хотя бы автобиографическую повесть...

А мне-то, сказать по правде,
И вспомнить почти нечего.

Детство,
Сердце, трепещущее от преизбытка счастья,
Долгие, трудные,
Блаженные годы неведения;

Шторм —
И поныне стоящий в глазах,
Всё разметавший в шепу,
Едва не погубивший в пучине
Хрупкую, —
То возносимую к небесам,
То низвергаемую в бездну
Немощную лодчонку
Чудом спасшейся,
Богом хранимой души...

БОГОРОДИЧНАЯ ТРАВА

Далёко от низинных вод,
В степи засушливой растёт
Трава, раскидисто-легка,
На почве камня и песка.

Вот кончится Успенский пост, —
И в благовонный медонос —
В чабрец, воздушно-тяжела,
Вопьётся жадная пчела, —

Блаженно-сонная, пока
Из розоватого цветка,
Тягучий и душистый дар, —
Восходит солнечный нектар...

А боголюбицы придут
Ко всенощной и уберут
Небесно-нежною травой
Во храме образ Пресвятой.

РОССИЯ
(по Феофану Затворнику)

Что есть России нашей величавее!
В ней замыслов, деяний грандиозность.
Храните же святое Православие,
А в нём — Самодержавие, Народность.

Сии начала проведут над бездною;
Из пепла с ними, возрождён, восстанешь.
Народ! Коль запятнаешь их изменою, —
Ты быть народом русским перестанешь.

«АНГЛЕТЕР»

Всем, обвиняющим Есенина в самоубийстве

Ночь глухая. Без ответа
Дума: быть или не быть...
Что же, можете поэта,
Беззащитного — убить.

Ну а что вам делать с жизнью,
Уходящей в небеса?
С обрётённой в муках синью,
Отверзающей глаза?

... Их, клеветущих, ничтожных,
В жизни той и в жизни сей
Помяни пред ликом Божиим,
Русский мученик, Сергей.

ВВЕРХ!..

Волглый воздух — бездонней, и птицы — тревожнее крик,
И усталое солнце за дальние горы садится...
О пронзившая боль! — зацепиться бы только за миг,
На единственный миг бы за тающий свет зацепиться!

Зрим таинственный свод, неземным озарённый огнём,
Закрываем глаза, и, исполнены грозных видений,
Неуклонно и медленно в страшную вечность идём
По ступеням крошащихся невозвратимых мгновений.

РЕКА

Исповедью страстотерпца
В стылую вечность дыша,
Ты ли горишь, моё сердце?..
Ты ли мятёшься, душа?

Мир, обращённый к покою,
Свет на пустынной волне —
Где-то за дальней рекою,
Где-то на той стороне.

Высится над берегами
Сосен изломанный ряд.
Красный тускнеющий пламень
В речку бросает закат.

Словно бы тайной извечной,
Явью меж этой и той
Жизнью — лежит моя речка
Красной запретной чертой.

г. Москва

Александр САЛАГАЕВ,
доктор социологических наук, профессор, г. Казань

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ РУССКИХ В РОССИИ

Русские — восточнославянский народ, проживающий, в основном, в России, а также составляющий значительную долю населения Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Латвии, Киргизии, Эстонии, Литвы, Молдавии, Приднестровья, Туркмении. Разговаривают на русском языке восточной подгруппы славянской группы индоевропейской языковой семьи. Русских связывают общая история, культура и этническое происхождение. Численность русских в мире в настоящее время составляет около 145 млн., из них в Российской Федерации — 116 млн. (2002 год), что составляет 79,8% всего населения страны. Наиболее распространенной религией среди русских является православие.

Наибольшая часть русских живет в центральной части, на юге и северо-западе России, на Урале. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, среди субъектов Российской Федерации наибольший процент русского населения отмечен в Вологодской области (96,56%). Доля русских превышает 90% в 30 субъектах Федерации — главным образом это области Центрального и Северо-

РУССКИЙ ВОПРОС

Западного федеральных округов, а также юг Сибири. В большинстве национальных республик доля русских колеблется от 30 до 50%. Наименьшее число русских — в Ингушетии, Чечне и Дагестане (менее 5%).

До революции 1917 года под русскими понималась совокупность трех этнографических групп: великороссов, малороссов (сюда же включали и закарпатских русинов) и белорусов, то есть — всех восточных славян. Она составляла 86 млн. человек (1897) или 72,5% населения Российской империи. Однако уже в это время ряд исследователей считали различия между группами достаточными, чтобы признать их особыми народами.

В связи с последующим углублением этих различий и национальным самоопределением малороссов (украинцев) и белорусов, этноним «русские» перестал на них распространяться и сохранился лишь для великороссов, заместив собой прежний. В настоящие время, говоря о дореволюционной России, под русскими понимают только великороссов, где русские составляли 43% ее населения (порядка 56 млн.).

В XX веке русские пережили один из тяжелейших периодов в своей истории. В результате последовавшей за Первой мировой Гражданской войны 1918—1922 годов Россия утратила большие территории, ее покинуло значительное число представителей аристократии, интеллигенции, казачества, офицерства и других социальных слоев. Русскими были утеряны значительные пласты национальных обычаев и православной культуры, во время самой войны и последовавшего периода погибло огромное количество населения.

Катастрофический урон русскому этносу был нанесен во время Великой Отечественной войны. Среди 8,66 млн. советских солдат, погибших на фронте и умерших в плену, 5,76 млн. (66,4%) составили русские; некоторые регионы с преимущественно русским населением подверглись оккупации.

Начиная с 1990-х годов, по данным российских властей, имеет место дискриминация русского населения в бывших республиках СССР (Прибалтика, Узбекистан, Украина, Таджикистан, Молдавия, Казахстан, а в некоторых случаях — и на территории Российской Федерации (Адыгея, Чечня, Тыва).

По свидетельству «Независимой газеты», в Республике Адыгея, одной из самых «русских» на Кавказе (адыгейцев — 22% от общей численности населения), уступки «коренной нации» привели к установлению кланово-криминального режима, при котором «русскоязычное население оказалось в угнетенном, бесправном и обездоленном положении». Безрассудство в отношениях с Чечней в 90-е годы прошлого века

привело к настоящей катастрофе. Под флагом обретения независимости республика возвратилась в самое настоящее Средневековье, установив полуофициальную работоторговлю и эксплуатацию рабского труда, около 30 тысяч проживавших там русских было вырезано, более 200 тысяч, бросив квартиры и имущество, бежали, за ними последовали более полумиллиона (две трети) проживавших там чеченцев.

В дореволюционной России русские были имперской нацией. Лозунг «Самодержавие, православие, народность» относился только к православным, которыми были исконно русские (великороссы, малороссы, белоруссы). Представители других этносов могли принять православие и тем самым влиться в русскую нацию.

С падением самодержавия и установлением диктатуры большевиков приоритеты национальной политики изменились. Серьезной силой, на которую опирались большевики, наряду с немногочисленным рабочим классом России стали национальные меньшинства. Поэтому пролетарский интернационализм имел двойной стандарт: для национальных меньшинств и для русских. Интернационализм означал солидарность и всяческую поддержку многочисленных национальных меньшинств. А со стороны «угнетающей» или так называемой «великой» нации («великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда») интернационализм, по словам В.И. Ленина, *«должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается фактически»*.

Для этого, утверждал Ленин, нужно *«возместить так или иначе своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации»*. Поэтому *«лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»*.

По мнению профессора МГУ А.И. Вдовина, *«первые шаги в решении национального вопроса в СССР предполагали ликвидацию фактического неравенства наций путем помощи отсталым народам со стороны «ушедшей вперед» центральной России»*. В своей статье он приводит выдержку из учебного пособия для вузов, выпущенного в 1920-е годы семью изданиями, где говорилось: *«Одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует обязанность «державной нации» оказать помощь, которая есть только возвращение долга»*.

Автор иронизирует, что «русская нация для удобства взимания с нее исторического долга из числа субъектов федерации была просто-напросто исключена». Как известно, ни русской союзной республики в СССР, ни русской автономной республики в РСФСР не было. *«Ресурсами РСФСР и русского народа бесконтрольно распоряжался наднациональный союзный Центр. Иерархический федерализм, оформившийся в СССР к началу 1930-х годов, был целиком обусловлен «правом на помощь» и размерами «возвращаемого долга».*

Последствия такой политики стали катастрофическими для всех народов нашей страны. Ряд исследователей считает, что главной причиной разрушения СССР стало ослабление русского этноса, уменьшение его роли в экономической и государственно-политической жизни, произошедшие после октябрьского переворота 1917 года.

После декларирования окончательного решения национального вопроса в СССР (1934 год) было «уточнено» место русского народа в системе межнациональных отношений. Из бывшей угнетательской нации и исторического должника он был превращен в «старшего брата» других советских народов. Начало этой, в целом успешной в пропагандистском отношении операции положила статья «Старший среди равных», опубликованная в «Ленинградской правде» в самом конце 1937 года. В ней говорилось: «Когда русский народ поднялся во весь рост, свободолюбивый, талантливый, мужественный, справедливый, как всякий народ, несущий на своих знаменах свободу, он по-братски был признан первым другими народами СССР. Так братья, равные в дружной семье, отдают первенство старшему».

По мнению А.И. Вдовина, в 1930-е годы нужно было пролонгировать донорскую роль русского народа, но поскольку требовать от него помощи, как в 1920-е годы, по долгу бывшей угнетающей нации в конце 1930-х годов становилось неудобным (это противоречило бы ранее обнародованному выводу о преодолении недоверия между народами и победе дружбы), русский народ к своим званиям «великого» и «первого среди равных» получил еще и «старшего брата» в придачу. Обязанности последнего, по традиционным представлениям, предполагают помощь младшим братьям. А.И. Вдовин пишет, что *«именно эта функция выделялась передовой статьей «Правды» в феврале 1938 года. В ней отмечалось, что в братской семье народов «русский народ — старший среди равных», но это положение он «использовал, прежде всего, чтобы помочь подняться, расправиться, развиться тем народам, которых наиболее угнетало царское правительство, которые всего больше отстали в экономическом и культурном развитии».*

Создание и закрепление за русским народом образа «старшего брата» произошло не без влияния книги Анри Барбюса «Сталин», вышедшей массовым тиражом в СССР в 1936 году. Как считает А.И. Вдовин, с помощью этого образа «подписанная ранее и не всегда приятная процедура «возвращения исторического долга» превращалась в аналог трогательной заботы старшего брата о младших братьях».

Подобная политика игнорирования интересов русского народа неизбежно сопровождалась русофобией. Механизм русофобии, по мнению А.И. Вдовина, был запрограммирован *«противоестественностью Российской Федерации, в которой были и есть государственные образования всех сколько-нибудь крупных народов кроме русского»*. Русофобия выражалась не столько в отрицании «достоинств русской нации и ее позитивного вклада в мировую историю», сколько в боязни русского национального фактора (естественной приверженности русских, как и любого другого народа, своим национальным традициям, культурным и духовным ценностям) и возмужного сопротивления со стороны наиболее многочисленного народа коммунистической перестройке страны и мира.

Именно поэтому великодержавный шовинизм представлялся главной опасностью для общества и государства на протяжении всех лет Советской власти. «Главная забота для нас, — говорил Ю.В. Андропов, — русский национализм; диссиденты потом — их мы возьмем за одну ночь».

Вопрос о Русской республике неоднократно поднимался в период образования СССР, РСФСР и позже. Однако он успешно блокировался Лениным и Каменевым в 1922 году, Сталиным и Троцким в 1923 и 1925 годах. В частности, в ноябре 1926 года на совещании ВЦИК и ЦИК СССР ряд участников прямо поставили вопрос о выходе из РСФСР автономных республик, образовании на основе «русской части РСФСР» Русской республики и прямом вхождении этих республик в СССР.

Предложение было блокировано ссылками на возможность усиления великорусского шовинизма и опасениями, что *«оставшиеся в национальных республиках русские элементы будут стремиться во что бы то ни стало воссоединиться с выделенным ядром и раздирать государственно и территориально организм национальных республик, и те из них, в которых примесь русского населения значительна (Башкирия, Татария), окажутся в невозможном положении»*. То есть самоопределение русского народа расценивалось как шовинизм, а самоопределение других народов как необходимое условие их национального развития. Национальные интересы русских в автономных образованиях попросту игнорировались.

Никак не изменилось отношение к самоопределению русского народа и после распада СССР. «Отсутствие Русской республики в государстве, рожденном в результате реализации якобы всеми народами страны своего неотъемлемого права на самоопределение, по мнению А.И. Вдовина, не имеет вразумительного объяснения. Видимость «законности» исключения русских из правил поведения, предписанных всем народам, достигается чаще всего приемами софистики и нагнетания немотивированной опасности. Одни вслед за Сталиным утверждают, что «путь создания Русской республики гибелен для государства», поскольку «нельзя идти от более высокой формы организации государства к менее высокой». Другие полагают, что создание такой республики в уже сложившихся условиях «означало бы отгораживание русских от других совместно проживающих здесь народов в ненужное обособление» и привело бы «к фактическому демонтажу РФ». Третьи делают упор на «очевидность» того, что «подобное решение не приведет ни к чему хорошему, но вызовет всеобщую драку». Четвертые ограничиваются устрашающей констатацией: «Призывы образовать Русскую республику у нас подхватывают только фашисты».

В действительности, как считает А.И. Вдовин, «возражения диктовались стремлением отвести опасность, грозящую наднациональному Центру и нерусским национальным элитам в случае появления новой республики. Русское руководство такой республики могло спутать карты одновременно и «борцам с великорусским шовинизмом» на местах и «интернационалистам» в Центре». Именно по этой причине создание Русской республики и зародышей любой русской власти постоянно блокировалось партократическим и современным «демократическим» режимами.

Политика создания приоритетов одним национальностям в ущерб другим с помощью механизма национально-государственного строительства затянулась до наших дней. Результатом ее стали «не только урожаи национального возрождения, но и семена грядущих межнациональных раздоров». Национальный фактор в Российской Федерации во многом является «квазинациональным», поскольку лишь в четырех республиках из 21-й титульная нация составляет большинство населения. Главное «противоречие псевдофедерации», по мнению А.И. Вдовина, состоит в том, что русский народ лишен своей внутрисоюзной государственности, в то время как другим народам таковая предоставлена. Не будучи вовремя устраненным, этот порок всё плотнее закрывал возможность установления нормальных отношений

между народами единой страны, их сплочения в действительно нерасторжимую общность людей. Русские края и области в соответствии с Конституциями СССР не имели даже формального права именоваться «субъектами федерации». Провозглашенное Конституцией России 1993 года равноправие субъектов и поныне остается фикцией. Освящённая ею разностатусность (асимметрия) субъектов федерации на практике приводит к былому неравноправию.

С развалом Советского Союза началась этническая мобилизация, которая захватила в 1990-е годы все этносы России, составляющие в доперестроечное время единый советский народ. Она практически не коснулась только русских, которые, несмотря на фактическую потерю имперского статуса, сохраняют иллюзии о своем имперском предназначении, ответственности за судьбу России и другие подобные мифы.

Задачу этнической мобилизации русских ставили и ставят себе различные русские националистические организации (РНЕ, НСО, Славянский союз, Русская партия и др.). Однако их нельзя назвать успешными. Они неизменно объявляются «фашистскими», «экстремистскими», и власть ведет с ними непримиримую борьбу.

В отдельных населенных пунктах, прежде всего в малых и средних городах, отмечаются случаи стихийной этнической мобилизации русских, которые осознают свои этнические интересы в условиях экономического давления и морально-психологического прессинга со стороны иммигрантов (в основном выходцев из Чечни и Дагестана) и коррумпированности местной власти. Всего автор за десять лет зафиксировал двадцать таких выступлений:

2000 год — станция Клетская (Волгоградская область); Сальский район (Ростовская область);

2001 год — село Богородицкое (Ростовская область); город Удомля (Тверская область);

2002 год — поселок Черниговский (Челябинская область); город Анапа (Краснодарский край); райцентр Частоозёрье (Курганская область); Углич (Ярославская область);

2004 год — райцентр Суровикино (Волгоградская область); село Знаменское (Орловская область); Малая Пурга (Республика Удмуртия); село Сухие Авралаи (Самарская область);

2005 год — город Екатеринбург; село Ремонтное (Ростовская область); город Искитим (Новосибирская область);

2006 год — Харагун (Читинская область); Сальск (Ростовская область); райцентр Жуковка (Брянская область); город Кондопога (Республика Карелия);

2008 год — город Белореченск (Краснодарский край);

2009 год — город Знаменск (Астраханская область);

2010 год — город Пугачев (Саратовская область).

В отсутствие каких-либо правовых рамок для создания этнических (этнокультурных) сообществ, которые могли бы институализировать требования местного населения, эта мобилизация выплескивается или в виде различных «экстремистских организаций», или в виде «русского бунта, бессмысленного и беспощадного».

В мае 1996 года Государственной думой РФ был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии», в который впоследствии девять раз вносились изменения. В преамбуле закона было написано, что он «определяет правовые основы национально-культурной автономии в Российской Федерации, создает правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан Российской Федерации в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития».

Исходя из этого, можно было бы предположить, что закон защищает интересы всех граждан независимо от их национальности. Но уже в первой статье становится понятно, что он не касается русских — речь идет только о национальных меньшинствах. Так, в статье 1 говорится, что «национально-культурная автономия в Российской Федерации (далее — национально-культурная автономия) — это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры».

Чтобы восполнить данный пробел, в 2001 году рабочей группой Комитета по делам национальностей Государственной думы под руководством В.А. Печенева был подготовлен проект «Закона о русском народе», который был представлен 25 мая 2001 года на слушания в Госдуме РФ. В преамбуле проекта закона говорится, что закон определяет «правовой статус и правовые основы развития русского народа, сыгравшего исторически главную роль в создании Российского государства. Он и сегодня является основным народом России, составляя абсолютное большинство населения страны; русский язык признан единственным государственным языком России».

Как говорится далее в преамбуле, в законе «формулируются необходимые правовые условия для выражения и защиты интересов русской нации, предотвращения ее депопуляции, обеспечения самобытного национально-культурного развития, постепенного движения к пропорциональному представительству русских во всех федеральных и местных органах власти (в строгом соответствии со свободным демократическим волеизъявлением граждан), в предпринимательской деятельности, учреждениях культуры и средствах массовой информации России, укрепления патриотического сознания и восстановления в тех или иных формах единства русского народа, разрушенного в результате обвального распада Союза ССР, устраняя тем самым угрозу нового развала нашего Отечества».

В проекте не предусмотрено никаких особых привилегий для русских. Кроме статей, констатирующих разделённое положение русского народа, проект содержит статьи «Государственная политика России в отношении русской диаспоры за рубежом», «Русская культура, Русский язык и Русское национальное образование и воспитание».

По итогам слушаний проект был доработан совместно с Миннацем РФ и получил название «О государственно-правовом положении (статусе) русского народа». Была изменена преамбула, в которой говорится, что «закон обеспечивает дальнейшее существование единого государства — Российской Федерации, взаимодействие всех его народов, способствует решению этнических проблем русского народа, его национально-культурному развитию». **Однако данный проект был большинством голосов отклонен Государственной думой уже в первом чтении.**

До нынешних дней власти не проявляют никакого участия в судьбе русского населения, и борются с теми, кто осознает реальное положение дел, называя их русскими экстремистами. Российские власти упорно замалчивают факты о десятках тысяч убитых и сотнях тысяч изгнанных из Чечни, на переговорах с чеченскими лидерами не ставя вопроса о геноциде русских и возвращении беженцев в Щелковской, Надтеречный районы и в город Грозный. Естественно, видя незащищенность русских со стороны российских властей и безнаказанность убийц, представители северокавказских народов ведут себя вызывающе по отношению к русским и в областях, населенных преимущественно русскими. Подавляющее большинство описанных выше бунтов в малых и средних русских городах (Кондопога и др.) были спровоцированы убийством русских местных жителей выходцами из Чечни и Дагестана.

Российской власти, по всей видимости, выгодно видеть в русских «имперскую нацию», которая была бы их опорой, всячески культивируя в ней имперское сознание, но в то же время, в угоду либералам и этнорегиональным элитам, она не готова принять «Закон о русском народе» как о государствообразующем этносе. Как долго власти смогут проводить подобную политику, покажет время.

Следствием подобной политики является массовый отъезд русских из так называемых «национальных» республик (прежде всего — Северного Кавказа) и размывание этнического баланса в них. Когда русских, поддерживающих Москву, становится ничтожно мало, власти пытаются влиять на республики, подкупая местные элиты в ущерб регионам, населенным преимущественно русскими. Например, дотации Дагестану в четыре раза превышают бюджет Псковской области. Средства на «восстановление Чечни» вообще несоизмеримы ни с одним из бюджетов «русских» областей. Ситуация очень похожа на политику поддержки национальных окраин Советского Союза за счет центральных областей, населенных преимущественно русскими, которая в конечном счете привела к развалу СССР. Понятно, что такая политика не способствует сохранению целостности России.

Здесь возможны два решения с двумя альтернативами каждое:

Радикальное: создать из областей, населенных преимущественно русскими, «Русскую республику» или провести губернизацию России с ликвидацией всех национально-территориальных образований.

Умеренное: Принять закон о государственно-правовом положении (статусе) русского народа или распространить «Закон о национально-культурной автономии» на русский этнос, дав ему возможность этнокультурного самоопределения.

Возможно сочетание обоих решений. Например, губернизация России и предоставление всем этносам, включая русских, создания национально-культурной автономии.

В ином случае государству придется всё более ужесточать закон «О противодействии экстремистской деятельности», наращивать полицейские силы для борьбы с т.н. «русским экстремизмом» и отправлять в тюрьмы сотни и тысячи молодых людей, носителей русского национального самосознания.

Нерешенность русского вопроса оказывает влияние и на положение наших соотечественников за рубежом. Известно, что русские диаспоры имеются в большинстве стран мира. Наиболее значительную долю в населении стран бывшего СССР русские составляют в Казахстане (30% по переписи

1999 года и 25,1% по оценке на 2008 год); Латвии (29,6% по переписи 2000 года и 27,7% по оценке на 2009 год); Эстонии (25,6% по переписи 2000 года); на Украине (17,3% по переписи 2001 года); Киргизии (12,5% по переписи 1999 года); Белоруссии (11,4% по переписи 1999 года); Абхазии (10,9% по переписи 2003 года).

В целом, результатом российской национальной политики стало то, что в настоящее время 18 млн. населения России имеют здесь собственные национально-государственные образования, а 25 млн. русских на постсоветском пространстве за пределами России не только лишены своей государственности, но и оказались второсортными гражданами.

www.liveinternet.ru

Григорий МИРОНОВ

КАК УКРАИНИЗИРОВАЛИ ДОНБАСС

События в Новороссии показали не только презрение жителей Донбасса по отношению к киевской власти, но и к самому украинству как идеологии. Эта несовместимость возникла не на пустом месте, а имеет давние исторические корни. Еще с XIX века яростные «самостийники» и их апологеты пытались доказать принадлежность этой русской земли к только создаваемой тогда в умах части «украинствующих» территориального образования «от Сяна до Дона». Но размах насильственного навязывания украинской идентичности донбассовцам достиг пика после создания «независимой Украины», переплюнув даже времена большевистского правления и фашистскую оккупацию. Националистическая риторика в 90-е

годы XX века поражает животной ненавистью к русским и русскоязычным Луганской и Донецкой областей.

Целые институты Украины с того времени каждодневно работали (и работают) над различными концепциями и теориями, доказывающими, что украинцы там были всегда: то придумают «древний украинский городок» на территории Донецка, то археологи найдут какой-либо артефакт с «украинской» надписью и так далее. Каждый год на эту тему выходило множество книг, научных статей, защищались дипломы и диссертации. Но это всё оказалось напрасным, русскость большинства населения Донбасса сломить так и не удалось, а политика насильственной ассимиляции и украинизации откровенно провалилась.

Украинский национальный проект искусственного выделения из русских новой альтернативной «прозападной» нации с самого начала стремился расширить своё влияние на как можно большую территорию. В него целенаправленно (на надежде на закрепление) включались земли, где он просто не мог иметь должного успеха. Но экспансионистские желания украинских идеологов увеличить территориальное пространство своей концепции заставляли их всё-таки это делать. Так в «украинские земли» был записан и Донбасс (на украинский манер «Донеччина» или «Донщина»), издревле русский промышленный регион, который исторически не был похож на «украинские земли», воспетые Тарасом Шевченко а-ля «садок зеленый коло хаты», поэтому с самого начала он никаких симпатий к новой идеологии не испытывал.

Всё изменила революция и преступное включение большевистской властью земель Донбасса в «Советскую Украину». Школы, институты, театры и даже вывески в магазинах должны были быть только на «мове». К 1932 году из 2239 школ 1760 (78,6%) были украинскими, а еще 207 (9,3%) — двуязычными. Украинизация достигала таких масштабов, что устроиться на работу без знания украинского было невозможно, а за пропуск заводских языковых курсов, где его изучали, увольняли с работы. С того момента партийные собрания и обсуждения в госучреждениях Донбасса велись на русском, а протоколы составляли на украинском. В 30-е годы доходило даже до того, что привлекались к уголовной ответственности различного рода руководители, которые не преуспели в ликвидации русской идентификации этой территории или без должного рвения относились к этому делу. Потом, при Сталине, такая политика несколько сбавила обороты.

Фашисты пытались использовать украинских националистов в качестве помощников в наведении «нового порядка».

После агрессии на Советский Союз и оккупации части его территории на землях Донбасса начали свою деятельность украинские «просвиты» — национально ориентированные укросообщества. В них насильно набирали оставшихся местных, особенно молодёжь, и «вправляли мозги». Эти разветвленные «организации» задались целью научить русское население Донбасса украинскому языку, навязать им чуждых для них национальных «героев» и новые «государственные» символы. Интересно, что подконтрольные украинским националистам газеты периода фашистской оккупации в своих статьях скрупулезно разъясняли населению, какой у них теперь будет флаг, гимн, герб, и что они обозначают. Вообще, публикации в захваченных нацистами газетах являются зеркалом, которое отражает действительность того времени. Они пропагандировали и насаждали откровенную русофобию (самим же русским) и превозносили «движение в Европу». Бандеровцы захватили и систему школьного образования Донбасса. Не трудно догадаться, чему и как они учили в то время детей.

Одним из самых показательных моментов украинизации времён Великой Отечественной войны стало решение полного перехода на украинский язык делопроизводства, что для местных коллаборационистов было настоящим испытанием. В архиве Донецка и Луганска представлены документы показывающие нелепость того периода, где предатели-«чиновники» пытались, коверкая русский язык, что-то написать на «мове». Получалось не очень. Немецкие власти издали даже постановление, что переписка между различными ведомствами тоже должна была вестись на украинском (или немецком), а если кто-то писал на родном и понятном всем русском, то его сразу же увольняли и даже репрессировали. Но искоренить устное общение на русском нацисты вместе с украинскими прислужниками так и не смогли, хотя издавали многочисленные указы с требованием о «постепенном переходе на украинский язык в разговорной речи», которые мало кто соблюдал.

«Независимая» Украина продолжила курс насильственного внедрения элементов украинской культуры населению, имеющему недостаточное или же слабое украинское самосознание. Хотя русский язык считает родным абсолютное большинство населения Донбасса, в Донецке и Луганске с момента «незалежности» целенаправленно было сокращено число учебных русскоязычных заведений и количество часов изучения русского языка, а также русской литературы. Пришедшая к власти новая национальная элита (часто из бывших коммунистов) особое внимание уделяла построению

идеологии, в которой первое место занимала «правильная» история. Именно шокирующие интерпретации событий прошлого официальной властью стали камнем преткновения между различными национально-территориальными регионами страны, где Донбасс выступил лидером всех русскоязычных областей.

Давление особенно усилилось, а межнациональные отношения обострились во время президентства Ющенко. Этот человек дал понять Донбассу, что Украина — это не их государство. Во многом именно в его правление активно агитировалась молодёжь, которая через несколько лет проявит себя на Майдане. Героизация воjak УПА, Шухевича и Бандеры, «празднования» т.н. голодомора, навязчивая агитация украинских символов, запрет русского языка в кинотеатрах и рекламе, нападки на УПЦ Московского патриархата — всё это ещё больше разделило разные территории страны.

Почти сто лет жители Донбасса ощущали на себе политику украинизации и насильственного навязывания идеологии по вытеснению русской культуры и русского самосознания. Эти попытки не имели должного успеха, так как население региона всегда считали себя частью русского народа и российской цивилизации. Русский язык у них стал не только важнейшим признаком этнической идентификации, но и национальным символом. Украинизаторы потерпели фиаско также и потому, что т.н. украинский язык, внедряемый воротилами нацбилдинга, никогда в прежние времена не употреблялся на землях Донецкой и Луганской областей. Но украинствующие «реформаторы» сознательно исключали русские слова из распространённого здесь в некоторой сельской местности варианта «малоросского наречия» (т.н. «суржика») и заменяли их на галичанские эквиваленты, которые были непонятными для местных.

На современном этапе украинские политики поняли, что мирно заставить народ предать свою национальность, историю и традиции не получится. Поэтому они приступили к действиям по откровенному выдавливанию отсюда местного населения, но Донбасс стал сопротивляться. По сути, этот процесс больше похож на масштабную этническую чистку и желание «заменить» население на «проукраинское». Это лишний раз подтверждают слова нынешнего украинского «президента», который заявил, что не только стремится «освободить Донбасс», но и «возродить там украинство», навсегда ставшее для жителей Новороссии символом геноцида и дискриминации.

ОН СЛУЖИЛ РОССИИ

В год 220-летия со дня рождения императора Николая I

В школьной хрестоматии до сих пор упоминается эпиграмма, приписываемая великому нашему поэту Фёдору Ивановичу Тютчеву:

*Не Богу ты служил, и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.*

Эпиграмма эта была впервые «найдена» и опубликована уже в советское время в 1922 году в журнале «Былое». Автографа, написанного рукой самого поэта, не сохранилось, да и существовал ли он на деле — неизвестно. Неизвестен и год написания этих строк Тютчевым. Но бытует предположение, что так резко поэт отозвался на тяжёлое событие — падение Севастополя в сентябре 1855 года, города, который русские войска обороняли с великим мужеством полтора года в ходе Крымской войны. И упоминаемый в эпиграмме «царь», это якобы импе-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ратор Николай Павлович Романов, который почти тридцать лет с успехом правил Россией. Сам Тютчев верно служил своему императору на дипломатической службе, был проникнут панславистскими идеями, публиковал стихи в этом же духе, которые благосклонно принимались императором. Так, ещё в 1850 году, за несколько лет до начала агрессии союза европейских держав против России, агрессии, которую впоследствии назовут «Крымской войной», но фронты которой вовсе не ограничивались черноморским бассейном, а простирались от Балтики и Белого моря до Камчатки, Тютчев написал другое стихотворение, совсем в ином духе:

*Не гул молвы прошёл в народе,
Весть родилась не в нашем роде —
То древний глас, то свыше глас:
«Четвёртый век уж на исходе, —
Свершится он — и грянет час!*

*И своды древние Софии,
В возобновлённой Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, —
И встань, как всеславянский царь!*

К тому времени император Николай Павлович уже почти 25 лет правил Россией, и именно с ним у славянофилов, а к ним примыкал и Тютчев, были связаны все надежды на объединение славянских народов. Причём фигура императора Николая мыслилась как фигура «всеславянского царя», и тогда Николай Павлович вовсе не казался Тютчеву ни лицедеем, ни лжецом. Согласитесь, 25 лет — достаточный срок, чтобы оценить способности и качества государственного деятеля и либо порицать, либо превозносить его. Но разразилась неудачная для России Крымская война, которую Николай I не проиграл, хотя русским войскам приходилось вести тяжёлую борьбу на многих фронтах. Однако все удары соединённой европейской коалиции, где бы они ни наносились — по черноморским портам, по азовскому побережью, по Соловецким островам, по Кронштадту, по Петропавловску-Камчатскому — везде эти удары были отражены с большим уроном для неприятеля. А в Крыму, где высадилась основная англо-франко-турецкая армия, героически сражался Севастополь, гарнизон которого и не думал сдаваться врагу.

Да, было тяжело. Невозможно было направить в Крым действительно большие силы русских войск, чтобы сбросить

европейских захватчиков в море. Приходилось держать огромную армию на Украине, на границах с Австрийской монархией, которая, несмотря на то, что всем, даже своим существованием была обязана Российской империи, угрожала присоединиться к Англии и Франции и не пожелала объявить нейтралитет. Это было настоящее предательство австрийского двора, который совсем недавно, в 1848 году, был спасён от волн венгерской революции Русской армией, двинутой Николаем I за Карпаты на подавление этого восстания. Теперь же России приходилось обороняться и от этого противника. Недаром тот же Тютчев, после скоропостижной кончины императора Николая 18 февраля 1855 года, написал гневное стихотворение в адрес «австрийских иуд», когда австрийский эрцгерцог Вильгельм прибыл, как ни в чём не бывало, на похороны российского императора:

*Нет, мера есть долготерпению,
Бесстыдству также мера есть!..
Клянусь его венчанной тенью,
Не всё же можно перенести!*

*И как не грядет отовсюду
Один всеобщий клич тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой его доски!*

*Прочь с их предательским лобзаньем,
И весь апостольский их род
Будь заклеймён одним прозваньем:
Искариот, Искариот!*

Стихотворение это поражает не только своим патриотическим накалом, но и убедительно свидетельствует о глубоком почтении, которое испытывает поэт к личности умершего императора, к его «венчанной тени». Тютчев ни в чём не обвиняет Николая, понимая, что останься жив император, война не была бы проиграна и Севастополь не был бы сдан. Уже по воле российского монарха формировалось огромное народное ополчение, призванное пополнить армию, куда с охотой записывались крепостные крестьяне, зная, что с войны они вернуться свободными, от имени императора обещана была «воля» всем, кто встанет на защиту святой нашей Родины. Несомненно, что после победы крепостное право рухнуло бы окончательно, и император Николай уже не препятствовал этому. Мало того, в планах российского монарха

было поднять на борьбу и все славянские народы, страдающие как от австрийского, так и от турецкого господства. Тогда действительно осуществилась бы мечта Тютчева и всех славянофилов о «всеславянском царстве», но... император Николай неожиданно скончался, как полагают, — был отравлен, ведь при дворе среди этих «стоящих у трона», уже погубивших и Пушкина и Лермонтова, было немало тайных сторонников Запада, ревнителей «европейских ценностей», масонских заговорщиков, которым, как кость в горле, стояла твёрдая позиция российского императора, выраженная триединой формулой: «Самодержавие, православие, народность».

Вся последующая история свидетельствует, что Россия как империя была сильна только тогда, когда соблюдались постулаты этой державной формулы. Стоило поколебаться одному из них, как рухнуло всё, и уже большевикам пришлось возродить Самодержавие (в форме «диктатуры пролетариата» — на деле диктатуры партии), Духовность (в форме новой коммунистической идейности, мечты о «светлом будущем»), Народность (в форме представительской системы Советов). И Советский Союз вновь стал величайшей империей, могущественнейшим государством на планете.

Что же это был за человек?.. О нём говорили разное. Мнения современников крайне противоречивы, можно сказать, полярны. Да это и понятно, ведь это был удивительно сильный, цельный человек, а такие личности всегда вызывают зависть и злобу у людей мелких, склонных к очернительству и опошлению всего и вся. Когда он родился, 6 июля 1796 года (по н. ст.), ещё правила его царственная бабушка императрица Екатерина II — «матушка всяя Руси» (она официально приняла на себя титул «Матери Отечества»). Вот что она написала в одном из своих писем, откликаясь на рождение внука: «Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчику, которого назвали Николаем. Голос у него бас, а кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».

Удивительно права оказалась царственная бабушка — этот её внук действительно занял колоссальное место в русской истории. Время его царствования (1825—1855 гг.) это время наивысшего расцвета Российской империи, эпоха окончательного оформления всех её институтов. О главенствующей государственной идеи царствования — «Самодержавие, православие, народность» — сказано выше, но

ведь и законодательство Российской империи впервые при Николае Павловиче было приведено в строгую систему. Известный государственный деятель Сперанский, сосланный когда-то в ссылку императором Александром I за свои либеральные идеи, вновь был привлечён Николаем Павловичем к государственной деятельности и составил 40 томов российского законодательства, приведя в стройную форму весь свод законов, действовавших в России со времён царя Алексея Михайловича.

Порядок, порядок во всём — таков был, можно сказать, лейтмотив царствования императора Николая. Он более всего на свете страшился и избегал всякого беспорядка, а революционные деятели ведь и несли в Россию зёрна и плевелы этого беспорядка, смуты, которая всегда была наиприветливее бедствием для российской государственности. Прекрасно понял тогда ещё великий князь Николай всю опасность декабристского движения. Декабристы исповедовали идеи «свободы» на западный манер, они понахватались этих идей во время похода русских войск в Европу, во время войн с Наполеоном, но надо было всё-таки соображать, что европейские идеи неприменимы для России, что Россия гораздо больше, масштабнее, колоссальнее Европы, здесь необходима единая централизованная власть, способная спланировать эту огромную территорию и многочисленные народы, её населяющие. Недаром декабристов так усердно поддерживали поляки, извечные враги российской государственности. А стоило бы ослабить центральной власти в Петербурге, как тут же заволновались бы окраины, вспыхнули бы многочисленные крестьянские мятежи. Всё огромное здание русского царства, возводимое веками с таким большим трудом, с такими великими жертвами, начало бы осыпаться и разрушаться. И кто этому был бы рад?.. Достаточно вспомнить стихотворение молодого поэта Лермонтова, написанное им в 1830 году, эти пророческие строки: «Наступит год, России страшный год, когда царей корона упадёт...» Далее поэт описывает, какие ужасы ждут Россию после этого, когда закон не в силах будет защитить бедных и обездоленных. Разве всё это мы не видели уже в наши дни, в эти пресловутые «лихие 90-е»? Всё видели, и всё это было и в 1917-м и в последующие годы.

Могло всё это случиться и в 1825 году. Декабристы несли с собой смуту, их надо было остановить. Их и остановил великий князь Николай Павлович Романов одним лишь усилием своей воли, когда днём 14 декабря 1925 года всё вокруг колебалось, генералы готовы были изменить ему, а декабристы, собравшиеся на Сенатской площади, уже начали рас-

---

стреливать тех из них, которые сохраняли верность монархии. Так декабристом Каховским был застрелен славный боевой генерал Милорадович, сподвижник Суворова и Кутузова. Всё это вызвало массовый прилив ярости и погромных настроений толпы, «черни», собравшейся вокруг площади. Толпа вооружилась дубинками, поленьями, камнями и начала метать их в верных Николаю солдат. А восставшие солдаты гвардейских полков, руководимые прапорщиками и младшими офицерами, стояли на площади и ждали темноты, когда и могли начаться погромы. А вдалеке маячила на коне фигура князя Трубецкого «диктатора» восстания, который выжидал, когда ситуация сложится в его пользу — это была трусливая и подлая позиция.

Не так вёл себя только что провозглашённый император Николай Павлович. Он вовсе не сразу прибег к оружию. Несколько часов он пытался уговаривать мятежников разойтись, обещая полное прощение. Он выходил к народу и сам читал собравшимся людям манифест о вступлении на престол, вовсе не боясь, что его могут убить. А могли убить запросто. Но уже тогда фигура нового царя внушала простым людям какое-то глубинное уважение. На него никто никогда не покушался. Это будет и во всё дальнейшее царствование Николая. Известно, что государь никогда не прятался от народа за тройными кордонами охранников, как это делают сейчас наши демократические правители. Императора Николая можно было видеть свободно разъезжающего в открытых санях или в коляске по Петербургу без всякой охраны. Он мог остановиться на улице и разговориться с любым простолюдином. Мог зайти в храм, на рынок, в госпиталь, бывал даже в холерных госпиталях, не чураясь общения с заразными людьми, и одним этим он успокаивал впадающий в панику народ. Он мог общаться на равных с кем угодно, вовсе не возносясь перед простым человеком. И на него никогда не было никаких покушений, хотя врагов, конечно, у императора хватало. Но общее благожелательное отношение народа хранило его. Так не вёл себя после него ни один правитель России.

Итак, день 14 декабря 1925 года заканчивался. Этот ново-явленный военный «майdan» на Сенатской площади продолжал бунтовать и волновать народ. Надо было предпринимать решительные действия. Последний раз попытались уговорить мятежников — напрасно. Император приказал стрелять из пушек... Было дано всего четыре выстрела и этого было достаточно, чтобы нестройная толпа мятежников разбежалась в разные стороны. Впоследствии полиция отлавливала

по всем городским закоулкам бунтовавших горе-революционеров, которые безропотно сдавались ей, и отвозила их в Зимний дворец к самому императору, который вовсе не пытал и не мучил «борцов за свободу», а откровенно разговаривал с ними, пытаясь понять, что же они хотели произвести своим выступлением. Была назначена следственная комиссия, которая полгода разбирали подробно вину каждого заговорщика. В конце концов казнили пятерых «заведомых негодяев», мечтавших стать диктаторами (как Пестель, которого сравнивали с Наполеоном), или убийц, как Каховский, застреливший Милорадовича. Они были вполне достойны своей участи, но среди них оказался один человек, казнь которого больно отзывалась в каждом русском сердце, — поэт Кондратий Рылеев... Но он был идеологом и организатором восстания, замыслил убийство самого царя. И он поплатился за это. «Судьба меня уж обрекла, но где, скажи, когда была без жертв искуплена свобода...» — он сам произнёс себе свой смертный приговор.

Однако, казнив Рылеева, Николай Романов призвал к своему трону другого великого поэта — Пушкина! Пушкин и не надеялся уже выбраться из своей михайловской ссылки, когда вдруг неожиданно был вызван в Москву по повелению нового императора. Много написано об их свидании, и ни к чему здесь всё это пересказывать, но замечу, что беседа их носила удивительно дружеский характер. Пушкин, по его рассказу, присел на край стола, болтал ногой, говорил о России. Император стоял перед ним и внимательно слушал размышления поэта о судьбах страны. Когда Пушкин вышел, Николай Павлович, обращаясь к своей свите, заметил: «Я сейчас разговаривал с умнейшим человеком России». Разве это не характеризует самого Николая?

Впоследствии много было насмешек над тем, что император произвёл поэта в камер-юнкеры при своём дворе, чем якобы «унизил» его. Но надо было знать Николая Павловича, чтобы понять, что царь решил возвысить Пушкина и при этом приблизить этого «умнейшего человека» к себе. Просто по заведённому порядку государь не производил своих подданных сразу в генералы. Они должны были пройти все ступени служебной лестницы. Из камер-юнкеров Пушкин со временем стал бы камердинером, а после и камергером... А камергер — это уже свой человек в семье императора. Какое бы влияние приобрёл тогда Пушкин! Этого-то и боялись «стоящие у трона» высокопоставленные масоны, спровоцировавшие его дуэль. Император остался без своего «умнейшего человека России». А после эти же «стоящие у трона» положи-

---

ли на стол императора листок со стихотворением Лермонтова «На смерть поэта», приписав два слова: «Призыв к революции»... Этого было достаточно, чтобы удалить другого русского гения подальше от столицы — на воюющий Кавказ. Революции вызывали в нём естественный ужас. Этим и пользовались враги России, провоцируя царя на ошибочные шаги в большой политике.

Так, конечно, сугубо ошибочным надо признать решение о вводе русских войск в Венгрию в 1848 году для подавления венгерского национально-освободительного восстания, направленного против австрийских Габсбургов. Этот шаг никак не соответствовал интересам России. Возможно, император Николай надеялся приобрести надёжного союзника в лице австрийской монархии, но разве можно было доверять «австрийскому Иуде», как правильно выразился Тютчев? Эта сугубая ошибка Николая I повлекла за собой всплеск ненависти у всех народов Европы к николаевской империи (к «европейскому жандарму», как считали на Западе), что и дало основание для сплочения европейских сил против России в ходе крымского противостояния. Но это случилось уже под закат царствования императора Николая, а на заре своего правления, в 1828 году Россия вела успешную освободительную войну против Османской империи ради спасения и освобождения Греции от турецкого ига. Русские войска одержали ряд блистательных побед на Балканах, дошли, можно сказать, «до стен Царьграда» и в Андрианополе был заключён победоносный мир. Православная Греция получила свободу, стала независимым государством. Это — одно из славных деяний императора Николая Павловича и его храбрых солдат и офицеров.

Кстати говоря, много написано о «николаевской армии», о той «палочной дисциплине», что была тогда им узаконена. Армия при Николае I считалась в либеральных кругах едва ли не главным институтом невежества, мракобесия и неволи. Сколько было несправедливых анекдотов придумано на эту тему, причём даже такими талантливыми писателями, как Лесков (вспомним его незабвенное: «кирпичом ружья не чистят!» из рассказа о похождениях Левши). Но ведь николаевская армия никогда не отступала с поля сражения. Никогда её солдаты и офицеры не сдавались врагу. До последней капли крови сражались русские солдаты и матросы, защищая Севастополь от 170-тысячной англо-франко-турецкой армады, что осаждала этот город полтора года. За это время противник потерял убитыми 70 тысяч своих солдат и офицеров, а русский гарнизон — в несколько раз меньше. Это сви-

---

детельствует, о том, что николаевская армия умела воевать, а николаевский солдат был храбр, стоек, крепок телом и духом. Нет, это не была «рабская армия, набранная насильственно из крепостных рабов», как считали на Западе, «просвещённые умы»!

И была ли Россия «рабской страной» при Николае I? В какой-то степени она была таковой при императоре Александре I «Благословенном», как именовали его официозные глашатаи, всячески превознося этого «освободителя Европы от тирании Бонапарта». Александр Павлович действительно освободил Европу, но не освободил Россию. При нём продолжалась открытая продажа крепостных крестьян «на вывод», фактически, как африканских невольников, семьями и поодиночке. Существовали даже рынки крепостных. Правда, Александр I, этот «либеральный государь», запретил печатать объявления о продаже крепостных в газетах. Прикрыл, так сказать, смрадную язву крепостничества фиговым листком. И с уст его не сходили лицемерные слова о свободе и благоденствии для народа. Недаром великий Пушкин саркастически назвал императора Александра «кочующим деспотом», «в лице и в жизни арлекином».

Когда Николай Васильевич Гоголь описывал нравы крепостной России в своих «Мёртвых душах», где аферист Чичиков покупает и продаёт крепостных рабов «без земли», желая отправить их якобы в «Херсонскую губернию», то ведь Гоголь описывал нравы именно «александровской» России, когда такое было вполне возможно. А вот при Николае Павловиче, этом «царе-крепостнике», как принято думать, подобная практика была строжайше запрещена.

Да, император Николай Павлович не отменил крепостное право в России, такие революционные акты ему претили, но он отменял институты крепостничества постепенно, шаг за шагом. Уже в начале его царствования были созданы т.н. «негласные комитеты» на местах по проведению крестьянской реформы. Впоследствии эти комитеты получили название «комитетов по улучшению быта крестьян». За таким неопределённым названием скрывались государственные учреждения, которые на деле тихо и спокойно, без потрясений проводили крестьянскую реформу. Сложность была в том, что освобождать крестьян надо было с землёй, ибо что такое крестьянин без земли? — пародия какая-то. Но ведь земля принадлежала помещикам, принадлежала дворянам, а их обидеть император Николай не хотел, памятуя о некоторых дворянах-декабристах, которые и освободили своих крестьян по доброй воле, но... без земли. Может быть поэтому декабрист-

---

ское движение и не пошло в народ, не нашло отклика среди крестьянских масс...

Решением всех этих сложных вопросов и занимались «негласные» комиссии и комитеты, учреждённые Николаем I. Возможно, процесс этот шёл слишком медленно, но он шёл, и к концу правления императора Николая от крепостного права осталась только «шапка», которая и была сметена указом его наследника императора Александра II в начале 1861 года. Крестьян освободили, но это было бы невозможно, не будь всё подготовлено долгими годами усилий и трудов его отца. Да и стала бы «крепостная, рабская Россия» так упорно, так героически сражаться за своего императора на севастопольских бастионах перед лицом «европейских освободителей»? Россия к концу правления императора Николая уже не была рабской страной, она поднималась для новых великих свершений.

А как же власть самодуров-чиновников, взяточников и казнокрадов, так ярко представленная в произведениях Гоголя, да и других авторов николаевской эпохи? Разве это не есть отражение быта и нравов того времени? Разве вся совокупность блистательной русской литературы той эпохи, «золотого века» русской словесности не говорит о том, как мрачно и порочно было царство Николая I?.. Так нам внушали ранее, да и продолжают внушать сейчас. Но мог ли золотой век русской культуры — литературы, музыки, живописи, скульптуры быть осуществлён под «удушающим ярмом царя-тирана»? Могли ли состояться произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тютчева, Боратынского, Глинки, Брюллова, Даргомыжского, иных многих, писателей, композиторов, художников?.. Мог ли построить Монферран свой грандиозный Исаакиевский собор, украсив им столицу Империи? Сам классический силуэт Петербурга с его аркой Главного штаба, монументальными мостами над Невой, зданием Биржи, ростральными колоннами, гранитными набережными, львами и сфинксами, весь этот имперский блеск и грандиозность, — плоды николаевской эпохи. Всё это и до сих пор остаётся символом классической России. Царствование императора Николая I — это вершина российской государственности, на которую потом ориентировались и старались подражать ей последующие правители — от Александра III до Сталина.

А в Москве — не восстановлен ли сейчас из праха величественный и сказочный Храм Христа Спасителя, построенный николаевским архитектором Тоном во вкусах того времени? А сколько ругали этот собор, называли его безвкус-

---

ным, «ложно-византийским»... Но Москва без этого собора словно потеряла что-то очень важное, и его восстановили, и древняя столица вновь заиграла красками беломраморного величия — отсветом николаевской эпохи.

И не оставить ли нам, потомкам имперской России, наследникам её славы, достойный памятник великому императору Николаю Павловичу Романову у стен этого собора?.. Уж точно он смотрелся бы там лучше и уместнее, чем известный памятник немецкому революционеру Фридриху Энгельсу, ревнителю прав трудящихся Западной Европы, что стоит ныне в начале Пречистенки и, гордо скрестив руки, смотрит на храм Христа. Что ему делать у стен православного собора?.. Здесь место памятнику российскому императору, 30 лет крепившему мощь России. Ведь стоит же в Петербурге, с южной стороны Исаакия необыкновенно величественная и грациозная конная статуя императора Николая работы великого Клодта. Это шедевр монументальной конной скульптуры. Говорят, что именно потому в советское время не снесли этот памятник, что он уникален в своём архитектурном решении — статуя опирается всего на две точки (задние ноги коня) и как бы парит в воздухе. Но думается, дело не только в этом. Даже советских деятелей остановило необыкновенное величие, что исходит от всей этой композиции. Это гениальное выражение силы и красоты, гордости и изящества одновременно. Думается, что гениальный скульптор подметил эти качества и в самом том человеке, которому он создал неповторимый монументальный образ.

Разрушены многие памятники царям и правителям России. Но остались в бывшей столице империи, в Санкт-Петербурге, два монумента — Медный всадник царя-реформатора Петра Первого и конная статуя царя-охранителя Николая Первого, его праправнука. Это были разные по характеру и по стилю управления владыки России, но оба делали общее дело — созидали нашу державу, расширяли и укрепляли её. Пусть ценой крови и великих жертв и страданий народных, но, возвращаясь к мученической тени Кондратия Рылеева, можно сказать в тон его вещих слов: «Когда была без жертв искуплена слава России?..» И непозволительно нам забывать тех людей, что творили эту славу, службу Богу и России!

БАНДЕРОФАШИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ УБОГИХ

Антивоенный православный крестный ход через всю Украину, состоявшийся этим летом, и противодействие ему со стороны разного рода нацистских выродков в очередной раз продемонстрировали разделение украинского общества на тех, кто живет с Богом в душе, и тех, кто лишен богоносности, попросту — убогих.

Первые защищают православие и память народа, вторые стремятся избавиться от первого и второго и перекраситься в «европейцев», пойдя по самому простому пути — взяв у Европы то, что в наибольшей степени отличает её от «клятых москалей»: фашистскую символику и риторику.

У фашизма много определений. Либералы-западники чаще всего обращаются к тому удобному для них определению, которое дал в своей книге «Пять эссе на тему этики» известный итальянский мыслитель Умберто Эко. Полагаю, что выдающийся культуролог и один, быть может, из самых заметных интеллектуалов XX века был, тем не менее, довольно наивен в понимании природы политических событий и явлений. Вот и о фашизме он судил, похоже, по высказываниям со-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

отечественников, которые касались больше итальянского фашизма, имевшего иную природу в сравнении с, например, гитлеровским фашизмом.

Как семиотик эпохи постмодерна Умберто Эко акцентировал свое внимание в основном на формально-знаковых, образных и эстетических сторонах (итальянского) фашизма, подчеркивая его «карнавально-игровой характер», однако недооценивал его сущностно-смысловые и этические характеристики. В 14 выведенных им «признаках фашизма» значатся, например, такие, как «культ традиции», «иррационализм» и даже «неприятие модернизма». Хотя о каком неприятии фашизмом модернизма можно говорить, если он во многом и есть его следствие? Пожалуй, лишь три признака, названных Умберто Эко, касаются содержательной стороны названного явления: это нацизм, расизм и культ смерти.

Фашизм, конечно же, следует отличать как от идеологии и практики нацизма, так и от геноцида. Нацизм — крайняя степень этнической ненависти, которая не обязательно сопровождается массовыми убийствами и геноцидом (фашизм — обязательно); в свою очередь не всякий геноцид становится следствием фашизма или даже нацизма.

Фашизм — это явление XX века, и отсчет этого явления следует начинать всё же не с рождения термина «fascismo» в Италии и не с диктатора, империалиста и националиста Бенито Муссолини и его опереточных «чернорубашечников», а с гитлеровского фашизма — с концлагерей, газовых камер и других машин и способов массового уничтожения людей. Именно гитлеровский фашизм — тот образец и та модель политической практики, которая обладает характерным набором паттернов, воспринимаемых, например, в России, как подлинно фашистские.

Содержательный анализ фашистских идей, теорий, практик и конкретных субъектностей показывает, что все они объединены таким важнейшим (не эстетическим, но сущностным, морально-антропологическим) признаком, как стремление к системному насилию. Различия же между типами фашизма состоят не только в том, какие средства используются для совершения преступлений против человечности, но также в том, чем и как фашисты обосновывают свое право на убийство.

Проще говоря, фашизм — это идеология пострасизма, каким-либо сверхрациональным (а не иррациональным, как утверждал Умберто Эко) образом обосновывающая массовые убийства; это практика геноцидов и особая мораль, в которой нет места ни Богу, ни человеку. Известное изречение

«Бог умер!» — тот постулат, с которого берет свое начало подлинная фашистская идеология.

У фашистов всегда в начале их пути умирает какой-нибудь абсолютный авторитет — Бог, монархия, коммунизм, демократия или собственная история. И вместо него на передний план выдвигается эгоистический интерес носителя особой, сверхнацистской ментальности — социальной или этнической группы, провозглашающей себя сверхиндивидами.

В этом смысле США — фашистское сверхгосударство, внешняя политика которого подразумевает массовое уничтожение людей (во Вьетнаме, Лаосе, Сомали, Ираке, Югославии, Ливии, Сирии, на Украине и т.д.): бомбардировками — в том числе и атомными, ударами с беспилотников, карательными операциями, организацией государственных переворотов с применением прямого насилия и т.п.

США — самый крупный в мире производитель и поставщик вооружений. С участием армии США только после Второй мировой войны в примерно 65 военных конфликтах было убито, по разным данным, от 20 до 30 миллионов человек. И в основе этих убийств лежит не национальная неприязнь, но утилитарный интерес и идеология исключительности.

По факту, США отличаются от гитлеровской Германии только тем, что заменили расстрелы на площадях различными «цивилизованными» способами умерщвления. Они используют вместо концлагерей тайные тюрьмы спецслужб, вместо прямолинейной геббельсовской пропаганды — кибервойска и изощренные технологии манипулирования массовым сознанием, а вместо нацистских опытов по евгенике — трансгуманистические инновации генетиков и трансплантологов.

В этом смысле «американская демократия» — системная, технологизированная и тоталитарная форма фашизма. Чего не скажешь о некоторых других его разновидностях. Например, о бандерофашизме.

На первый взгляд, в бандеровщине наличествуют и стремление к массовому уничтожению людей (что мы наглядно видим на Украине не только по отношению к гражданам Донбасса), и идеология «украинства», обосновывающая право её апологетов на насилие во имя «единой Украины». И всё же даже беглое знакомство с идеями и практикой «свидомых» (носителей идеологии «украинства») свидетельствует: что-то в бандеровском формате фашизма не так. Ну не похож бандеронацизм на «обыкновенный» фашизм гитлеровцев и их последователей в США.

Главное отличие — в том, что в идеологии украинства нет осознания превосходства. Потуги на это есть, но увереннос-

---

ти в богоизбранности, как и оснований для продвижения идеи украинского «сверхчеловека», нет. Скорее, налицо осознание собственной ущербности, сопровождаемое демонстрацией убогости.

Гитлер строил третий рейх, США — новый мировой порядок, «свидомые» же не строят ничего. И даже «единая Украина» — не оригинальный продукт и реальная цель, а политический лозунг и смесь заимствованных клише и примитивных ритуалов.

Бандерофашизм — это фактически перевертыш классического фашизма, его извращенная и вывернутая наизнанку версия. Так, если фашистское сверхгосударство — это своего рода альфа-самец, вознамерившийся изнасиловать человечество, то бандеровец — это извращенец, приглашающий в свой дом альфа-самца для того, чтобы изнасиловать собственную жену (украинский народ).

Политическая практика нынешнего киевского режима — это комплекс зависти к более удачливому соседу (России). Это политика недосубъекта, который украл чужую государственность, получил в подарок территорию, выдумал свою историю, взял на вооружение чужие символы и зигу (вскидывание руки). И даже новую и специфическую «веру» свою сварил из смешения раскольников, язычников, униатов и западного сектанства.

У американских фашистов, как и у гитлеровцев, всё просто: открыто декларируется право на исключительность, открыто применяется насилие, открыто отрицается традиционная мораль, заменяемая языческими культами — силы, денег и т.п. В намешенном укрофашизме, увы, всё извращено и чрезвычайно деструктурировано. Здесь черное называется белым, негодяи и ничтожества называются героями, а предательства и позорные поражения называются перемогами (одна только «победа» «украинских» войск под Конотопом над москвитями в 1659 году чего стоит!).

И всё же, бандерофашизм — вряд ли извержение чего-то чрезвычайно нового в мировой политике. Скорее, это нарочитое архаическое нисхождение в язычество. И это навязанная Украине ненависть к православному миру, крестный ход которого на Киев пытались остановить нацистские банды.

По всей видимости, строителям нового мирового порядка нужны такие вот извращённые формы нацизма в качестве провокаций, побуждающих предпочесть «цивилизованные» форматы насилия варварским и первобытным. Не случайно в украинских СМИ бандерофашисты выдаются за «евроинтеграторов», а воинствующие христианофобы предстают бор-

---

цами за «чистоту православия». Современная Украина — это передовая информационной войны за превращение человечества в управляемую массу, лишенную традиционной христианской морали и самосознания. Это наглядное пособие для тех, кто еще не понял, что ядерное оружие, печатный станок, а также право на истину должны быть сосредоточены в одних руках — известно чьих.

Татьяна БОРОВИКОВА

ЮВЕНАЛЬНЫЙ БЛИЦКРИГ СОСТОЯЛСЯ

Хорошо, когда все хорошо. Когда наши дети растут в чистой здоровой атмосфере, мире, любви, послушании родителям. Но мир сейчас сильно испорчен, предлагает массу соблазнов, ложных целей и моделей поведения. Горе тем, через кого соблазны приходят. И они должны прийти. Это неизбежно. Но мы отвечаем за наших детей. Как нам защитить их от греха и порока? Ведь бывает так, что дети набираются дряни, начинают вести себя неправильно, совершать немислимые поступки. И тут как тут появляются защитники «прав ребенка». Если либеральничать и идти на поводу у распоясавшегося чада и тем более слушать бредни ювеналов, эта дорога приведет ребенка в ад. Долг любого нормального родителя — не допустить разложения души ребенка, применить воспитательные меры, поставить мозги ребенка на место и сделать все возможное для его спасения. Традиционный, а иногда единственный возможный способ, доказавший свою эффективность на многих поколениях, отцовский ремень. Да, это больно. Но это часть родительской любви. И люди, выросшие в родительской строгости и не спившиеся, не попавшие в тюрьму, вспоминают с благодарностью эти уроки.

Много лет родительская общественность, эксперты, просто нормальные люди, столкнувшись с неправомерными изъятиями детей из семьи, выражали свое несогласие с теми, кто на западные деньги, а потом и на бюджетные лоббировал систему ювенальной юстиции в России. Были протесты, многотысячные форумы и митинги, родительские стояния и крестные ходы, сотни тысяч подписей против введения ювенальной юстиции и писем во все органы власти. Сколько было громких и разоблачительных скандалов, выдворения из России целых организаций типа ЮНИСЕФ и прочей западной шушеры. Все чиновники и депутаты отлично знали позицию народа. Даже президент неоднократно говорил о том, что «ювенальной юстиции в России не будет», — на съезде родителей, на пресс-конференциях... Президент обещал! Разве этого было мало?

Однако некоторые ангажированные за счет многолетних западных вливаний и ювенально настроенные люди, пригравшиеся при власти, все равно отработывали вложенные в них деньги. И, как это уже не раз было с другими гнусными антинародными законами, под конец сессии произошли «стремительные роды». Своего рода ювенальный блицкриг.

На свет появился «ювенальный» уродец с клещами для изъятия детей под названием Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», содержащий явно ювенальные ст. 116 и 115. Этот Закон был принят Государственной думой 21 июня 2016 года, 29 июня получил одобрение Совета Федерации, а уже 3 июля 2016 года его подписал президент России Владимир Путин.

Идея закона вроде бы была неплохая: декриминализация уголовного законодательства. То есть первоначально речь шла о смягчении наказания за ряд правонарушений. Закон был подготовлен в ответ на просьбу президента, высказанную им в послании Федеральному собранию в декабре 2015 года. Суть её — поддержать инициативу Верховного суда. Ну и ладно. Как же не уважить президента? В первом чтении этот законопроект (№ 953369-6) действительно предусматривал смягчение наказания по различным статьям и ни у кого вопросов не вызвал. Однако уже во втором чтении ювеналы поднатужились, и неожиданно появилась иная редакция статьи 116 Уголовного кодекса РФ. Она и стала ювенальными клещами для изъятия детей. В ней, в частности, сказано, что «нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших по-

---

следствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, **в отношении близких лиц...** наказывается лишением свободы на срок до двух лет». Это фактический запрет на физическое наказание. «Близкие лица» оказались под ударом. Под близкими лицами, как указано в примечании к этой статье, понимаются близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки, опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьёй, или лица, ведущие с ним общее хозяйство.

Теперь любой семейный конфликт, ссора и тем более любое физическое наказание ребенка можно вписать в поле действия закона. Одно непонятно: у депутатов тоже есть дети, братья, жены... Неужели эти депутаты не понимают, что они тоже попадают под удар? И депутатская неприкосновенность когда-то кончится.

Уважаемые нами эксперты профессор И.В. Понкин и Кузнецов, которых мы поддерживаем и которым, несомненно, верим, представили экспертизу вышеуказанного закона, констатирующую, что в его окончательном варианте явно присутствует несколько антисемейных норм и просматриваются элементы так называемых «ювенальных технологий». Лоббисты закона не только протащили поправки, противоречащие обещаниям президента миллионам родителей. Они наплевали даже на его предложение о смягчении наказания и декриминализации УК. Раньше, в старой редакции, статья 116 УК РФ предусматривала за побои, не причинившие вреда здоровью, в том числе между родственниками, ответственность в виде штрафа, либо в виде исправительных работ, либо в виде **ареста на срок до трех месяцев**. А в новой редакции максимальное наказание значительно увеличено именно для категории «близкие лица», под которую в первую очередь подпадают члены семьи.

И это при том, что оставленная без изменения и действующая сейчас ч. 1 ст 115 УК предусматривает даже **за умышленное причинение легкого вреда здоровью**, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности (**то есть за более тяжкие последствия, чем в статье 116 УК РФ**) в качестве максимального наказания **лишь арест на срок до четырех месяцев**. Толкнул родственника, не причинив вреда его здоровью — получи два года лишения свободы, сделал то же самое постороннему, повредив его здоровье — максимум арест на четыре месяца. Это — явный законодательный брак.

Таким образом, возникла абсурдная ситуация: вместо задуманного первоначально смягчения наказания произошло, наоборот, его ужесточение. И, в первую очередь, в отношении семьи. Получается, что за менее тяжкое правонарушение наказание назначается значительно жестче, чем за более тяжкое, только потому, что произошло оно между членами семьи.

Кстати, понятие «физической боли» в законе никак не оговорено и никак не расшифровывается. Это излюбленный прием ювеналов — расширительная трактовка, которая предусматривает неправомерные изъятия детей из кровной семьи и поломанные судьбы. Как определить боль? Лёгкий, средний, сильный шлепок, подзатыльник или шлепок ремнем может расцениваться как причинение боли и носит весьма условный характер. И лишает ответственных родителей возможности применения физических наказаний, дает волю ювенальному произволу и беспределу.

Итак, в России фактически легализована «ювенальная юстиция». В условиях увеличивающегося спроса на стволовые клетки, трансплантацию органов и прочие извращения цены на белых детей стремительно растут. Изъятия детей за «насилие в семье» превращаются в массовое явление. Дети после приюта чаще всего попадают в приемные семьи, где они могут легко бесследно исчезнуть. Государство принимает репрессивные законы, раздражающие людей и подрывающие его авторитет. Видимо, родителям надо теперь думать о том, как защитить свои семьи.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2016 год
(Май — август)

В прошлом году подмосковным пенсионерам отменили бесплатный проезд по Москве. В начале этого года всем работающим пенсионерам отменили индексацию пенсий. Затем всё население России заставили оплачивать т.н. «капитальный ремонт» квартир, которого не только не было, но и которого большинство при своей жизни не дожждётся. Теперь правительство внесло в Думу законопроект о повышении пенсионного возраста для мужчин и женщин соответственно до 65 и 63 лет. Скажем дружно: «Спасибо партии родной!» Ведь многие мужчины в нашей стране отныне до пенсии просто-напросто не доживут. Это надо же — какая экономия для «патриотической» власти! И кто будет держать на предприятиях женщин до 63 лет, когда у нас молодежь с дипломами вузов не может устроиться на работу по специальности?!

Фанаты «рынка», дорвавшиеся здесь до власти, чтобы прикрыть свою бессовестность, решили пустить пыль в глаза «национальной идеей патриотизма». «Национальная идея футбола», озвученная пре-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

зидентом несколько лет назад, не прокатила, хотя всеми правдами и неправдами и удалось им добиться чемпионата мира по футболу в 2018 году. Теперь, беспардонно грабя пожилое население, отдавшее здоровье в работе на государство, они грохают сотни миллиардов на строительство стадионов по всей стране. Ну как же, это такой для них престиж — чемпионат мира по футболу! По тому самому футболу, в который наши оболтусы играть так и не научились.

Дума, без всяких сомнений, повышение пенсионного возраста легко утвердит. Чего еще ждать от этой Думы, состоящей из спортсменов, артистов, единоросных лизоблюдов и либерально-коммунистического пропрезидентского тандема?.. Они-то себе пенсию уже обеспечили — по назначенному им правительством окладу в 500 000 рублей.

Да, что ни говори, а наш «рынок» очень привлекателен! Особенно когда этот «рынок» обеспечен единодушным думским базаром...

* * *

Теперь (почти через 100 лет после Октября), конечно, можно заниматься самовнушением: «Народ сделал выбор», «Народ принял революцию». Но сам факт Гражданской войны говорит об обратном. Не говоря уже о колоссальной эмиграции — в Европу, Америку, в Китай, на Дальний Восток. Не говоря уже о замолчанных в учебниках истории народных восстаниях по всей России — Тамбовском, Ярославском, Ижевском, жесточайше подавленных, о восстании на Дону, описанном Шолоховым. На Кубани не оказалось своего Шолохова, но там восстание было не менее всенародным и не менее кровавым. И всё это якобы говорит о том, что «народ сделал выбор»...

Народ поначалу был обманут, а потом — жесточайше задавлен. Вот и весь его «выбор». Как известно, Гражданская война унесла 12 млн. жизней. Из них: 1 млн. — потери красных и 500 тыс. — потери белых. А куда делись остальные 10 млн.? Кто-нибудь из нынешних «ленинцев» задавался этим вопросом? А это, между прочим, потери того самого народа, который «сделал выбор» и который «принял революцию». Кстати сказать, сами большевики поначалу называли ее не революцией, а октябрьским переворотом.

Если кто-нибудь из ныне живущих прочтёт телеграммы Ленина 1918 года из его ПСС, — волосы дыбом встанут. Кстати, далеко не все из них вошли в ПСС. Составители не решились вождя дискредитировать.

В наше время ни одну из ленинских «теоретических» работ без тошноты и отвращения прочитать невозможно. Просто

шизофрения какая-то. «Классы», «буржуи», «пролетариат», «кулаки», «мировая революция»... Личность, судьба конкретного человека не имели для него никакого значения — главное, представителем какого класса он является. Не принял революцию — расстрелять. Это разве не сумасшествие? Разве нормальный человек мог такое придумать? Нет, не случайно он умер от паралича мозга. Оставил после себя руины, разруху, голод и горы трупов. Ну и где теперь этот «пролетариат» — гегемон, движущая сила истории?.. Его вытеснили азиатские гастарбайтеры. И почему-то во власть при Ленине попёрли в основном евреи... Они, конечно, были не буржуи, они оказались самыми сознательными...

Сталину пришлось восстанавливать государство почти с нуля. И при этом вести жесточайшую борьбу с ленинистами-троцкистами, которые в конце концов его и убили. Советский Союз — это детище Сталина, созданное вопреки стремлениям русофобской «ленинской гвардии». Значительную часть этой «гвардии» он ликвидировал. К сожалению, не всех. Ее недобитки затаились и в виде хрущёвской «гвардии» ликвидировали его самого.

В середине 80-х прошлого века наш народ тоже в большинстве своем поначалу «сделал выбор» в пользу «перестройки», и Горбачева чуть ли не на руках носил. А когда раскусил вредоносность горбачевской болтовни, задрал штаны, побежал за Ельциным. И опять оказался у разбитого корыта. Поэтому когда кто-то самозабвенно рассказывает по «выбор народа», хочется спросить: о каком народе идёт речь?..

С таким же успехом мы можем сказать, что и на Украине «народ принял революцию», несмотря на гражданскую войну на юго-востоке страны. Там ведь тоже гос. переворот называют революцией... И не какой-нибудь, а «революцией достоинства»...

* * *

Всё ужасно глупо. Вся эта ситуация с пленными (садистой Н.Савченко и нашими парнями, томящимися в застенках СБУ) и судами над ними — крайне глупа. Она оказалась возможной только по вине, вернее, по малодушию Кремля. Если бы изначально не была предана Новороссия и у наших «рейтинговых» менеджеров не задрожали коленки при восстании Донбасса, то и не было бы никаких военнопленных, не было бы гибели людей и давно уже не было бы никаких Порошей в Киеве.

А теперь украинскую живодёршу, убившую двух наших журналистов, Кремль готов обменять на двух наших «плен-

---

ных», сидящих в киевской тюрьме. Это не просто дурдом, а дурдом запредельного абсурда. Москва могла бы выдвинуть тысячу условий Киеву, чтобы наши «пленные» были немедленно возвращены на родину. Но это если бы в Кремле сидели нормальные русские люди, а не политиканы и не застенчиво улыбающиеся «партнёры».

***

Все, кто орусофобился, становятся нелюдьми в прямом смысле этого слова. Таков закон природы. Вся минувшая история доказывает это. И Украина — лишь яркая картинка, иллюстрация этого закона.

***

Сколько же нам нужно еще фактов, кричащих о том, что игиловцы давно уже действуют в самой России?! И самое главное — в столице! Но, как видно, никакие факты не способны заставить Кремль перекрыть границу со Средней Азией. «Добрые отношения» с узбеками и таджиками для Кремля превыше всего.

После зверского убийства русской семьи из шести человек в Сызрани выходцами из Таджикистана в Москве 4 мая была задержана группа из 12 террористов — граждан центрально-азиатских стран. По данным Центра общественных связей ФСБ России, эти «граждане» по заданию главарей международных террористических организаций, действующих на территории Сирии и Турции, планировали совершить серию терактов в Московском регионе во время майских праздников. Изъято большое количество оружия, взрывчатых веществ и других средств террористической деятельности. Большинство задержанных — уроженцы Узбекистана.

6 мая, по сообщению ФСБ, в Красноярске «задержана группа граждан центрально-азиатских стран, связанных с международными террористическими организациями, готовившими теракты на майские праздники в общественном транспорте Красноярска. При задержании у подозреваемых были изъяты средства террористической деятельности».

Это что, кремлевские деятели нам всем такое развлечение придумали? Под названием «казаки-разбойники»... Террористы сюда свободно едут, как к себе домой, а их тут по съемным квартирам отлавливают. Вот только никаких спецназовцев на них не хватит. 15 террористов поймают, а 500 одновременно въедут.

Уже все криком кричат: надо срочно вводить визовый режим со странами Закавказья и Средней Азии! Даже Предсе-

---

датель следственного комитета А. Бастрыкин в своей статье обосновал необходимость такого шага (см. «МГ» №9 за этот год). Но один-единственный уверенный в своей непогрешимости человек, словно заикленный на «дружеских отношениях», твердит до посинения: «Нет! Нет! Не будет этого!»

Ну что ж, то ли еще будет...

Если дело так пойдёт дальше, то зверство в Сызрани покажется нам лишь цветочками...

***

Вот уже которое десятилетие страна отмечает День Победы без официального упоминания Сталина. А была бы вообще Победа без Верховного главнокомандующего?

Хрушев боялся Сталина.

Брежнев боялся Сталина.

Андропов боялся Сталина.

Горбачев боялся Сталина.

Ельцин боялся Сталина.

Путин боится Сталина.

Все они боялись и продолжают бояться того, кто эту Победу осуществил. Ни у кого из них не хватило мужества сказать правду. О чём это говорит? О том, что все они — пигмеи перед ним.

Кто командовал Бессмертным полком? Кому подчинялись все боевые генералы и командующие фронтами? Пусть каждый задаст себе этот вопрос. Честный ответ на него определяет степень порядочности, смелости и умственной развитости каждого человека. А нежелание, боязнь и неумение ответить — есть признак ничтожества и вырождения.

***

1933 г. — Великобритания, Франция, Италия, Германия — Пакт четырёх.

1934 г. — Польша, Германия — Пакт Гитлера—Пилсудского.

1935 г. — Великобритания, Германия — Морское соглашение.

1936 г. — Япония, Германия — Антикоминтерновский пакт.

1938 г. (сентябрь) — Великобритания, Германия — Декларация о ненападении.

1938 г. (декабрь) — Франция, Германия — Декларация о ненападении.

1939 г. (март) — Румыния, Германия — Экономическое соглашение.

1939 г. (март) — Литва, Германия — Договор о ненападении.

1939 г. (май) — Италия, Германия — Пакт о союзе и дружбе.

1939 г. (май) — Дания, Германия — Договор о ненападении.

1939 г. (июнь) — Эстония, Германия — Договор о ненападении.

1939 г. (август) — СССР, Германия — Договор о ненападении.

Но вся Европа (особенно прибалтийские карлики) и вся российская либерально-крикливая шобла за последние 25 лет все зубы съели на пережёвывании «пакта Молотова—Риббентропа». И при этом о других договорах, заключённых **прежде** этого «пакта», с их стороны — ни звука.

***

14 мая на Хованском кладбище в Москве произошла битва между кавказской и азиатской кладбищенскими мафиями за контроль над похоронными откатами. В драке с применением бит, арматуры, кастетов, ножей, топоров и огнестрельного оружия участвовало около 500 человек. Полиция, как обычно бывает в подобных разборках, прибыла, когда основная часть разборщиков разбежалась. На месте боя остались лишь пострадавшие и убитые.

В течение всего дня по ящику и по радио об этой схватке не было сказано ни слова. Даже в вечерних новостях промолчали. Видимо, как в истории с отрезанной головой русской девочки Насти, власти решили молчать до упора. Оно и понятно: не дай бог (по мнению властей) увеличить и без того негативное отношение коренного населения к нашим кавказско-азиатским «партнёрам»... Но информация об этом взорвала Интернет. И на следующий день, 15-го, в теленовостях появились первые репортажи с «поля битвы». Кстати, хвалёная национальная гвардия в пресечении этого беспредела не участвовала — то ли еще не готова для подобных мероприятий, то ли предназначена для каких-то других целей.

Кладбищенский бизнес давно уже находится в руках мигрантских группировок, в основном азиатских. Кто участвовал в похоронах в Москве, тот мог в этом убедиться. Причём бизнес этот, по всей видимости, крышуется представителями местных властей. В данном случае, похоже, кавказские группировки надумали эти откаты перехватить — к большому неудовольствию азиатских. Вот и решили выяснить отношения прямо на Хованском кладбище.

Бывшее детище г-на Ромодановского, ФМС, теперь передано в МВД. Но толку от этого, как видим, никакого. Наши кавказско-азиатские мафиозно-бандитские «партнёры» чувствуют здесь себя вольготно и бесцеремонно. Почему же им не делать бабки на вымирании русского народа? И кто им может это запретить? И отчего сотрудникам полиции не по-

---

участвовать в этом очень доходном и, наверное, самом коррумпированном бизнесе?..

Хованское «сражение» еще раз ярко высветило наших доморощенных «игиловцев» во всей своей красе. И если центральным телерадиоканалам изначально была дана команда о нём промолчать, то, значит, всерьёз бороться с этим позорным явлением здесь никто не намеревался. Выгода от присутствия в Москве миллионов гастарбайтеров, по убеждению властей, гораздо выше всех подобных «издержек». Это ведь никакой не экстремизм и тем более не терроризм: против существующего строя наши «игиловцы» не выступают, наоборот, они им очень даже довольны... Так что, «дорогие москвичи», не волнуйтесь и спокойно смотрите свои любимые сериалы... А с игиловцами Кремль будет в Африке воевать...

***

На конкурсе Евровидения в этом году путем обычного для Европы мухлежа победителем была объявлена крымская тарarka Джамала, представлявшая Украину и спевшая заунывную песню о депортации крымских татар. Естественно, политическая подоплёка сыграла здесь главную роль. Но самое смешное заключается в том, что Джамала (Сусанна Джамаладинова), по идее, должна была бы представлять Россию, а не Укропию, к которой она на сегодняшний день вообще не имеет никакого отношения. Родилась она в киргизском городе Оше. Ее отец — крымский татарин, а мать — армянка. Живут они в Крыму. И какое эта самая Джамала имеет отношение к «украи» и почему она вдруг оказалась в Укропии — понять трудно. Более того, оба ее родителя на двухлетней давности крымском референдуме, по информации журналистов, голосовали за вхождение Крыма в состав России. Видимо, в Европе, отдавая ей победу на конкурсе, об этом не знали. Но отчего у хохло-бандеровцев полные штаны радости — это вообще за пределом нормального сознания. И вот эта неизвестно из какой дыры взявшаяся Джамала, родители которой живут в российском Крыму, принимает награду из рук мерзавца и военного преступника Вальцмана-Поросенко — звание «народной артистки Украины»...

***

Как сообщает Интерфакс, следствие по хованскому сражению уже склоняется к бытовой версии «конфликта». Да, господа, это обычная бытовуха, в которой наказывать особо некого. Все фигуранты, кроме бывшего директора рынка, уже отпущены по домам.

Всё, дорогие телезрители, успокойтесь и забудьте, как были Манежку и Бирюлёво...

***

Ну вот и приехали, «дорогие россияне»... Российский Минюст получил документы на экстрадицию Савченко. Вот и думайте, чего стоило всё это телевизорное шоу с судом над ней и осуждением на 22 года... И за гибель наших журналистов наказан не будет никто. Более того, телевизор сделал из этой мрази героиню, которую скоро будут встречать в Киеве, как когда-то Гагарина. Цирк российского абсурда, начатый при Ельцине, успешно продолжается при его преемнике.

***

Оказывается, мухлёж на последнем Евровидении был не только со стороны т.н. «европейского профессионального жюри», но и со стороны Укропии вместе с крымско-татарской Джамалой. По правилам Евровидения в конкурсе участвуют новые песни, не исполнявшиеся на публичных концертах. А хитроумная Сусанна Джамаладинова (Джамала) свою песню под названием «1944» пела неоднократно на концертах в «нэзалэжной». Более того, текст и музыка к ней были передраны с крымско-татарской фольклорной песни более чем полувековой давности.

Но какие могут быть правила для ублюдочных европейских функционеров, получивших нужные указания из Америки, чтобы хоть как-то уязвить Россию?..

Мухлёж Евровидения закончился. Все претензии «профессиональным жюри» отвергнуты. На очереди — летняя Олимпиада в Бразилии...

***

Путинские партнёры решили не допустить Россию до Олимпийских игр. А главный украинский партнёр Кремля 23 мая в Стамбуле заявил, что из-за России мир оказался на грани третьей мировой войны. Кроме этого, он заверил всех наших европейских партнёров, что «украинская армия, которая регулярно получает помощь от западных стран, готова защитить Европу». То есть *откровенно* (как в анекдоте) он им «намекнул»: в новой войне против России Украина будет их союзником.

Кто бы в этом сомневался... Я не однажды писал о том, что Украина сто раз предавала Россию и еще сто раз предаст. Именно об этом писал и я, и многие другие два года назад, когда стоял вопрос об освобождении Новороссии. Но путин-

---

ская гвардия не решилась. Воли хватило только на Крым. Но нерешительность никогда не остается без последствий. Вот мы и получили еще одного союзника НАТО в новой войне, подготовка к которой идет полным ходом. Не случайно «наш украинский партнёр» так разоткровенничался...

* * *

Нет, не напрасно я говорил, что Н.Савченко не отсидит и половины назначенного ей срока. Многие путинские воздыхатели самоуверенно возражали мне в Интернете: «Отсидит, еще как отсидит! От звонка до звонка! Никто ее не выпустит раньше срока! Уж слишком громкие преступления! Путин на это не пойдёт, не станет оскорблять наши чувства!» Мне оставалось только скептически усмехнуться.

Н.Савченко была **помилована** Путиным через полтора месяца после вынесенного ей судом приговора. Для многих *воздыхателей* это оказалось шоковым ударом по голове. Но быстро оправившись от нокдауна, они загалдели в один голос: «И правильно! Нечего ее тут кормить! Пусть она там, в Киеве, теперь воду мутит! Это же бомба под Порошенко!». Ну и все они ухватились за главный аргумент: «Всё разумно сделали — ее обменяли на двух наших гэрэушников!» Хотя российское военное ведомство упорно утверждало, что двое наших освобожденных из киевского плена ребят не являлись военнослужащими. Действительно, никакого обмена пленными быть не могло, т.к. мы не находимся в состоянии войны с Украиной, и Савченко не в плен к нам попала, а была арестована **на нашей территории** и судима за убийство российских журналистов и участие в пытках над захваченными донбасскими ополченцами. Потому и пошел Путин именно на **помилование** этой потерявшей человеческий облик т.н. «лётчицы», т.к. *иначе* освободить ее он никак не мог. Правда, пришлось использовать для этого родственников погибших журналистов, якобы обратившихся к нему с письменной просьбой о помиловании этого монстра с женским именем. Видимо, уговаривали их долго... Путин публично, перед телекамерами поблагодарил их за проявленную «гуманность» к садистке. А они сидели, опустив глаза, и молчали... Тем, у кого не атрофировалась совесть, было стыдно на это смотреть.

Всё произошло, как я и предсказывал: в Киеве ее встретили, как Жанну д'Арк в Париже после победы, доставив в президентский дворец под личным кортежем шоколадного олигарха, где главный в «незалежной» государственный преступник тут же вручил орден героя Украины подчинённой ему государственной преступнице.

Что же выходит? А выходит, что громкая телевизионная эпопея суда над распоясавшейся убийцей и садисткой была всего лишь представлением для населения, комедией, цирком с сидящей в клетке пойманной хищницей, которую заранее планировали к освобождению...

А что же кремлевские воздыхатели? Да как обычно. Сначала они были **очень** довольны вынесенным приговором, а потом были не менее довольны *милосердием* нашего президента.

Но представьте себе, что какой-то садист убил вашего сына, брата, отца... Его поймали, осудили, а потом вам говорят: давайте отпустим этого убийцу за границу, пусть он там теперь погуляет и дел натворит — вот мы с вами посмотрим и порадуетесь... И вы в ответ соглашаетесь: да, да, отпустите, это будет очень гуманно, пусть он в западном гадюшнике поживет... А то, чего доброго, из него тут мученика сделают... А ведь у большинства *воздыхателей* именно такая, мягко говоря, «странная» логика. Они упорно повторяют: ну как же, двоих ведь наших освободили!.. Так и хочется вместе с ними вскрикнуть: «Спасибо за «милосердие»!

Но, подумав, всё же скажем другое: требовать освобождения наш президент должен был не двоих, а **всех** наших, томящихся в фашистских тюрьмах Украины. И не в обмен на свободу садистки, а в обмен на жизнь самого Порошенко вместе с его шоколадными магазинами, на весь его бизнес, на весь его капитал в наших банках, а также в обмен на его уголовные дела, которые Кремль мог бы высветить официально. Все наши пленники уже через день были бы в Москве. Но Кремль решил обойтись очередным представлением для населения (вспомним комедию в несколько актов под названием «Оборонсервис»), а прямее говоря, плевком в нашу сторону, прекрасно зная, что здесь найдётся множество подхалимов и воздыхателей, готовых оправдать любое издевательство над нами властей предержавших.

***

Да, Владимиру Владимировичу хватило собственного гуманизма и собственного милосердия, чтобы отпустить на свободу злобную ненавистницу России, убийцу и садистку Савченко, которая и не думала раскаиваться в своих зверских преступлениях. Но вот почему-то не хватает ему ни личного гуманизма, ни личного милосердия, чтобы выпустить из заключения патриота России, боевого офицера, имеющего государственные награды, никого не убившего и никому не нанесшего никакого вреда, — Владимира Васильевича Квач-

---

кова. Вот ведь какие странные вещи происходят у нас на глазах...

На этом фоне становится особенно ясно, чего стоит кремлёвская «гуманность»...

***

Наполеон погубил французскую армию — фактически цвет нации. Победить Россию и войти в ее столицу (Петербург) Наполеон не смог. Но Александр I вошел в Париж как победитель. И тем не менее Франция от Наполеона не отрекалась. Его имя овеяно славой, легендами, оромантизировано в литературе (в том числе и в русской) и вызывает гордость у французов. Памятники Наполеону стоят по всей Франции.

За все 30 сталинских лет в СССР было расстреляно около 700 тысяч человек (среди которых было немало уголовников, вредителей, предателей, диверсантов и т.п.). Однако **ежегодно** (в мирное время) население государства увеличивалось. Нашу Победу над всей Европой и разгром армией, которой командовал Сталин, нацистской Германии российские власти с именем Сталина никак не связывают. Более того, имя это бесконечно шельмуется и оскорбляется с экрана телевизора и с полос центральных газет. Памятники Сталину в нашей стране уничтожены.

При Ельцине **ежегодно** страна вымирала на миллион человек. При нём наше государство сжалось на треть, а население сократилось вдвое. Но ему на государственные средства установили беломраморный памятник и баснословный мемориальный музей.

Таковы метаморфозы истории.

Как соединить и как понять это лицемерие? Как жить с этим лицемерием молодому поколению, начинающему изучать историю и пытающемуся думать? Неужели власти, погрязшие в этом лицемерии, надеются сохранить свою вдолбленную зомбоящиком репутацию в сознании будущих поколений? И неужели никому из них (властей предержавших) не приходят в голову эти простые вопросы?

***

Вот пример исконной, природной подлости Европы. Россия без каких-либо условий позволила воссоединиться двум Германиям. Теперь же Германия яростно выступает против воссоединения России с Крымом. Эта европейская подлость уже переродилась в шизофренический комплекс страха перед собственной тенью.

Как и накануне 1941 года, Германия вновь включила Рос-

сию в список своих главных угроз. Это при том, что объединившаяся Германия является членом НАТО, а Россия не входит ни в один военный блок.

Вождеденная, неугасимая, неистребимая мечта Европы — завоевать Россию...

***

После ликвидации Советского Союза в 1991 году они сварганили страну по своему образу и подобию — страну воров и мошенников. В течение 10 лет воровать и мошенничать было не запрещено, вернее, за это не наказывали. Я хорошо помню, как в те годы в центре Москвы, на Арбате, совершенно открыто и спокойно «работали» бесчисленные напёрсточники, «законным» способом вычищавшие карманы доверчивых олухов. И никакая милиция их не трогала. А в каждой подворотне, не зная отбоя населения, «трудились» фирмы-однодневки по сбору денег под большие проценты и через месяц-два бесследно исчезали. Их хозяев не только никакие органы не искали, но реклама «надёжности» этих фирм шла по государственным каналам ТВ через каждые 15 минут. В каком количестве были украдены деньги у населения, никто в точности не знает — не считали. Да и ни к чему это было тем, кто по своему образу и подобию сварганил своё «государство» под себя. А теперь они, видите ли, начали бороться с коррупцией... Но оказалось, что какого чиновника ни тряхни — вор, мошенник и коррупционер. А что другое «отцы-основатели» хотели увидеть в том государстве, которое сами же и сварганили по своему образу и подобию?..

***

После принятия решения о повышении пенсионного возраста и после отмены индексации пенсий кремлевские менеджеры решили сообщить россиянам о выплате пенсий еврейским репатриантам, уехавшим в Израиль. Ну как же им отказать? У них ведь двойное гражданство!.. К тому же среди них много родственников у членов «нашего» правительства... На это в бюджете, оказывается, деньги есть. А вы, россияне, как сказал в Крыму Д.Медведев, «держитесь!».

***

В Одессе 11 июня (накануне нашего т.н. «дня независимости») хохло-бандеровцы забросали яйцами консульство РФ и заблокировали вход в здание. Местная милиция им не препятствовала. Но печаль не в этом. А в том, что наши властные пустоболтливые недоумки позволили Украине стать для

России враждебной страной. Этого не могли допустить ни цари, ни генсеки, а ничтожные президенты РФ — допустили.

Они не перестают кичиться возвращением Крыма. И смех, и слёзы!.. Да вся восточная часть Украины к нам просилась! Присоединись Приднестровье, Донбасс, Южная Осетия, Абхазия, Северный Казахстан!..

Иван Грозный Сибирь присоединил, другие цари присоединили Польшу и Финляндию! Сталин всю Восточную Европу к нам присоединил! Их до сих пор либералы и властные болтуны за это поносят. А штатные «патриоты» всё возвращением Крыма умиляются...

* * *

Практически все либеральные литературные журналы существуют за счёт правительственных и президентских грантов. Подписка у большинства этих журналов мизерная (только за счет библиотек, которые **обязаны** на них подписываться) — при своей пустоте содержания они давно уже никому не интересны.

Наш журнал от этой власти никаких грантов не имел никогда. И существуем мы только и исключительно за счёт подписки населения. Из разговора с работниками библиотек не раз приходилось слышать о том, что городские и областные библиоколлекторы, руководимые, как правило, либерально настроенным контингентом, не рекомендуют своим подведомственным библиотекам подписываться на наш журнал.

Вот в таких условиях уже много лет приходится работать и доносить до людей русскую литературу, русскую культуру и русскую правду среди бесконечного потока насильно навязываемых лжелитературы, лжеискусства и пропагандистского вранья.

И при этом со всех высоких трибун масляными голосами нам рассказывают о демократии и равных правах...

* * *

12 июня в американском г. Орlando местный житель ворвался в ночной клуб для т.н. геев и с помощью автоматической винтовки отправил на тот свет 50 членов клуба. Столько же ранил. Америка оказалась в шоке. Подобных по числу жертв терактов там не было уже несколько десятилетий, если не считать таинственное событие 09.11.2001 г.

Законы земной жизни во все времена одни и те же. Один из них известен всем, имеющим в голове мозги, а не опилки. И звучит он так: если государство не желает или не способно

пресечь какие-либо противоречащие жизни моральные извращения, то это делают отчаянные индивиды — причём, гораздо более жестоко, нежели это могло бы сделать государство. И урок в Орландо — лишь один из многих примеров.

Любым властям всегда надо помнить про этот неотменяемый закон жизни.

Легальное существование всякого рода клубов сексуальных извращенцев — это и есть поощрение государством попрания законов жизни, данных нам свыше.

* * *

Как я и предсказывал, наших легкоатлетов отстранили от участия в Олимпийских играх в Бразилии. И пошло с экрана обычное соплежевание: мы сожалеем... жалко спортсменов... это несправедливо... будем жаловаться...

Попробовала бы какая-либо международная спортивная федерация отстранить от ОИ, к примеру, Англию. Об Америке я даже не говорю. Весь мир стоял бы на ушах. И послы всех европейских государств в тот же день были бы вызваны в Букингемский дворец для предупреждения об их несоответствии своим должностям.

Понятно, что Европа по науськиванию из Вашингтона продолжает мстить нам за Крым — ищет способы, как изощреннее нагадить. Ведь это такое моральное удовольствие для слабого, ничтожного и трусливого — навредить сильному!

Но и ответ с нашей стороны должен быть соответствующий нашему положению в мире, нашей силе и нашей самооценке. Если же будем и дальше обиженно утираться, проглатывать слезы и позволять вытирать о нас ноги, то оскорбления и унижения будут сыпаться на нас лавиной.

К сожалению, уже не раз приходилось убеждаться в том, что нынешние наши власти, как спортивные, так и более высокие, на подобные выходы европейских ничтожеств ничем, кроме соплежевания, ответить не способны.

* * *

Нам непрестанно долдонят в новостях: допинг, допинг, допинг... «Россию отстраняют от Олимпиады из-за допинга...» «Российские спортсмены погрязли в допинге...» Причем повторяют эту чушь, как заклинание, не только западные СМИ и спортивные воротилы, но и наши телекомментаторы и пустоболтливые журналисты. И все словно забыли, что причиной этих самозабвенных заклинаний стал несчастный мельдоний (милдронад), употребление которого вменяют в вину чуть ли не всем нашим спортсменам и который по всем меди-

---

цинским показателям ни у нас, ни за рубежом **допингом не является**. Это обычный витамин, восстанавливающий работу сердца **после** физических нагрузок. Повторяю — «после»! То есть на **результат** спортивных состязаний он никак не влияет! Допинг же принимают всегда до соревнований! Потому что иначе зачем его принимать?

В том-то и дело, что европейским околоспортивным напёрсточникам по-другому наших спортсменов невозможно было уличить в массовом применении допинга. Но был заказ из-за океана лично от «нобелевского лауреата премии мира». Думали-гадали — и кого-то осенило: «Мельдоний! Они, русские, принимают мельдоний после соревнований!..» И этот несчастный витамин тут же внесли в список запрещённых в спорте препаратов. А так как он выводится из организма в течение нескольких месяцев, его неизбежно стали выявлять в крови российских атлетов.

А тут — бразильская Олимпиада на носу. Из всех олимпийских дисциплин самыми главными конкурентами для американцев, британцев и немцев русские являются именно в лёгкой атлетике. Потому и нанесен удар для нас именно по этому виду спорта. Потому-то именно легкоатлетическая всемирная ассоциация приняла решение не допустить наших до Олимпийских игр в Рио.

Итак, пиндосский заказ выполнен. На русских навешан ярлык допинговой страны, с чем согласились даже наши спортивные чиновники во главе с каким-то придурковатым, трусоватым и попусту болтливым министром Мутко, не говоря уже о лупоглазых журналистах и журналистках, не устающих повторять это навязанное нам слово «допинг».

Надо понимать, что нынешняя антирусская дискриминация в спорте — не что иное, как продолжение санкций за Крым. Но достойно ответить на всю эту русофобскую вакханалию в верхах российской власти некому. Там, как обычно, — смирение, застенчивые улыбочки, толерантность и неизлечимая болезнь кремлёвского партнёрства...

Когда эта эпопея с мельдонием-милдронадом только начиналась, Путин вместо того, чтобы защитить наших спортсменов, высказался в истинно партнёрском духе: «Сами виноваты. Нечего было милдронад принимать». Конечно, было бы странно, если бы он проявил себя иначе. Но теперь вдруг он проснулся и завозмушался: «Как это так, почему к нам применяют коллективную ответственность?!» Дорогой, а где ты был раньше? О коллективной ответственности твои «партнёры» нам с прошлого года талдычат!

Сборная России по футболу опять позорно провалила чемпионат Европы. В трех играх в своей подгруппе набрала лишь одно очко, заняв последнее место и проиграв сборным Словакии и Уэльса. Но дело даже не в проигрыше, хотя проигрывать второстепенным футбольным командам мы просто не имели права. Дело — в абсолютно бездарной, трусливой, бессмысленной игре, в которой никто из игроков не понимал друг друга и не знал, что делать с мячом. Это бросалось в глаза настолько явно, словно во Францию приехали какие-то заштатные перворазрядники из разных городов, никогда не видевшие прежде друг друга. А ведь среди них были чемпионы и обладатели кубка РФ по футболу! Но их бездарность, никчемность и растерянность разительно выделялись на фоне игры абсолютно всех иных команд. Мировой футбол ушел вперед от этих неумех лет на двадцать. Они из года в год валялись дурака в чемпионате РФ, получая какие-то нереальные зарплаты и премии за счет игры иностранцев. Вот и здесь решили на дурачка проскочить. И получили от словаков и валлийцев по сусалам, опозорившись на весь мир. Но они ведь не столько себя, сколько страну позорили.

И приходится вновь констатировать: нет у нас ныне футбола. Уже давно нет. Загубили быстрыми бешеными деньгами и зарубежными игроками. А готовить своих всем было накладно и лень. 20 лет назад закрыли в крупных городах детские спортивные школы, и теперь спортивные чиновники во главе с министром спорта Мутко голову пеплом посыпают. Между прочим, футбол лучше всего показывает бездарность, лживость, циничность и тупость всей системы жизни, в которой мы оказались.

На тренера Слуцкого смотреть было, мягко говоря, неприятно. Сидел, как сыч с выпученными глазами, и качался, точно еврей в синагоге, беспрестанно ругался матом и ежеминутно хватался за голову, словно у него сто рублей украли. Вместо того чтобы руководить игрой команды, как это делают другие тренеры. Впрочем, и руководить-то было нечем, потому что команды в полном смысле этого слова не было. А было сборище разрозненных бездарей, не знающих, зачем они сюда приехали. Такой плохой сборной у нас еще не было никогда. Но Слуцкий, судя по его оптимистичным заявлениям, когда вёз ее во Францию, этого не понимал. Хотя после товарищеских игр с Чехией и Сербией накануне чемпионата Европы уже было ясно, что команда никуда не годится.

Мы не просто проиграли. Проигрывают многие. Мы продемонстрировали полнейший провал российского футбола.

Причем провал очень глубокий, системный и при нынешнем спортивном руководстве — безвыходный, несмотря на огромные деньги, которыми обладает РФС (Российский футбольный союз). И если всё оставить как есть, это позорище повторится через два года в Москве. (Опять же если у нас не отнимут чемпионат мира.) Нынешних «сборников» уже не переучить. Поэтому, дабы через два года вновь не провалиться, надо создавать абсолютно новую сборную из молодежной команды и два года упорно готовить ее к ЧМ. Кто будет лениться и халтурить — гнать в шею. Но для этого нужен умный и грамотный тренер, чтобы он их именно УЧИЛ играть в современный футбол и никого не бояться — чтобы не было у них страха в глазах, как у нынешних бездарей. Однако главная беда нашей страны заключается в том, что умных, грамотных специалистов руководящие чиновники, как в спорте, так и выше, пуще смерти боятся.

* * *

Чёрт шельму метит. В данном случае именно чёрт, а не Бог. Когда А.Навальный работал под крылом губернатора Кировской обл. Никиты Белых в мошеннической фирме «Кировлес», то попался там на незаконной вырубке и продаже леса, а также на получении взяток. Был суд, но его поделец и покровитель Н.Белых всячески его выгораживал, используя высокие связи и деньги. Навальному дали пять лет и тут же освободили.

Но чёрт шельму метит. И вот теперь сам покровитель-губернатор, большой либерал-демократ, «друг Е.Гайдара», бывший лидер русофобского Союза правых сил попался на том же самом — на взятке в полмиллиона евро. Это у них, либералов, родовое — грабить Россию.

Надо было слышать, как кировского губернатора-мошенника до хрипоты выгораживал на Русской службе новостей другой его дружок — Боря Надеждин!.. Еще один либерал...

* * *

Вот и договорились... Можно сбить боевой самолет, убить летчика и через полгода сказать волшебное слово «извините». И в тот же день — восстановить потоки наших туристов к себе, а помидоров — к нам и возвращение своих рабочих на стройки Москвы. Интересно будет посмотреть за разворотом на 180 гр. кремлевских лизоблюдов на экранах ТВ. На РСН разворот произошел мгновенно: Турция уже, оказывается, наш давний близкий сосед и стратегический партнер. Молодцы, ребятки! На любой ситуации научились делать бабло!

Но вот что интересно. Заявление Путина о восстановлении нашего туризма в Турцию прозвучало **на следующий день** после жутких терактов в стамбульском аэропорту, при которых около 50 человек погибли и более 200 было ранено. Но, как мы видим, безопасность — дело десятое, когда «партнерам» понадобилось срочно наладить отношения...

Теперь российский охлос вновь миллионным потоком попреет на турецкие пляжи, несмотря ни на какие теракты и отравленную водку. Истосковались. Ну а главные «партнеры» восстановят прежние рукопожатия и объятия. И Киселев в «Вестях» начнет рассказывать, какие турки трудолюбивые и гостеприимные и какая Турция прекрасная страна...

С самого начала «антитурецкой» кампании я ни секунды не сомневался в том, что она закончится пшиком, насмешкой над всеми нами. Я прекрасно знал, что неизлечимая болезнь «партнерства» очень скоро возьмет свое. И как же смешно уже через день после «примирительного» заявления Путина было смотреть на вечерние политические шоу на 1-м и 2-м каналах! Как изворотливо оправдывали «своевременное решение президента о восстановлении турецко-российских отношений» потрясающие хамелеоны Железняк и Шаргунов! А ведь еще неделю назад оба они называли Турцию враждебным государством, а Эрдогана — преступником и мерзавцем.

Но шут с ними, штатными хамелеонами. Тут другое интересно. Неужто игиловцы больше не будут снабжаться из Турции? Или мы теперь не будем этого замечать? А как замечать, когда наши туристы с легкой руки Путина будут теперь жарить свои животы на пляжах Анталии?..

* * *

29 июня на заседании правительства (показали фрагмент по ящику) Д. Медведев заявил, что турецкие помидоры и апельсины уже через неделю появятся на наших прилавках. Вот это и есть хваленое импортозамещение по-медведевски.

В свою очередь, Путин еще раз объявил, что мы восстанавливаем туризм в Турцию в полном объеме. Это что же такое должно было случиться после семимесячного поливания Турции всеми на свете помоями?! Неужели одно-единственное словечко, которого, как выясняется, в реальности и не было, может так изменить, развернуть на 180 гр. политику государства?! Это просто какой-то уникальный случай. Но что за собой влечет это изменение? Деньги от нашего туризма теперь потекут не в наш бюджет, не на развитие Крыма, а опять за границу, опять в карман чужому дяде.

Ну вот, господа-товарищи, ювенальная юстиция в конце концов пришла в каждый наш дом на законных основаниях. Сколько бы наш Луноподобный и Непогрешимый ни пудрил нам мозги о том, что он против этой самой ювенальной юстиции, 3 июля втихаря, без обычного самопиара он подписал-таки утвержденный Думой и СФ антиродительский закон. Отныне, «дорогие россияне», за каждый ваш шлепок ребенку, сующему пальцы в розетку или стреляющему из рогатки по голубям, вам грозит срок заключения до двух лет. Или, не дай Бог, ваш ребенок кому-то пожалуется на отсутствие у него жвачки, а еще хуже айфона с наушниками — он будет специальными службами без всякого судебного разбирательства изъят из вашей семьи и помещен в детдом или в детприёмник с полным запретом вашего с ним общения. Мы долгое время охали и ахали, наблюдая по ящику за подобными историями, происходящими с нашими людьми за рубежом, теперь же каждый из нас, имеющих несовершеннолетних детей, является кандидатом в участники подобных историй. И не факт, что про вашу историю расскажут по ящику, потому что истории эти на наши наивные головы посыплются как из рога изобилия.

Известный наш «антиювенальщик», получивший кремлевское разрешение на создание целой организации по противодействию ювенальной юстиции, С.Кургинян, естественно, не может не радоваться подписанному президентом закону. Отныне жалобы и просьбы о помощи в его организацию посыплются от населения бесконечным потоком, а вслед за ними польётся к нему и другой поток — денежно-материальный: на гонорары юристам, консультантам, секретаршам, на документооборот и т.д., и т.п. Всё это Сергей Ервандович предвидел задолго и заранее всё предусмотрел — даже привлечение президента на организованный им с помощью кремлевской администрации первый Съезд родителей в Колонном зале Дома союзов, съезд якобы по противодействию ювенальной юстиции. С какой радостью участники того съезда приветствовали присутствие на нём В.В. Путина и С.Б. Иванова!.. Ну уж теперь-то, думали они, мы можем быть спокойны, когда такие люди нас поддерживают!.. Хотя на самом деле на радость и на спокойствие имели право только два человека — Сергей Ервандович Кургинян и его супруга Мария Рачиевна Мамиконян, утвержденная съездом на должность главы этой антиювенальной организации... Уж они-то, не сомневаюсь, всё знали наперед.

Что это за странная национальность: «украинец»? Мы привыкли к ее обозначению, часто не вдумываясь в детали ее происхождения. Ведь обычно этническое обозначение народа дает название той территории, на которой данный народ проживает. А тут произошло ровным счетом наоборот. Название территории дало обозначение национальности. Но, как известно, национальность — это ведь совсем другое. Это генетическая, духовная, если хотите, кровная общность людей, долгое время проживающих или проживавших на земле, которую они называли своим именем. Но люди, проживающие на территории, названной Украиной (как окраины Российской империи) задолго до появления этого названия, никак генетически, духовно и, если хотите, кровно не могли быть украинцами. Более того, они по своей истинной национальности даже и малороссами не могли быть, потому что малоросс — это тоже не национальность, не обозначение нации, а всего лишь человек, живший на определённой территории — Малороссии. Национальность же у малоросса и украинца может быть только одна — а именно та, которая фигурирует в документах Киевской Руси и которой называют себя запорожские казаки в повести Гоголя «Тарас Бульба». А украинец — это то же самое, что туляк, пермяк и псковитянин. И не более того.

Вместе с «антиэкстремистским пакетом Яровой» и ювенальным законом наш Несравненный и Непогрешимый втихую, без шума и пыли подписал закон, разрешающий капитальное строительство в заповедниках России. Денежные мешки и строительные кампании прыгают от счастья. Население, как всегда, ничего об этом не знает. Но для заповедников это был самый чёрный день.

По всему миру происходят зверские теракты — каждый Божий день десятки, сотни людей взрывают, берут в заложники, убивают в местах скопления. Но мир продолжает жить, как ни в чём не бывало, словно это не реальных людей уничтожают, а какой-нибудь фильм ужасов показывают. Проходят эстрадные представления, педерастические шоу Евровидения, мировые спортивные чемпионаты, выбирают лучших красавиц, реклама заполонила все каналы радио и ТВ. Но никто не говорит, не пишет о том, что идёт религиозная война. И с каждым годом, с каждым днём она разрастается, по-

---

гребая под собой тысячи новых жертв. Говорить и писать о ней в мировых СМИ не рекомендовано, чтобы не дискредитировать ту религию, от имени которой ведется эта война. Но многие это понимают. А некоторые знают, что однажды наступит такой момент, когда говорить о ней будет поздно. Поэтому что она окажется на пороге каждого дома.

* * *

Сразу после того, как российско-турецкие «партнёры» решили помириться, над Сирией был сбит наш боевой вертолёт. Естественно, «стингеры» поступили игиловцам из Турции. Оба пилота погибли. А российский охлос уже через три дня после «примирения» сторон восстановил прежний туристический поток на турецкие пляжи.

* * *

Жизнь изо дня в день подтверждает сказанное. 14 июля случился новый теракт во Франции. На этот раз в курортной Ницце. Выходец из Туниса на грузовой машине врезался в огромную толпу людей на набережной, пришедших вечером отпраздновать национальный праздник Франции — День взятия Бастилии. Когда люди в панике стали разбегаться, водитель их догонял и давил, а потом начал в них стрелять. Сразу погибли 84 человека, более двухсот были ранены.

День взятия Бастилии (14 июля 1789 г.) считается днем начала террористической «Великой французской революции». Вот французы и получили в этот день то, что праздновали, — реальный теракт. А то ведь они не понимали, **что** празднуют. Вот им и напомнили. Всё очень точно было кем-то рассчитано. И теперь каждый год в этот день у них будет не праздник, а траур. Траур по тысячам французам, казненным в ходе террористической, масонской, кровавой «Великой французской революции». Нельзя прыгать от счастья и радоваться по поводу тысяч убитых этой революцией. Бог не играет в кости.

* * *

После провалившейся попытки военного переворота в Турции (15 июля) российские туристы застряли в аэропортах Анкары и Стамбула. Их никуда не выпускали и к ним никого не допускали — даже нашего консула. Хотя немецким туристам позволили вылететь. Нашим же любителям турецких пляжей авиакомпании не выдавали ни питания, ни воды. То есть относились именно как к быдлу.

Их, российских пляжных недоумков, сотни раз предуп-

реждали: не надо лететь в Турцию, не ищите проблем на свою голову. Но, обрадовавшись неожиданному путинско-эрдогановскому «примирению», они опять, сломя голову, кинулись на турецкие пляжи. Их туда тянет, как мух на дерьмо. Это какое-то патологическое влечение. Запретная страсть. Эстремальная любовь. И, честно говоря, было бы для них же лучше, чтобы их там, в аэропортах, с недельку подержали. Авось, мозги бы наконец зашевелились...

* * *

Оказывается, как сообщили российские СМИ, это Путин предупредил Эрдогана о готовящемся перевороте. А давно ли все наши телеканалы с подачи того же Кремля поносили Эрдогана за притеснение «свобод» и аресты журналистов! И вдруг — замолкли. Теперь Эрдоган — хороший! И свергать его ну никак нельзя!

* * *

Уже многие, наверное, забыли слова Обамы, сказанные после возвращения к нам Крыма: «Россия за это дорого заплатит». Тогда многие пропустили эти слова мимо ушей. Но теперь мы видим, что они не были брошены на ветер. Экономические санкции США и Европы по отношению к нам и отстранение сотен наших спортсменов от Олимпиады в Рио — это и есть исполнение обамовских угроз.

Но я уверен: **что Бог ни делает, всё к лучшему**. Чем быстрее и жестче будут разорваны отношения с западными «партнерами», тем для России будет благотворнее, и тем быстрее мы избавимся от мерзавцев, предателей и всяческой швали во власти.

А с большим спортом в будущем надо постепенно заканчивать. Этой языческой архаике нужно придавать меньшее значение. Вот доблесть какая — кто дальше или выше прыгнет! Почему весь мир должен из-за этого с ума сходить? И хватит гробить деньги на бессмысленное строительство стадионов! Эти средства надо вкладывать в высокую культуру, в национальное образование, в поддержку русской литературы и т.п. Вот тогда и патриотизм поднимется на должную высоту.

* * *

Лица либеральной национальности, 25 лет назад прорвавшиеся здесь к власти, создали страну под себя — страну воров и лицемеров. И теперь даже руководители органов, обязанных пресекать коррупцию, сами оказываются корруп-

---

ционерами. Вот к чему мы пришли. Вернее, к чему *они* нас привели. Разве может быть у такого государства достойное будущее? В этой системе жизни абсолютно всё поставлено на деньги. Сама эта система провоцирует коррупцию. Вот о чём мы должны думать, переживать и открыто говорить. А мы об Олимпиаде переживаем...

Нынешний спорт — такой же атрибут коррупции. Чего стоят покупка или продажа игроков, как породистых лошадей, за миллионы долларов. Когда президент на виду у всей страны одаривает спортсменов дорогими иномарками, то тем самым множит коррупцию и узаконивает неправомерное обогащение. А в это самое время русские литературные журналы погибают из-за нехватки средств, люди по всей стране живут в гниющих бараках и чуть ли не каждый день растут цены на жизненно важные лекарства на фоне отмены индексации пенсий. То есть вся политика созданного 25 лет назад т.н. «свободного» государства — это заведомо **коррупционная** политика. И когда власть, словно проснувшись от 25-летнего летаргического сна, вдруг начинает бороться с коррупцией, это означает, что она борется сама с собой.

* * *

Более месяца назад в заметке «Заказ выполнен» я писал в Фейсбуке о том, что по **заказу** Обамы российских легкоатлетов, как и многих спортсменов из других видов спорта, не допустят до Олимпийских игр в Бразилии. Некоторые кинулись там со мной спорить, наивно надеясь, что этого не случится.

На первом этапе обамовский **заказ** исполнила ВАДА (Всемирное антидопинговое агентство). 21 июля был исполнен второй этап **заказа** — Спортивным арбитражным судом в Лозанне, куда обратились наши «чистые» легкоатлеты, надеясь на его справедливое решение. Но ни в каких европейских судах **заказы**, спущенные из Вашингтона, сомнению не подлежат. 24 июля состоится третий и последний этап исполнения этого **заказа** — в исполкоме Международного олимпийского комитета (МОК). Уверен, что от участия в ОИ будут отстранены не только легкоатлеты, но и многие другие члены нашей олимпийской сборной, уличённые в приёме мельдония. Кремль, как обычно, выразил свое излюбленное «сожаление» по поводу решения арбитражного суда в Лозанне.

* * *

Итак, МОК принял половинчатое — оскорбительное для нас решение. Одни «чистые» спортсмены едут на Олимпийс-

---

кие игры, другие, такие же «чистые», — не едут. И те, которые поедут, — конечно же, безумно рады. Личный эгоизм, как и положено, ближе к телу. То есть **нас целенаправленно заставили предать своих**. Вся наша легкоатлетическая сборная к Играм не допущена. (Как, впрочем, не смогут поехать и наши тяжелоатлеты, т.к. против них выступила Международная федерация тяжелой атлетики.) И каково им видеть радость тех, кто допущен в других видах спорта? Уж лучше бы не допустили никого. Мы были бы едины в своем отношении к околоспортивным функционерам — как к чужим, так и к своим. Но нас они раскололи — заставили радоваться одних спортсменов и омрачиться других. Видимо, в этом и был смысл всей этой затеянной за океаном провокации. Отсутствие единства — это главная наша слабость и беда.

Американцы могут потирать потные ручонки: выбиты из борьбы их главные конкуренты — российские легкоатлеты. Не поедут в Рио рекордсменка Елена Исинбаева и наш лучший спринтер-барьерист, чемпион мира 2015 года Сергей Шубенков. Думаю, что подлость Запада на этих Играх еще проявит себя не раз.

Мы тут всё Мутко недобрым словом поминали. Но в его тени скрывался другой спортивный функционер — председатель Олимпийского комитета А. Жуков, который, как серая мышь, всё время отмалчивался во время «допинговой истории». А он виноват в ней не менее Мутко — своей бесхребетностью и своим хамелеонским приспособленчеством. «Авось пронесёт», — надеялись эти два высокопоставленных чиновника. Но увольнять их, естественно, никто не собирается.

Чиновник по фамилии Мутко уже выразил МОКу свою искреннюю благодарность... Видимо, за то, что МОК ему запретил появляться на Играх в Рио-де-Жанейро.

Соловьёвские болтливые «политологи» тоже обрадовались такому, по их словам, «мудрому» решению МОК. А о том, что нас в очередной раз цинично и дёшево унизили, никто из них не заикнулся.

Только одна Е. Исинбаева не стала подыгрывать нашим трусливым и ничтожным дельцам на ниве спорта, назвав эту историю мерзостью и беззаконием.

Но больше всех рады, конечно, Жуков и Мутко...

* * *

Кремль поблагодарил МОК. Видимо, за то, что околоспортивные дельцы нас оскорбили и унизили, не пустив наших легкоатлетов и тяжелоатлетов на ОИ. За то, что мы подверг-

---

лись дискриминации. За то, что полгода издевались над нами, называя нас допинговой страной и обвиняя ФСБ в подтасовке анализов наших спортсменов. Ну что ж, спасибо вам большое, пиндосские мартышки, за то, что вы поглумились над нами!

Ни глава МОК Т.Бах, ни члены московского Исполкома никоим образом не выразили своего отношения ко всей этой вопиюще безнравственной истории и сами приняли участие в дискриминации России.

* * *

Еще в начале года я писал о том, что на Россию с подачи американцев ВАДА (Всемирное антидопинговое агентство) навесила ярлык «допинговой страны», т.к. сама же и внесла в этом году в список запрещенных для спортсменов препаратов мельдоний, который допингом не является. Все иностранные спортсмены принимают после соревнований аналогичный препарат под другим названием. Это всего-навсего витамин, восстанавливающий работу сердца после физических нагрузок. У России, в отличие от США, не было и нет проблем с допингом. Но Международные спортивные федерации отстранили от участия в Олимпийских играх многих наших спортсменов, потому что у них в крови обнаружили мельдоний. И руководство МОК с подачи ВАДА на весь мир заявляет (и «наши» СМИ это повторяют), что они замазаны допингом. И это при том, что практически ВСЕ штатовские спортсмены сидят на реальном допинге, и дельцы из ВАДА об этом знают. Но пиндосы ежегодно платят этой «ВАДЕ» полтора млрд. баксов. И чтобы отвести от себя все подозрения, они решили разыграть карту мельдония в России, дабы наклеить на нас ярлык «допинговой страны». Что ж, получилось. Но если бы наши главные власти не молчали в тряпочку, не стелились бы под «партнеров», а сразу выступили с жесткими заявлениями по поводу этой провокации, у них, пиндосов и вадовцев, этот номер не прошел бы. Но трусость и политиканство — всегда главные причины поражения.

* * *

Для того чтобы значительно сократить преступность в стране и, в первую очередь, воровство в крупных размерах, необходимо всего лишь только отменить мораторий на смертную казнь. Причем смертную казнь даже не обязательно применять. Но само наличие этой статьи в Уголовном кодексе сразу же снизит жестокую преступность и неслыханную коррупцию более чем на 50%.

Либералы при Ельцине добились моратория на смертную казнь, чтобы, во-первых, проташить Россию в Совет Европы, а, во-вторых, чтобы не рисковать жизнью при разворовывании госбюджета. Теперь же, когда из Совета Европы мы ушли, а в Европейский союз мы вступать и не собираемся, когда вроде бы на самом высоком уровне в стране объявлена война коррупции, сохранение моратория на смертную казнь выглядит странно, нелогично и просто глупо. И более того — порождает естественный вопрос: а действительно ли у нас борьба с коррупцией или имитация ее?

***

Во время обыска в загородном доме главы Федеральной таможенной службы А.Бельянинова, проходящего по делу о контрабанде элитным алкоголем, следственные органы обнаружили миллионы рублей и долларов, спрятанных в коробки из-под обуви, а также антикварные картины и украшения. Более того, сам этот дом, как сообщают СМИ, стоит двести миллионов рублей.

Занимая свои высокие должности, они не боятся ничего, кроме... Единственно, чего они боятся, — возвращения смертной казни.

В насквозь коррумпированном государстве нет другого способа остановить погрязших в воровстве госчиновников. Вся история человечества доказала, что смертная казнь — единственный эффективный метод по пресечению зарвавшейся преступности.

***

Абсолютно ясно, что Г.Родченков, главный «разоблачитель» наших спортсменов, — это американский агент, несколько лет назад внедрённый в РУСАДА (Российское антидопинговое агентство) с целью фальсификации анализов допинг-проб атлетов и их подмены. По рекомендации ВАДА он возглавил наше аналогичное агентство и творил там что хотел. Затем — сбежал в США и выступил с «разоблачительными фактами» якобы массового употребления российскими спортсменами запрещенных препаратов. И предоставил в ВАДА те самые «положительные» допинг-пробы, которые сам же и сфальсифицировал.

Машина «разоблачений» мгновенно получила сигнал из США на начало громкой кампании против российского спорта. Тут же по всей Европе прошли фильмы-«разоблачения», основанные на показаниях американского агента Г.Родченкова. Ажиотаж был поднят всемирный — с целью не

допустить Россию на летние Олимпийские игры 2016 г. Понятно, что эта заранее спланированная провокация стояла в одном ряду с экономическими санкциями Америки и Европы против России за Крым.

Глава ВАДА канадец Р.Макларен в своем докладе по лишению России своего представительства на Олимпийских играх в Бразилии основывался исключительно на добытых преступным путем подложных анализах допинг-проб, вывезенных Родченковым из России в США. Не может быть никаких сомнений в том, что самому Макларену прекрасно известна вся подоплека этой грязной провокации, задуманной и осуществленной его близкими партнёрами из США. Понятно ему и то, что его доклад так же от начала до конца лжив, как и все т.н. «письменные показания» Г.Родченкова, положенные в основу его русофобского доклада.

Вот о чём нужно было с самого начала вести речь двум нашим главным спортивным функционерам — министру спорта В.Мутко и председателю Олимпийского комитета РФ А.Жукову. Ну а затем и нашему президенту. Если бы они сразу, еще в начале года, когда началась за рубежом вся эта «разоблачительная» вакханалия против российских спортсменов, заявили о спланированной против нас американской провокации с помощью их же агента Г.Родченкова, то никакого русофобского доклада Макларена просто-напросто не состоялось бы. Не состоялась бы дискриминация, унижение и оскорбление нашей страны из уст подлых американо-европейских «разоблачителей». И наша олимпийская команда уехала бы в Рио в полном составе.

Но понятно и другое: мелкие чиновные клерки, по блату пролезшие на свои высокие должности, по своей трусоватой и ничтожной натуре были не способны работать на опережение и тем более делать громкие заявления. Потому мы и получили то, что получили. После чего они с невинными глазками и застенчивыми улыбочками отправляли за океан нашу олимпийскую команду, урезанную наполовину..

* * *

Телевизор — это какой-то бесконечный ужас и психологический кошмар. В новостях — сплошь убийства, пожары со сгоревшими людьми, теракты и их расследования. После новостей — по всем центральным каналам ментовские сериалы с жестокими убийствами, кровью и подробным расследованием преступлений. А между ними, по выходным, — эстрадная попса и ржание над дегенеративными «юмористами». Телевизионное руководство — это моральные диверсан-

---

ты, которых надо судить за многолетнее угнетение сознания населения страны. Но их награждают орденами «За заслуги перед Отечеством»...

* * *

Уже более двух лет назад было ясно, что Украина перешла к террору. Сожжение людей в одесском Доме профсоюзов и тысячи убитых при обстрелах Славянска, Горловки, Мариуполя, Луганска, Донецка и других своих городов — это были акты террора. Сбитый по приказу Киева малазийский «Боринг» — это был акт террора. Диверсионные вылазки против командиров и руководителей ДНР и ЛНР — это были акты террора. Но таких слов в Кремле за прошедшие два с лишним года не произносили. И при встрече с Порошенко Путин пожимал ему руку. Украина все эти годы не называлась террористической, несмотря на то, что от рук ее «свободолюбивых» хлопцев погибли и стали калеками многие тысячи русских людей.

И вот только теперь, когда три диверсионные группы СБУ проникли в Крым, убив двух наших военнослужащих, Украина, по словам президента РФ, «перешла к террору». Мы-то это видели и понимали давно. Но наконец-то признали это и в Кремле. Там, видимо, поняли и то, что г-н Обама в конце своего президентства решил развязать еще одну войну — на бывшей нашей территории. Скорее всего для того, чтобы пресечь наше военное участие в Сирии.

Тупая наглость киевских властей уже давно перешла все границы. Их давно надо было останавливать. Но Кремль всё пытался замирить Киев своим дурным «партнёрством» и «минскими соглашениями», на которые Киев наплевал в первый же день после их подписания.

История человечества тысячи раз доказывала: никогда тупая наглость озлобленного дуболома не могла быть остановлена уговорами и договорами. Однако быстрым, действенным, единственным и окончательным способом его умиротворения во все времена было применение силы оружия. И если Украина, по словам Путина, перешла к террору, то и поступать с ней надо соответственно — как везде и всюду поступают с террористами. Тем более что мы вот уже более двух лет имеем дело с ее **государственным террором**.

* * *

Опять — прогиб, опять — неумение сохранять достоинство и дешёвая беспринципность. Ну разве станет уважающая себя страна транслировать на своем ТВ соревнования

по легкой атлетике, на которые ее легкоатлетов не допустили? Спрашивается, зачем нам смотреть состязания, куда нагло, бесцеремонно и оскорбительно не пустили наших атлетов? Ответ очевиден всем, кроме, конечно, беспринципного российского телевидения и бесхребетных высоких чиновников от российского спорта, для которых прогиб и унижение — наверное, самые большие удовольствия в жизни.

Кто-то непременно скажет: но ведь это же интересно — посмотреть на ямайского Болта или эфиопскую Дибабу!.. Ответить могу только одно: приезжайте к нам в Кузьминский парк в Москве — там эти тёмнолицые болты и дibabaы (студенты ветеринарной академии) табунами ходят. Но олимпийские соревнования по легкой атлетике без Елены Исинбаевой для нас вообще не имеют смысла! И транслировать их на Россию — значит морально нас оскорблять. Впрочем, для телевизионного начальства это дело обычно-привычное.

* * *

Украинские военные преступники продолжают убивать людей в Донбассе только по одной причине — потому что один-единственный человек в Кремле это допускает.

Тысячи уголовных преступников из «суверенных государств» Средней Азии и Закавказья, среди которых немало завербованных боевиков ИГИЛа или сочувствующих им, ежедневно свободно прибывают в столицу и другие города России только по одной причине — потому что один-единственный человек в Кремле это допускает и горой стоит против ввода визового режима с этими «суверенными государствами».

* * *

Закончились летние Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро. Помимо того, что они запомнятся грязными политическими интригами западного мира против России, сами по себе эти игры оставили двоякое впечатление. С одной стороны, наша команда оказалась урезанной почти наполовину при дежурных и малодушных «сожалениях» как спортивных, так кремлевских властей, но с другой стороны, даже в таком состоянии наши спортсмены завоевали 56 медалей, из которых 19 — золотые. И это без легкоатлетов и тяжелоатлетов, среди которых у нас немало очень сильных спортсменов. Мы опередили по медалям такие крупные спортивные страны, как Германия, Франция, Испания, Япония, выступавшие в Рио в своих полных и лучших составах. Нельзя не отметить, что больше всех радовавшиеся нашему «обрезанию» украинс-

---

кие «нэзалэжники» смогли взять только две золотые медали. Во всех смыслах — позорники.

Как всегда, запомнятся эти игры и своим традиционным пресмыкательством судей перед американцами — особенно два самых ярких эпизода, когда в финале отдали победу штатовскому борцу, по всем статьям проигравшему кубинцу, отчего тот просто ушел с ковра, не пожав руку липовому победителю. Ну и, конечно же, пресловутая одиночная «перебежка» американской женской эстафетной четверки, уронившей палочку. Где, когда, кому давали «перебежать» в аналогичных ситуациях?! Подобных случаев не только никогда не было, но, уверен, теперь уже точно никогда больше не будет. Но для звездно-полосатых сделали исключение. Ну как же, они ведь у нас «исключительная нация»...

Ясно, что допинговая история, придуманная перед Олимпийскими играми вадовскими исполнителями по указке США, должна была отсечь Россию от большого спорта, чтобы русские не имели возможности лишний раз показать всему миру свою силу и свой дух. Но история эта показала гораздо большее — то, что холодная война против нас за последние 25 лет не прекращалась ни на один день. И ее архитекторы пользовались любым шансом, чтобы как можно больнее ударить по нам. На самом деле война эта постоянна и нескончаема, она только меняет свои формы. Ее обозначения «горячая» и «холодная» — это лишь условные названия одной и той же войны. На данный момент она наиболее заметно происходит в спорте.

Как я и предвидел ранее, наших спортсменов-инвалидов вадовские подамериканские ничтожества вместе с арбитражным судом в Лозанне не допустили до Паралимпийских игр в полном составе. Тут уж они не стали церемониться: мол, хватит рекламировать русскую силу — не поедет никто. Подлость, ничтожество, трусость и низменность европейских спортивных чиновников здесь проявились во всем своем «блеске», во всей своей «красе».

Но как повели себя в этой ситуации российские главные чинуши от спорта — те же Мутко и Жуков? Да всё так же. Отделались ничего не значащими комментариями для журналистов. И — никаких официальных заявлений, никаких демаршей, никаких жестких пресс-конференций для иностранных журналистов, никаких резких поступков с их стороны не последовало. Тут же опустили лапки, смирились и только виновато улыбались... В том, что их коллеги по международному спорту могут о нас вот так безнаказанно вытирать ноги, виноваты в том числе и они.

В. Путин при награждении в Кремле победителей-олимпийцев что-то там сказал про цинизм и измененность отстранителей наших спортсменов-инвалидов, но опять же этими **словами** дело и ограничилось. Да плевать наши враги хотели на все эти слова и эпитеты. Они-то словами не ограничиваются, а монотонно и неуклонно делают именно свои подлые **дела**. А наши несменяемые и улыбчивые власти в ответ рассыпают свои эмоциональные высказывания — абсолютно ничего не значащие и ни на кого не действующие.

Есть еще и третья, не очень красивая сторона этой олимпийской истории. Там же, в Кремле, на глазах у всей страны, как всегда, одарили спортсменов-медалистов большими премиями и дорогими иномарками — помимо того, что они получают свои немалые гонорары от МОК, а также не менее дорогие подарки по месту жительства (особенно на Северном Кавказе). А это уже, извините, похоже на некое разращение спорта. То есть при всех прекрасных патриотических лозунгах люди эти понимали, что бились они на спортивных площадках за очень большие деньги. И это показывают всей стране.

И уже на следующий день появились сообщения о том, что некоторые спортсмены свои «олимпийские» иномарки выставили на продажу... Что ж, они люди не бедные, иномарки у них и свои имеются...

* * *

Что и следовало ожидать. После всех вадовских провокаций против наших спортсменов, после хамских немецких фильмов о «поощрении властями допинга в России», после отстранения от Олимпиады в Рио чуть ли не половины нашей олимпийской команды и дисквалификации всей паралимпийской сборной (летней и зимней) МОК в самом конце августа объявил... о «мельдониевой амнистии». То есть мельдоний больше не является допингом. Но американские легкоатлеты, в отсутствие в Рио-де-Жанейро наших легкоатлетов, свои медали уже получили... Кто бы сомневался...

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Михаил АНТОНОВ. Правда об украинцах и Украине — 3.
Александр БАСТРЫКИН. Пора поставить действенный заслон информационной войне — 9.
Валерий БУХВАЛОВ. Проблем с совестью не будет — 10.
Максим ВАСИЛЬЕВ. Технология неокOLONиального передела мира — 7-8.
Павел ДМИТРИЕВ. Чего ждать? — 4.
Сергей ЕЛИШЕВ. Империи в мировой истории — 7-8.
Сергей ЕЛИШЕВ. Молодёжь как объект манипуляций — 9.
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Зрада, ганьба, перемога... — 10.
Леонид ИВАШОВ. Правительство или похоронная команда? — 5-6.
Ростислав ИЩЕНКО. Террор и цивилизация — 3.
Валентин КАТАСОНОВ. Альфа и омега современной истории — 4.
Валентин КАТАСОНОВ. Гибридная война Запада против России — 9.
Валентин КАТАСОНОВ. Сколько можно дурачить народ? — 10.
Елена КИРЯКОВА. Тря дня в августе, или Торжество беззакония — 11-12.
Лев КРИШТАПОВИЧ. Бандеровщина как химера евроинтеграции — 1-2.
Лев КРИШТАПОВИЧ. Белорусский путь — вместе с Россией — 5-6.
Сергей ЛЕБЕДЕВ. Страна иммигрантов — 3.
Михаил ЛЕМЕШЕВ. Единственный выход из либерального тупика. — 11-12.
Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА. Диктатура безумия — 1-2.
Евгений ОЛЕШУК. Основной вопрос эволюции — 11-12.
Михаил ОНУФРИЕНКО. К чему ведёт невмешательство — 7-8.
Галина ПЫРХ. Беженцы в России — 3.
Валерий РАСТОРГУЕВ. Террор и антитеррор: где проходит граница? — 4.
Вадим РЫБИН. Нужна борьба за родной язык — 9.
Людмила РЯБИЧЕНКО. Ювенальные времена — 10.
Людмила РЯБИЧЕНКО. «Служебный человек» как образ будущего — 11-12.
Виктор САУЛКИН. О покровителях международного терроризма — 1-2.
Виктор САУЛКИН. 13-я русско-турецкая война? — 3.
Юрий СЕЛИВАНОВ. Совращённые длинным рублём — 10.
Сергей СОКУРОВ. Холодная осень «Русской весны» — 1-2.
Людмила ТИХОНОВА. Приближение к тайне — 9.
Нина ТИХОМИРОВА. Московская битва — 11-12.
Олег УСИК. Погубленная гражданская авиация России — 7-8.
Семён ФОМИН. Основы нашей Победы — 5-6.
Евгений ЧЕРНЫШЁВ. Почему неизбежна вторая Переяславская Рада — 4.
Виктор ЧЕРНЫШЁВ. Радикализация ислама в современном мире — 5-6.
Галина ЧУДИНОВА. Лаврентий Берия и современная Россия — 4.

ПРОЗА

- Людмила АНИСАРОВА. Она была актрисой... Рассказ — 1-2.
Нина БОЙКО. Рассказы — 4, 11-12.
Владимир ВЕЩУНОВ. Заревна. Повесть — 7-8.
Дмитрий ВОРОНИН. Крохобор. Рассказ — 5-6.
Николай ДЕНИСОВ. Рассказы — 4.
Дмитрий ЕРМАКОВ. Берег юности. Повесть — 4.
Михаил ЕСЬКОВ. Зёрнышки — 3.
Николай ЗАЙЦЕВ. Княжий воин. Рассказ — 1-2.
Камиль ЗИГАНШИН. Два рассказа — 5-6.
Павел КРЕНЁВ. Пунашки, воротча и госьба. Рассказ — 1-2.
Анатолий КОЗЛОВ. Шоплифтер. Рассказ — 7-8.
Николай КОНЯЕВ. Рассказы — 7-8.
Александр ЛОМТЕВ. Короткие рассказы — 10.
Антон ЛУКИН. Рассказы — 10.

Виктор МАНУЙЛОВ. Лестница. Роман. Окончание — 9, 10, 11-12.
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Русские сны. Рассказ — 1-2.
Александр МОЖАЕВ. Последний нынешний денёчек. Повесть — 5-6.
Юрий ПАХОМОВ. Предзакатный свет. Рассказ — 7-8.
Владимир ПРОНСКИЙ. Отрава. Повесть — 3.
Владимир ПРОНСКИЙ. Рассказы — 11-12.
Андрей РАСТВОРЦЕВ. Два рассказа — 5-6.
Ян СЕРЕБРЯНСКИЙ. Мнение профессора Ларина. Повесть — 4.
Алексей СЕРОВ. Хозяин. Рассказ — 9.
Олег СКРЫННИК. Корж. Рассказ — 1-2.
Лев ТРУТНЕВ. Два рассказа — 3.
Валерий ХАТЮШИН. Дожить до завтра (Дневник солдата). Повесть — 9.

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. ...И горечь полыни во рту. Стихи — 1-2.
Анатолий АВРУТИН. Родная страна широка... Стихи — 9.
Михаил АНИЩЕНКО. Как любовь и разлука. Стихи — 5-6.
Бати БАЛКИЗОВ. В порыве к свету. Стихи. Перевод с кабардинского Валерия Латынина — 3.
Владимир БАШУНОВ. Взгляд из вечности. Стихи — 5-6.
Валентина БЕЛЯЕВА. Неразгаданные звуки. Стихи — 3.
Николай БЕСЕДИН. Третья чаша. Стихи — 5-6.
Борис БУРМИСТРОВ. Новый день ожидая. Стихи — 5-6.
Анатолий ГРЕБНЕВ. Рябиновый свет. Стихи — 7-8.
Любовь ДЕМИДОВА. Как пахнет лунный свет... — 10.
Наталья ЕГОРОВА. Очищающий свет. Стихи — 11-12.
Александр ИВУШКИН. Деревня, уходящая от нас... Стихи — 1-2.
Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА. Дай силы нам, Боже... Стихи — 7-8.
Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА. Сквозь боль и страх. Стихи — 3.
Виктор КАРПУШИН. Не оцифрована душа. Стихи. — 4.
Николай КОНОВСКОЙ. Исповедь. Стихи — 11-12.
Олег КОЧЕТКОВ. На грани моленья. Стихи — 10.
Алла ЛИНЁВА. Посреди морозной заметы. Стихи — 10.
Николай МАЛАШИЧ. Единую болью. Стихи — 4.
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Силуэты. Стихи — 3.
Эмма МЕНЬШИКОВА. Все окна изба проглядела. Стихи — 9.
Владимир НЕЖДАНОВ. Огненная птица. Стихи — 1-2.
Николай ПЕРЕЯСЛОВ. Я — не один. Недописанная поэма — 10.
Андрей ПОПОВ. Монастырские деревья. Стихи — 7-8.
Поэзия изгнания. Стихи поэтов Донбасса, покинувших родину — 9.
Алексей ПРАСОЛОВ. Просветлённость глубины. Стихи — 11-12.
Алексей РЕШЕТОВ. Соломинка с крыши родной. Стихи — 10.

Борис РЯБУХИН. Берёзовый свет. Стихи — 3.
Владимир СМЫК. Живой звук. Стихи — 4.
Стихи поэтов Донбасса — 3, 4.
Светлана СУПРУНОВА. Суетно, суетно в мире... — 11-12.
Ольга ФОКИНА. Ранний вечер и поздний рассвет. Стихи — 1-2.
Валерий ХАТЮШИН. Отраженье. Стихи — 11-12.
Владимир ШЕМШУЧЕНКО. Как земля и трава. Стихи — 1-2.
Борис ЩЕРБАТОВ. Сеятель. Стихи — 10.
Татьяна ШЕРБИНИНА. Чёрный мыс. Стихи — 4.
Евгений ЧЕПУРНЫХ. Летящий снег. Стихи — 7-8.
Вадим ЯРЦЕВ. В этом захолустном городке. Стихи — 9.

РУССКИЙ ВОПРОС

Григорий МИРОНОВ. Как украинизировали Донбасс — 11-12.
Александр САГАЛАЕВ. Неопределённость положения русских в России — 11-12.
Андрей СОШЕНКО. Национальная идея и национальный вопрос — 3.
Александр ШУМСКИЙ. Державность, всеотзывчивость и традиционализм — 3.

РУССКИЙ МИР

- Михаил АНДРЕЕВ. Православных бандеровцев не бывает — 9.
Виктор АКСЮЧИЦ. Рано или поздно мы воссоединимся — 10.
Сергей БЕЛЯКОВ. Потерявшие нравственность потеряют страну — 10.
Лев ГОРЕЛИКОВ. Русский мир и глобальный социум — 5-6.
Геннадий ЛУКИНЫХ. Галичане — кто же они? — 4.
Геннадий МИРОНОВ. Еще один урок для нас — 9.
Дневник Алексея Мозгового — 10.
Сергей ПАНТЕЛЕЕВ. Разделённый народ — 10.
Мирослав РУДЕНКО. Задачи исторической науки в ДНР, ЛНР и Новорос-
сии — 9.
Богдан САМОЕНКО, Николай ПРЕОБРАЖЕНЦЕВ. Всё это русские люди... — 5-6.
Валерий СКРИПКО. Украинская фамилия — 9.
Михаил СМОЛИН. Как растили антирусских — 1-2
Егор ХОЛМОГОРОВ. Русский мир должен быть единым — 4.
Галина ЧУДИНОВА. Какой должна стать будущая Россия — 5-6.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Игорь ЕВСИН. Кто победил в Русско-японской войне? — 1-2
Станислав ЗОТОВ. Он служил России — 11-12.
Константин КОЛОНТАЕВ, Владимир ЮДИН. Кто развязал Вторую миро-
вую войну — 4.
Алексей ФЕДОТОВ. Английские основания возвышения Гитлера — 5-6.

ДОСЬЕ «МГ»

- Николай БРАУН. Казненный дегенератами — 4.
Петр МУЛЬТАГУЛИ. Об отречении императора Николая II от престола —
1-2
Михаил НАЛИМОВ. Доказательства великого подлога — 3
Людмила РЯБИЧЕНКО. Они будут следить за нами — 9.
Виктор ЧЕРНЫШЁВ. Дивизия СС «Галичина» — 9.
Владимир ЮДИН. Поэт хотел жить — 4.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

- Виктор АЛКСНИС. Миграция в России приобрела необратимый характер — 7-8.
Андрей АНТОНОВ. Укрофашисты на российских телеканалах — 7-8.
Наталья БОРОВИКОВА. Ювенальный блицкриг состоялся — 11-12.
Михаил ДЕЛЯГИН. Чубайс и его воровские нанотехнологии — 9.
Владислав ЖУКОВСКИЙ. Цирк шапито — 10.
Иван ЗАЦАРИН. Наследство Тевтонского ордена — 10.
Валентин КАТАСОНОВ. Тень Вавилонской башни — 4.
Владимир ЛЕПЁХИН. Бандерофашизм — идеология убогих — 11-12.
Геннадий МАТЮШОВ. Европа копает себе могилу — 4.
Владимир НЕСТЕРОВ. Терроризм как процесс — 7-8.
Людмила РЯБИЧЕНКО. Якобы посмертное donorство... — 5-6.
Инна СИМОНОВА. «Победа» Джамалы... — 9.
Леонид СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ. Идеология последнего халифата — 4.
Леонид СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ. Мученица Анастасия — 5-6.
Валерий ФИЛИМОНОВ. После нас хоть... пустыня — 9.
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. За реформой образования РФ стоят спецслужбы
США — 5-6.
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Порча — 10.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Всеволод ТРОИЦКИЙ. Литература в школе: реальность и вымыслы — 4.
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Ожидание подвига — 5-6.
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Восстановить разрушенное — 10.

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Михаил ДЕЛЯГИН. «Физиолог человек» — 1-2.
Михаил ДЕЛЯГИН Принцесса либерализма — 3.

ЭКСПЕРТЫ

Владислав ЖУКОВСКИЙ. Социальный геноцид — 1-2.
Валентин КАТАСОНОВ. «Хозяева денег» топят Россию — 1-2.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Юрий КЛИМАКОВ. Последний первосвященник — 9.
Виктор САУЛКИН. Вместо «перестроек» и революций — 5-6.
Владимир СМЫК. Слава. Честь. Власть — 5-6.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Михаил РЕМИЗОВ. Мигрант в московском котле не плавится... — 9.
Валерий ХАТЮШИН. Ответы на вопросы проекта «Журнальная Россия» — 5-6.
Саид ЭСАМБАЕВ. Я полжизни провел на войне — 3.
Дмитрий ЯЗОВ. Богоданный вождь — 7-8.
Дмитрий ЯЗОВ. Дипломатический триумф Сталина — 9.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Юрий ПАХОМОВ. На южном берегу Белого моря — 5-6.
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания — 4, 7-8, 11-12.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Николай УЛЬЯНОВ. Замолчанный Маркс — 7-8.
Владимир ЮДИН. Он унёс в сердце Россию — 5-6.

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Владимир ЮДИН. Судьба казачьего генерала — 7-8.

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках — 3, 5-6, 7-8, 9, 10

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир СМЫК. Вперёд к Пушкину! (Перед кем предстоит писатель?) — 10.

КРУГ ЧТЕНИЯ

Владимир ПЕТРОВ. Душа поэта — 7-8.
Людмила САТАРОВА. Литературные судьбы — 10.

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Изречения Черномырдина — 1-2.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Нина ТИХОМИРОВА. Священный дар слова — 9.
Галина ЧУДИНОВА. Проблемы современной России — 10.